

Артур Кайков

На притоках
РЕКИ

Альберт Кайков

НА ПРИТОКАХ КЕТИ

Повести и рассказы

Новосибирск, 2020

УДК

ББК

К 15

Кайков А.С.

К 15 На притоках Кети. Повести и рассказы. – Новосибирск:

РИЦ «Новосибирск»,

В очередной книге А. С. Кайков возвращается к теме охота. Рассказывает о людях увлечённых охотой, об их непростой работе и судьбе.

Значительное место в книге уделено описанию природы, сценам охоты на медведей, которых значительно увеличилось в описываемых районах в связи с пожарами в соседнем Красноярском крае.

Книга будет интересна не только любителям природы и охоты, но и тем, кому близка таёжная романтика.

Кайков А. С. , тексты, 2020.

От автора

Верхнекетский район раскинулся на северо-востоке Томской области. Он граничит с Красноярским краем и Ханты-мансийским национальным округом. Своё название получил от реки Кеть, которая берёт начало в Красноярском крае. Самый большой её приток Лисица протянулся почти на пятьсот километров. Река протекает по низменной местности, покрытой таёжными лесами с многочисленными озёрами и болотами.

Здесь когда-то проживали племена селькупов, хантов, эвенков. Освоение территории и присоединение к Российскому государству началось с начала семнадцатого века. После основания Сургута промышленники и казаки продолжали продвигаться вверх по Оби. В 1596 году в устье Кети был заложен Кетский острог. Последствием присоединения земель кетского бассейна для обитателей района стало обложение ясачной повинностью. Её размер достигал одиннадцати соболей на каждого взрослого мужчину. Для упорядочивания сбора ясака были образованы волости, во главе которых поставлены «князцы». Название волостей давалось по собственным именам лиц, их возглавлявших.

С началом интенсивного освоения территории русскими, стали появляться русские поселения, а поселения коренных жителей исчезать. В 2018 году в районе насчитывалось 19 населённых пунктов, в которых проживало около 15 тысяч жителей. Из них только сто один человек селькупов и тридцать кетов. Население сосредоточено в южной части района. Севернее посёлка Лисица населённых пунктов нет.

Об авторе

Альберт Сергеевич Кайков родился 8 мая 1932 года на Южном Урале, в городе Аша Челябинской области. Бревенчатый дом родителей стоял на берегу реки Сим, впадающей в Белую. За рекой поднимались Уральские горы, покрытые липовым лесом. Весной запах цветущих лип разносился в воздухе. На берегу реки всегда сидели с удочками рыбаки. Маленький Алик много времени проводил около них и с раннего возраста пристрастился к рыбалке.

Мама – Мария Алексеевна – работала учителем в младших классах, папа – Сергей Фёдорович – мастером-строителем. Кроме него, в семье росли младшие брат и сестра. О детях заботилась бабушка Надежда Яковлевна. На её плечах также было большое хозяйство: корова, свиньи, гуси и куры. Алик всегда ждал с нетерпением вечера, когда мама перед сном читала ему «Сказки дядюшки Римуса», «Три поросёнка», «Синяя борода», «Буратино», «Конёк-Горбунк», позже сказки А. С. Пушкина и многие другие.

В выходные дни зимой все соседи выходили на замёрзшую реку кататься на коньках. Отец усаживал Альберта на санки, привязывал их к поясу, а сам на коньках бороздил лёд. Сергей Фёдорович был заядлым рыбаком и охотником. Его страсть передалась сыну. Когда Алику было шесть лет, отец брал его на ночную рыбалку. Рыбу ловили бреднем или лучили. Перед носом лодки в корзине, сплетённой из проволоки, горел костёр. Отец стоял в носу лодки с острогой в руке, а сосед дядя Миша, сидя в корме, управлял лодкой одним веслом. Костёр освещал пространство около лодки и открывал удивительный подводный мир. Среди травы, около камней и коряг можно было видеть налимов, щук, голавлей и множество мелкой рыбёшки. Это было удивительное зрелище, которое запомнилось мальчику на всю жизнь.

В дни, когда отец зимой уходил на охоту, Алик не ложился спать в установленное время, а ждал его возвращения. Отец всегда приносил зайца. Мальчик подолгу разглядывал его. В нём боролись два чувства: жалость к убитому зверьку и радость от возможности разглядывать его и держать в руках. Вероятно, в тот период у него появилась страсть к охоте, которая сохранилась на всю жизнь, а тема охоты стала основной в произведениях будущего писателя.

К Новому году отец привозил на санях, запряжённых лошадью, из леса ёлку, обычно с шишками. Начиналась длительная подготовка к Новому году. Дети учили стихи и песни, по вечерам с мамой делали украшения для ёлки: разных зверей из ваты, которых обмазывали клейстером. Особенно детям нравилось выдувать яйца. Мама на скорлупе рисовала мордочки поросят, зайцев, мышей, приклеивала ножки и хвосты. Под Новый год ёлку наряжали всей семьей. Первого января приходили приятели родителей со своими детьми. И начинался праздник.

В остальное время Алик был предоставлен самому себе. Летом целыми днями пропадал на реке с товарищами, где они купались и ловили рыбу. Основными играми были прятки, городки и лапта. В его детской жизни, как у медали, были две стороны: светлая, которая описана, и тёмная.

Перед войной родители решили переехать в город Анапу Краснодарского края, чтобы дети могли вволю есть фрукты и купаться в море. Купили саманный домик с большим садом. Была весна, и весь город представлял собой огромный цветущий

сад. Вдоль тротуаров росли акации. Во время цветения они напоминали деревья, засыпанные снегом.

В Анапе Альберт окончил первый класс. Через год началась война, отец ушёл на фронт. Началась тёмная сторона детства, которое, по сути, закончилось в девять лет. На руках мамы было трое детей и бабушка. Часть мужской работы пришлось взять на себя старшему сыну.

Недалеко от их дома, на соседней улице, находилась Морская школа, в которой готовили моряков для Черноморского флота. Немцы с первых дней войны методично по ночам бомбили этот объект. Первоначально жители с интересом наблюдали за ночным небом, по которому шарил прожекторы. Иногда в пересечение лучей прожекторов попадал вражеский самолёт, начинали стрелять зенитные орудия. Однажды немецкий самолёт был сбит. Ликовали все без исключения. Вскоре интенсивность бомбёжек увеличилась, бомбы часто разрывались вблизи жилых домов. Жители стали копать в садах траншеи и бомбоубежища, в которых укрывались при объявлении воздушной тревоги. Бомбоубежище представляло узкую траншею глубиной меньше двух метров, перекрытую досками и присыпанную землей. Во время разрывов бомб земля сыпалась на головы и спины. Этот период жизни Альберт Кайков описывает в стихотворении:

Налёты были в темноте,
Чтоб не погибнуть в суете,
Мы очень часто под кровать
Ложились все в одежде спать.

Под непрерывный вой сирен
Бежали мы от теплых стен.
Тот звук нам душу надрывал
И гнал скорее всех в подвал...

Немецкие самолёты бомбили не только военный объект, бомбы сыпались на жилые дома и общественные здания. Однажды бомба попала в поликлинику, в которой ожидала приём к врачу бабушка. Её контузило. Мария Алексеевна решила увезти семью из города в село. Она перевелась из районного отдела народного образования в село Варваровку работать учителем. Варваровка находилась в двенадцати километрах от Анапы. Добралась семья туда на подводе. Председатель колхоза предоставил жильё. Его жена Тамара Ивановна была директором школы. В школе — четыре класса. Каждая учительница вела по два класса одновременно. Учеников было мало. В классе в левом ряду сидели четвероклассники, а в правом — второклассники. Тамара Ивановна вела первый и третий классы. Алик учился во втором.

В селе было тихо, текла спокойная жизнь, но постоянно слышалась канонада, доносившаяся от Новороссийска и Анапы. Летом ученики ходили на виноградники собирать жуков-вредителей, а осенью занимались сбором колосков на скошенных

пшеничных полях. За эту работу начислялись трудодни. Алик заработал десять трудодней и получил литровую банку мёда. Это был его первый заработок для семьи.

Поселившись в Варваровке, Мария Алексеевна купила две козы и кур. Алик вместе с деревенскими ребятами ходил за травой для коз, гонял их на пастбище.

Через год к селу стали приближаться немецкие части. Председатель колхоза всю скотину и собранный урожай раздал жителям, чтобы они не достались оккупантам. Семья Кайковых получила два мешка кукурузы, бутылъ подсолнечного масла и бутылъ вина. Эти продукты спасли их от голода во время оккупации.

Все мужчины села ушли в партизаны. Кавказские горы, заросшие лесом, начинались за огородами и садами жителей. Они служили хорошим укрытием для партизан.

Село без единого выстрела заняли румыны. Вскоре козы жителей оказались в котле их полевой кухни, а затем и куры.

Председатель колхоза иногда навещал семью. У него было две дочери. Одна училась во втором классе, другая – в четвёртом.

Немцы догадывались о связях партизан с населением, часто устраивали облавы. При очередном рейде они обнаружили в доме директора школы дымящийся окуроч. Этого оказалось достаточно, чтобы Тамару Ивановну вместе с дочерьми расстрелять. На зрелище расстрела выгнали всё население села.

Мария Алексеевна забеспокоилась. Она часто бывала в доме коллеги, и её могли заподозрить в связях с партизанами. Ей пришлось увезти семью из Варваровки в Анапу. К сожалению, дом оказался занят немцами. Хозяева поселились в сарае.

Алик встретился с приятелями. Ребята очень изменились. Уже не было прежних игр. Всех одолевала забота: где найти дрова, где раздобыть что-нибудь съедобное. Он пристрастился охотиться с рогаткой на голубей и воробьёв.

На всю жизнь ему запомнился случай. На развалинах Морской школы нашёл половую доску, обгоревшую с одной стороны, взвалил на плечи и понёс домой. На выходе с территории школы его встретил немецкий патруль. Сильно ругаясь на своём языке, немцы автоматами показали, чтобы он доску отнёс обратно. В сопровождении двух автоматчиков понёс её к развалинам. По дороге страшные мысли приходили в голову: «расстреляют или нет». К счастью, получил только пинок в зад и услышал ругань, из которой понял слова: «Шнель, шнель!» Он бросился бежать и опять думал: «Будут стрелять или не будут?» Он продолжал ходить за дровами на развалины, но был очень осторожным. Об этом случае дома умолчал. Сбор дров входил в его обязанности.

Самые яркие воспоминания и переживания у него связаны с Великой Отечественной войной. До сих пор помнит все подробности событий тех лет. А самой большой радостью тех лет было освобождение Анапы нашими войсками от оккупантов. Вот две строфы из стихотворения «Канонада»:

Оккупации дни сочтены.
Как ни трудно, но выжить нам надо.
Отступая, фашисты страшны,
Доносилась уже канонада.

Эти звуки победно неслись.
О них долго мы жили мечтами,
В них свобода и счастье слились,
И надежды на встречи с отцами.

После освобождения Анапы от немцев в саду дома Кайковых остановилось подразделение солдат, воевавших на Малой Земле под Новороссийском. В саду дымила полевая кухня, их угощали солдатской кашей с консервами. Впервые за последний год они наедались досыта.

Открылся доступ к морю. Алик с друзьями занимались рыбалкой и ловлей крабов. Они каждый день ходили на рыбалку. Бабушка на все лады хвалила внука, принимая улов. Её похвала вдохновляла его на новые походы к морю.

В репродукторе всё чаще звучал голос Левитана: «Наши войска под командованием маршала Рокоссовского (Конев, Еременко и других) освободили город...» Многие ребята, в том числе и Алик, хотели стать офицерами и походить на прославленных маршалов. У них уже был жизненный опыт, и они знали, что стране нужна сильная армия, чтобы не допустить новой войны. У многих мечта исполнилась, и они стали офицерами, в том числе и Альберт Кайков.

Воспоминания военного детства легли в основу его первой книги «Потерянное детство». Книгу высоко оценил известный писатель Пётр Павлович Дедов. В предисловии к книге он писал: «Эту книгу интересно прочитать не только для развлечения, но в ней много познавательного».

Последний год войны был очень голодным. Семья вернулась на Урал, где родственники обещали помощь. В Аше купили корову, и у них были в достатке молоко и картошка, которой обеспечили родственники. Хлеба не хватало – его выдавали по карточкам. До сих пор его любимое блюдо – драники. Это оладьи из тёртой картошки. Жизнь была нелёгкой. Жили на частной квартире. Скоро деньги, полученные от продажи дома в Анапе, проели. К этому времени он окончил шестой класс.

После победы над Японией отца оставили служить на Сахалине – строить военные объекты. Он выслал семье вызов для проезда к нему. Мария Алексеевна с тремя детьми и бабушкой решила на дальнюю поездку. Ехали в товарном вагоне, приспособленном для перевозки солдат, – теплушке. В первый послевоенный год по железной дороге шло великое переселение народа, процветали воровство и драки. Из Владивостока через Татарский пролив плыли на грузовом пароходе «Анива». Разыгрался шторм, пассажиров укачивало, в трюме скончался мужчина. Пароход преследовали акулы. Они, как торпеды, шли около бортов парохода на небольшой глубине. Опытные пассажиры говорили, что они чувствуют смерть человека и ждут, когда труп выбросят за борт.

На Сахалин прибыли в порт Корсаков, дальше поехали на поезде по узкоколейной железной дороге, оставшейся от японцев. Дорога шла в гору, маломощный паровоз не смог подняться на перевал, и поезд покатился назад. В вагоне началась паника. К счастью, аварии не произошло. На станции к составу подцепили второй паровоз, и поезд благополучно преодолел подъём.

Их семью поселили в японском коттедже на территории воинской части. Место было удивительной красоты. Домик стоял среди леса на пригорке. Рядом протекал ручей, впадающий неподалеку в реку, по которой осенью шла на икромёт красная рыба. В ручье Алик ловил на удочку форель, а в реке острогой добывал кету. Отец купил ему одноствольное ружьё ижевского завода. Осенью и зимой он ходил в лес добывать рябчиков и белок. У отца был хороший заработок и продовольственный паёк. Только на Сахалине у Альберта исчезло чувство голода и постоянной потребности в еде. В школу приходилось ходить за четыре километра в посёлок Леонидово. Там он окончил седьмой класс.

После демобилизации отца семья в 1948 году переехала в Новосибирск. Место жительства было выбрано не случайно. Родители хотели предоставить детям возможность учиться в институтах. Купили небольшой домик на улице Партизанской.

К сожалению, отец вскоре оставил семью и ушёл к молодой женщине. Для семьи начался нелёгкий период. Мария Алексеевна не пошла преподавать в школу, а устроилась работать секретарём-машинисткой в строительную организацию. По вечерам оставалась на работе печатать документы, чтобы иметь дополнительный заработок. Всю мужскую работу по дому выполняли сыновья Алик и Гена. Они носили воду с водокачки, расположенной на соседней улице, очищали от снега тротуар и проезжую часть дороги. Если дорога оказывалась неочищенной, в дом приходил участковый и делал предупреждение. Альберт пошёл учиться в восьмой класс школы № 41. Его любимыми предметами были зоология, ботаника, география, история. К остальным предметам относился как к необходимости окончить школу. Примерным учеником не был, часто получал тройки.

Мама давала ему деньги на проезд трамваем до школы. Он эти деньги экономил. Ездил «на колбасе» или на подножке трамвая. Часто из школы ходил пешком. Билет стоил три копейки, а рыболовный крючок – две копейки. Ему было совестно просить у мамы деньги на рыболовные снасти.

В классе подружился с Рудиком Рябышевым, который был заядлым рыбаком и охотником. Эта дружба длилась до конца его жизни. Он предупредил Альберта, чтобы тот никому не рассказывал, что они увлекаются охотой, так как в школе не любят охотников. Вскоре выяснилось, в чём дело.

Моторка от Чернышевской пристани до Кудряшёвского бора отправлялась в 14 часов, а в субботу в это время классный час. Чтобы первый раз в Сибири попасть на утиную охоту, пришлось сбежать. Ребята расположились в корме на куче дров, которые использовались в котле паровой турбины, и любовались обскими просторами. К ним присоединился Арнольд Атавин, который жил на улице Бурлинской недалеко от Рудика. Прибыв в Кудряшовский бор, ребята прошли три километра через сосновый бор и оказались у озера Кривое, где на кромке бора приютилась рыболовно-охотничья база «Спартак». Зарегистрировались, получили обласки и поплыли к месту охоты. За вечернюю и утреннюю зорю Альберту впервые в жизни удалось добыть трёх уток. После окончания утренней зори выплыли на озеро и стали блеснить окуней.

По песчаной отмели против них ходил коренастый мужчина в шляпе и рыбачил на спиннинг.

Солнце поднялось высоко, заливая лучами прибрежные тальники и песчаную отмель. Рыба перестала ловиться, ребята причалили лодки к берегу. Мужчина давно перестал рыбачить и колдовал у костра. Они подошли к костру и поздоровались. Альберт понял, что Рудик давно знаком с мужчиной.

– Прошу к моему шалашу, берите свои ложки и присаживайтесь к костру, уха уже готова, – сказал мужчина.

Прятели не заставили себя долго ждать, присели у костра. У Альберта ложки не было, и он стоял, вдыхая аромат ухи из свежей рыбы.

– А ты почему стоишь? – обратился к нему мужчина.

– У меня нет ложки.

– Молодой человек, запомни на всю жизнь: когда едешь на рыбалку, можешь не брать продукты, но ложка всегда должна быть с собой. У любого костра тебя накормят ухой. Быстро беги на базу и попроси у Екатерины Васильевны ложку.

Он помчался со скоростью, с трудом доступной. До базы было метров двести. Преодолев их за считанные минуты, взял алюминиевую ложку и помчался назад. Запах ухи придавал силы. Шёл третий год после окончания войны. Питание дома было очень скромным. С собой на охоту он взял только хлеб и кусок хлебной колбасы.

– Быстро ты бегаешь, видно, сильно проголодался, – с улыбкой сказал Рудик.

Уха была горячей, ароматной, необыкновенного вкуса. Алик обжигал губы своей ложкой. У всех ложки были деревянные.

Рыбака, который преподавал Альберту этот урок, звали Кондратий Никифорович Урманов. Ребята его хорошо знали, и между ними вёлся непринуждённый разговор. После той рыбалки Альберт приобрёл деревянную ложку и не расстаётся с ней до сих пор.

В очередное посещение клуба охотников он встретил Кондратия Никифоровича. Тот предложил ему написать заметку в стенгазету о впечатлениях на первой рыбалке. В клубе регулярно выпускалась стенгазета «Охотник и рыбак», а также машинописный журнал: «На Уень-реке». Урманов был их редактором. Он привлёк Альберта к сотрудничеству в стенгазете, посеял в нём зерно писательства, которое проросло только к пенсии.

Клуб охотников посещали известные в городе люди: ученые, писатели, архитекторы. Школьники как губки впитывали в себя их рассказы об охоте, о бережном отношении к природе. В памяти Альберта сохранились незабываемые встречи с академиком Н. А. Чинакалом, архитектором Г. А. Карчевским и другими.

Алик и Рудик сбегали с классного часа каждую субботу. Домой всегда привозили по корзинке свежей рыбы и по корзинке окуней горячего копчения. Эта добыча была хорошим подспорьем для семьи.

Мария Алексеевна была очень занята на работе и не могла ходить на родительские собрания. По окончании учебного года классный руководитель Ольга Николаевна Крюгер решила посетить семью. Разговор начала с того, что Алик замкнутый мальчик. Ни с кем в классе не дружит. «У него прекрасные друзья Рудик Рябышев, Володя Яковлев. Я их хорошо знаю. Они вместе ездят на рыбалку и охоту», – удивилась мама.

Настала очередь удивиться Ольге Николаевне: «Они же охотники! С ними нельзя дружить! Как я это просмотрела?!»

Альберт получил клеймо охотника. Это означало, что по понедельникам у него всегда будут спрашивать заданные уроки, а их учить в субботу и воскресенье не было времени.

Читал он в школьные годы очень много. Прочитывал все книги, предусмотренные школьной программой. Запоем читал Фенимора Купера, Жюль Верна, Джека Лондона и русских классиков.

Перед окончанием школы в классе постоянно шли разговоры о выборе профессии. Душа Альберта находилась в смятении. Ему хотелось поехать учиться в Московский пушно-меховой институт на специальность биолога-охотоведа. Но он понимал, что сдать экзамены на стипендию не сможет, а мама не в состоянии обеспечить его проживание в Москве. Вторым вариантом был Новосибирский институт военных инженеров транспорта. В нём студентам выдавали обмундирование, а стипендия была выше зарплаты мамы. Конкурс в НИВИТ вряд ли позволил ему туда поступить. Его сомнения разрешил счастливый случай. На одном из собраний в классе появился военный моряк. Высокого роста, с кортиком на боку, он всех очаровал. На его плечах горели золотые погоны, на рукавах сияли шевроны. В памяти мгновенно всплыли детские мечты стать военным. Моряк представился капитан-лейтенантом Лысенко. Провёл беседу о Тихоокеанском высшем военно-морском училище имени С. О. Макарова и пригласил желающих поступить в это училище к себе в «Центральную» гостиницу на собеседование. Альберт единственный из класса пришёл к нему. Вскоре военкомат направил его во Владивосток для сдачи экзаменов в училище. Желание поступить было настолько велико, что он при подготовке к экзаменам не терял ни одной минуты. Настойчивость увенчалась успехом. При конкурсе четыре человека на место ему удалось поступить в училище.

Во время первой летней практики курсанты прошли на корабле вдоль всего тихоокеанского побережья страны. Посетили Сахалин, Курильские острова, многие гавани побережья, Камчатку, Чукотку. Незабываемое впечатление сохранилось в памяти от посещения бухты Советская Гавань. Там курсанты со шлюпок опустили на воду цветы над затопленным фрегатом «Паллада», на котором ходил в составе первого русского посольства в Японию писатель И. А. Гончаров. Он опубликовал в середине XIX века цикл очерков «Фрегат «Паллада» о кругосветном плавании на фрегате.

После окончания училища Альберта направили для прохождения службы на Камчатку. Начал службу командиром боевой части большого охотника за подводными лодками, закончил помощником командира корабля. Бушующий океан, заснеженные вершины вулканов, Долина гейзеров, река Паратунка с вечно горячей водой произвели неизгладимые впечатления. В дальнейшем период жизни на Камчатке был описан в повести «Флотские будни». В 1958 году в связи с сокращением Вооружённых сил Советского Союза был уволен в запас.

После демобилизации вернулся в Новосибирск и поступил учиться на второй курс очного отделения инженерно-строительного института. Правительство проявило заботу об уволенных офицерах. Вышло постановление о приёме их в

любой институт без экзаменов и с зачётом всех общеобразовательных предметов, которые изучались в училищах. Кроме того, местные власти обязывались каждому предоставить квартиру.

В институте встретил Наталию Ивановну Попову, в которую влюбился. Красивая стройная девушка имела замечательный характер. Через год они поженились, а ещё через год у них родился сын Саша.

После окончания института, по распределению стал работать в отделе архитектуры Новосибирского облисполкома. Занимался проектированием пионерских лагерей. Очень скоро понял, что без производственной практики хорошего работника не получится. Главный архитектор области Василий Тычинский пошёл навстречу молодому специалисту и отпустил без отработки положенных трёх лет на производство. Работал мастером, прорабом в СУ-20 тридцатого строительного треста.

В шестидесятые годы произошёл пожар в заполярном городе Игарке. Сгорел лесопильно-перевалочный комбинат и большая часть города. Там требовались строители. Возможность увидеть новые места, природу Заполярья с полярными днями и ночами, северное сияние определила решение поехать туда. Написал заявление в строительное управление «Игарстрой» и, получив вызов, вылетел к месту работы. Пришлось осваивать новые методы строительства на вечной мерзлоте. Через месяц получил двухкомнатную квартиру, и к нему приехали жена с сыном. Здесь у них с Наташей родился второй сын, Дима.

Со временем был назначен заместителем директора по строительству Игарского лесопильно-перевалочного комбината. Комбинат был генеральным заказчиком по строительству города. На этой должности проработал четыре года. Многие вопросы по проектированию, финансированию и строительству объектов приходилось решать в Москве, Ленинграде, Красноярске и Новосибирске.

Своеобразная жизнь и взаимоотношения людей на Севере, их увлечённость охотой и рыбалкой в суровых условиях заполярья вдохновили на написание двух книг «На заполярной широте» и нескольких стихотворений. Вот две строфы из стихотворения «Игарка»:

В Заполярье своя красота,
Её надо лишь только заметить:
Под ногами лежит мерзлота,
А на небе сияние светит...

Разольётся седой Енисей,
Богатырскую грудь расправляя,
Караваны придут кораблей –
Начинается жизнь портовая...

В Новосибирск вернулся в 1970 году, зашёл на первое место своей работы в отделе архитектуры облисполкома. После продолжительной беседы с главным архитектором области Л. Н. Михалевым был приглашён работать начальником областной инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля.

Вскоре был утверждён заместителем главного архитектора области. На этой должности проработал двадцать шесть лет, до ухода на пенсию.

Литературным творчеством занялся после выхода на пенсию, когда появилось много свободного времени. Первоначально писал стихи, затем начал писать прозу. Как и где публиковать свои произведения, не имел понятия. Пришёл в Новосибирское отделение Союза писателей России и обратился к Анатолию Борисовичу Шалину, который просмотрел стихи и сказал, что их можно опубликовать.

Первый стихотворный сборник «Зори над Инёю», вышел в 2004 году. Однажды услышал по радио, что Общество книголюбов объявляет конкурс произведений, посвящённых Дню Победы в Великой Отечественной войне. Отнёс сборник без всяких надежд на успех. Неожиданно ему позвонили и пригласили в редакцию газеты «Советская Сибирь» на подведение итогов конкурса. Там был приятно удивлён, оказавшись среди победителей конкурса. Это вдохновило на дальнейшее творчество. Стихотворные сборники объёмом около ста страниц стали выходить ежегодно. В 2006 году опубликован сборник «Охотничьи тропы», в 2007 году – «Реабилитированные», в 2008 году – «На изгибе перестройки», «В краю родном», в 2009 году – «Воспоминания».

Вскоре понял, что в стихах не может сказать всего, что накопилось за долгие годы жизни, и начал писать прозу. Переломным моментом в творчестве была встреча с замечательным человеком – известным новосибирским писателем Петром Павловичем Дедовым, советчиком и редактором его первых книг. Кроме перечисленных выше книг, издал повести «Встреча через полвека», «В Туруханской тайге», «Под северным небом», «Чёрная пурга», «В угодьях хантов»; книги рассказов «По жизни с друзьями», «Близкие сердцу», «О друзьях с улыбкой». Его произведения печатались в журналах «Охотничьи просторы», «В мире животных», «Муравейник», «Охота и охотничье хозяйство», «Российский колокол», «СовременникЪ» и других». Неоднократно участвовал и побеждал в литературных конкурсах. Награждён медалями Надсона, Кирилла и Мефодия, А.С.Пушкина.

Первым читателем и помощником в творчестве всегда была жена Наталия Ивановна. Она всегда радовалась его литературным успехам и гордилась им. К сожалению, она ушла из жизни в 2013 году.

В настоящее время работает над очередными книгами, участвует в работе творческих коллективов, по-прежнему увлекается рыбалкой и охотой.

Валентина Самсонова

На притоках Кети

1

Небольшой буксир с натугой толкал баржу вверх по течению Кети. На палубе стояло три легковые машины. Предстояло плыть четыре часа до посёлка Лисица. Летом добраться до него можно только по воде, зимой – по зимнику. Я вышел из машины и направился в рубку капитана. Анатолий Андреевич встретил меня рукопожатием. Мы с ним давно знакомы. В прошлом году подарил ему книгу: «В угодах хантов».

– С удовольствием прочитал вашу книгу, – начал он разговор, поворачивая паром на створы лёгким движением рулевого колеса. О чём продолжаете писать?

– Меня интересует судьба исчезающего народа – селькупов.

Он внимательно смотрел на меня, обдумывая, стоит ли со мной откровенничать. Приняв решение, произнёс:

– Мой дед был селькупом. Он украл невесту у спецпереселенцев из Алтайского края.

Меня охватила радость: передо мной потомок селькупов. Анатолия Андреевича знаю несколько лет, но не мог подумать, что его предок селькуп. За разговором время пролетело незаметно. Через четыре часа паром упёрся носом в песчаную отмель, и я отправился к машине, чтобы съехать на берег.

2

Освоение территории Прикетья и вовлечение её в сферу интересов Российского государства началось русскими воеводами и казачьими отрядами с конца шестнадцатого века. На притоках Кети проживали племена кетов, эвенков, хантов и селькупов. Первоначально все эти народности назывались остяками. Казаки столкнулись с сопротивлением местного населения. Наиболее воинственными оказались племена селькупов. Они были объединены в Пегую орду во главе с князем Воней. Он длительное время отказывался признавать власть русского царя, заключив союз с татарским ханом Кучумом. Лишь с основанием Нарымского острога в 1596 году русские сумели обложить селькупов данью. В том же году на Кети был заложен Кетский острог. Не имея возможности сопротивляться противнику с огнестрельным оружием, многие племена покинули родные места. Кеты откочевали на притоки Енисея в Туруханском районе. Селькупы ушли на север осваивать притоки Надыма. Оставшиеся племена согласились стать подданными Российской империи, платить ясак и приняли христианство.

У селькупов среди всех родов считались главенствующими два рода: Орла и Кедровки. От них брали начало рода: Глухаря, Журавля, Лебеда и другие. Существовала примета: если эти птицы гнездились возле поселений, это считалось благословением самого верховного бога Нома.

Слово «селькуп» относится к самоназванию народа – таёжный человек. Селькупы, проживающие по притокам Кети, называли себя «земляной человек», иногда – «тихие люди». Осторожными и тихими селькупов сделала тайга. Они считали, что если человек идёт по тайге и громко поёт или разговаривает, хрустит ветками под ногами, то обратно может не вернуться. Его услышит медведь или злой Дух.

Своё жилище – карамо селькупы сооружали на береговых склонах с выходом к реке, нередко в него можно было попасть лишь на лодке, заплывая с реки. Густая прибрежная растительность являлась хорошей маскировкой. С воды карамо не было видно. К землянке не только можно было подплыть, но и затащить лодку в жилище. Первое помещение – сени, не имело передней стенки, в него втаскивали лодку. Жилое помещение, врытое в склон местности, обкладывалось брёвнами, врезанными в пазы вертикальных стоек. Односкатная крыша из наката брёвен засыпалась землёй. Отапливалось карамо чувалом или печкой с трубой из жердей.

Следы проживания селькупов – карамо можно встретить по берегам рек Кеть, Тымь, Парабель, Нарым.

Селькупский язык принадлежит к самодийской ветви уральской семьи языков.

В ясацких книгах сохранились имена жителей, свидетельствующие, что у селькупов имелись древние контакты с тюркоязычными этническими группами. Встречались имена: Атабай, Кунак, Мурза и другие. Древние контакты с русскими повлияли на заимствование дохристианских личных имен. С принятием христианства селькупы получили календарные имена, однако, эти имена привились не сразу. В быту до середины двадцатого века продолжали пользоваться традиционными именами, связанными с животным и растительным мирами. Имя играло роль своеобразной характеристики человека.

Кетский острог несколько раз переносился на новое место. Археологи нашли одно из мест существования острога около устья реки Орловки.

В 1889 году в верховье Кети на водоразделе Оби и Енисея были построены шлюзы. Купцы из Оби по Кете добирались до Енисея. Этим маршрутом шли торговые караваны, экспедиции исследователей. После ввода в эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали, этот путь утратил значение и был заброшен. Сегодня сохранившиеся шлюзы вызывают интерес у туристов. С прекращением судоходства многие русские поселения исчезли и население сократилось. До тридцатых годов прошлого века Прикетье считалось труднодоступным туземным регионом.

В начале тридцатых годов Прикетье стало заселяться спецпереселенцами из Алтайского края. Было завезено более восемнадцати тысяч человек. Они положили начало лесопромышленному и сельскохозяйственному освоению территории. Появилось шестнадцать новых поселений, в том числе Белый Яр – современный районный центр.

Территория не была приспособлена для приёма такого количества переселенцев. Людей завозили на баржах по рекам и высаживали среди тайги и болот.

Переселенцы сначала строили шалаши и землянки. Многие скончались от холода, голода и болезней. Уже потом, оставшиеся в живых, строили дома, здания комендатур и другие объекты.

Переселенцы завидовали селькупам, которые были прекрасными рыбаками и охотниками. У них был большой набор снастей для рыбной ловли. Считалось, что если человек не любит рыбу – он не селькуп. Удивляла бережливость местных жителей. Они не брали из леса лишнего, берегли всё живое, верили, что у любого предмета есть душа. Тайга научила селькупов помогать друг другу, делиться добычей с земляками.

По архивным документам в 1920 году Верхнекетский район представлял собой малочисленный туземный район, в котором проживало всего пятьсот семьдесят девять человек в двенадцати населённых пунктах, называемых юртами. Преобладало туземное население. Комплексная экспедиция Института этнологии РАН установила, что в 1971-1984 годах из 96 селькупских браков, зарегистрированных Верхнекетским районным загсом, 91,6% браков были заключены с русскими, украинцами и немцами. По данным Росстата, сегодня в районе проживает более семьнадцать тысяч человек, из них селькупов только сто один человек. Правда, людей с селькупскими корнями намного больше, но они не знают ни языка, ни обычаев, ни даже из какого рода. Они «обрусели», растворились среди русского населения, мало чем отличаются от русских жителей, не имеют своего национального поселка.

3

Небольшое селение селькупов, называемое юртой Орла, растянулось по крутому склону притока Росомахи – речки Болотной, вытекающей из болот. Росомаха впадает в Орловку, а та в Кеть. Когда-то селькупы рода Орла проживали в многочисленных юртах по берегу Орловки. С приходом русских и обложением местных жителей ясаком, многие селькупы перекочевали на север.

Дружная весна в том году рано очистила реки ото льда, наполнила водой озёра и болота. Начался прилёт водоплавающих птиц. Утиные стаи кругами ходили над болотами, гусиные табуны садились на озёра. В селении юрта Орла готовились к празднику прилёта птиц. Он означал, что люди пережили суровую зиму. Был назначен день выхода на охоту. Мужчины и подростки осматривали оружие, заряжали патроны. Женщины чистили большие медные котлы, которыми не пользовались всю зиму.

Возвращаясь с охоты, охотники развешивали дичь на деревьях. Здесь висели селезни крякв, шилохвостей, свиязей и других уток. Среди дичи не было ни одной утки – самочки. Их добывать строго запрещалось. Особую гордость жителей представляли добытые гуси. Женщины рассматривали и обсуждали добычу:

- В прошлом году мужчины добыли больше дичи. Праздник длился семь дней.
- В этом году весна ранняя, утки знают своё время прилёта.

– Сколько дней будет праздник?

– Шаман спросит у Духов и объявит.

Прежде чем готовить дичь, шаман должен провести священный обряд. Альта – мать Матура рассматривала гусей, добытых сыном, и думала: «Сын вырос, стал сильным мужчиной. Не зря ему дали имя Богатырь. Ему пора жениться, но из своего племени нельзя брать девушек в жёны. После праздника отец поплывёт разыскивать соплеменников, чтобы найти сыну жену».

Брак между родственниками допускался, если у жениха и невесты родня дальше третьего колена. Невеста должна уметь нянчить младших детей, мыть на реке посуду, стирать, шить одежду, собирать ягоды, помогать рыбачить. У селькупов наиболее распространённой формой брака был калымный брак. В начале 20 века его позиции серьёзно были потеснены браком «убегом», а затем свободным выбором партнёров. Постепенно брак с русскими для селькупов стал преобладающим. Селькупские парни посещали вечёрки, где присматривались к девушкам, знакомились с ними. Далее события обычно развивались по сценарию «убегом». Для русских девушек немалую роль играли и чисто житейские причины – боязнь остаться в девках из-за сестёр или из-за малочисленности мужчин в посёлке; стремление выйти за хорошего охотника или рыбака, с которым надёжно в любой голодный год.

На поляне между кедровым лесом и рекой горел костёр. Женщины готовили дичь. Весенний день разгорался во всей своей красе. Воздух, насыщенный ароматом кедровой тайги и запахом реки, дурманил голову. Высокие широкоплечие кедры, словно старые ратники, стояли стеной, как часовые, охраняя поляну.

Люди покидали свои карамо и толпами шли к костру. Их влекли на поляну не столько любопытство и угощение, сколько возможность побыть на свежем воздухе после длительной зимы, проведённой в землянках. Женщины, одетые в лучшие наряды, усаживались рядами. Вереницы ребят резвились перед ними. Мужчины собирались в кружки, стояли сзади, некоторые прогуливались. Весёлый говор разносился кругом.

– Идёт! Идёт! – раздались голоса из толпы.

К поляне направлялся шаман. Его карамо располагалось недалеко от поляны, несколько в стороне от юрта. Незначительная отдалённость от соплеменников увеличивала его значимость и придавала больше авторитета. Женщины поднимались на ноги в знак уважения и приветствовали шамана.

Подойдя к костру, он два раза ударил в бубен, приветствуя соплеменников и предлагая прекратить шум. На нём был костюм из шкуры дикого оленя с различными атрибутами. На голове – корона с рогами оленя, чтобы разогнать злых духов и раздвинуть тучи при путешествии в небесном мире. Длинная коса спускалась по спине. Волосы в ней спутались и слежались, как пакля. В ней заключалась сила духа шамана. Если её отрезать, шаман лишится сверхъестественных способностей связи с Духами. Неотъемлемым атрибутом

шамана являлся бубен – «нунга», с которым он путешествовал в потусторонние миры. Он не просто музыкальный инструмент – средство путешествия.

По представлениям селькупов вселенная делится на Небо с Творцом Номом, Землю, хозяйкой которой выступает Старуха Жизни и преисподнюю, где обитает Властитель зла Кызы. Все три сферы связаны рекой, по которой на лодке «рынтык» шаман может спуститься в нижний мир, а также по веткам дерева взобраться на Небо.

Шамана из рода Орла называли «сомпытырыль кум». Он был белым шаманом, связывался с духами верхнего мира и шаманил на свету. По представлениям селькупов орёл – символ верхнего, небесного мира. Его, как и лебедя, убивать нельзя. Их яйца так же нельзя трогать. Лебедь, по преданиям, когда-то был женщиной и превратился в птицу. Она символ солнца, дух добра. В шаманской символике фигуры орла и лебедя женского рода, олицетворяют духов – жён шамана.

Шаман ударил в бубен колотушкой – «капшит», и камлание началось. Колотушка служила хореом, чтобы погонять дух оленя-бубна. Он ходил вокруг костра, пел одному ему известную песню. Через какое-то время вошёл в состояние транса, упал на землю и начал беседовать с духами. По ходу дела пояснял присутствующим, где находится и что видит. Обессилив, закрыл глаза и притих. Присутствующие затаили дыхание и ждали его вердикта. Придя в себя, сел на землю и сообщил: «Духи разрешили праздновать прилёт птиц три дня». Прилёт птиц совпадал с приходом весны, обновлением природы и был самым любимым праздником у селькупов.

4

После праздника в каждой семье началась привычная жизнь. Альта подбросила дрова в очаг, горевший в чувале. Пламя осветило карамо. Все домочадцы занимались делом. В семьях селькупов не принято бездельничать. Младший сын небольшим ножом расщеплял стебли крапивы и удалял сердцевину. Крапиву заготовили с осени, и она всю зиму находилась на морозе. Отец ножом разрезал снизу ствол крапивы, превращая его в пластину, которая с одной стороны имела зелёные волокна, а с внутренней стороны белую сердцевину – мязгу. Осторожно ломал пластину и удалял мязгу, а из мягкой коры сучил на колене нити, из которых можно ткать холст для одежды, вязать сети, вить верёвки. Старший сын Матур связывал прутья лозы для устройства катцов. Сестра молола корни кипрея. Его добавляли в пищу при приготовлении различных блюд.

Мать обратилась к Матуру:

– Принеси к обеду икрающую щуку.

Можно было подумать, что щука лежала в холодной части карамо. Её ещё предстояло поймать. Мать не сомневалась, что сын добудет нужную рыбину.

Матур скрутил в рулон снасть и положил её под мышку, прошёл в передний угол помещения, где хранились обереги каждого члена семьи. Взял небольшой

туесок, напоминающий берестяную шкатулку, в которой хранился его деревянный оберег: вырезанная из берёзы фигурка человека. Считалось, что без оберега нельзя выезжать ни на какое мероприятие, особенно на охоту и рыбалку. Затем вышел в холодную часть карамо, служившую кладовой. Здесь стояли берестяные туеса с клюквой, брусникой, смородиной и другими припасами. На стенах висели различные снасти и ловушки. Матур выбрал острогу и направился к выходу. Здесь стояла маленькая лодка, напоминающая обласок. Селькупы предпочитали плоскодонные лодки, на них удобнее плавать по мелководью. Он легко поднял корму лодки одной рукой и вытащил из помещения. В нескольких метрах в выкопанной канаве к реке стояла вода. Матур спустил лодку на воду, удобно уселся на сидение со спинкой и, загребая одним веслом, поплыл к реке.

Селькупы строили полуподземные жилища на холмах вблизи рек. Выбирали среди леса такие места, чтобы избушку не было видно ни из леса, ни со стороны реки. Карама представляла собой полуземлянку. Задняя стена и часть боковых стен, рубленных из брёвен, находились в земле. Только стена в сторону реки была полностью открытой. Кровлю, как правило, делали в два наката, засыпали землёй и покрывали дёрном.

Река, спокойная летом, весной становилась быстрой, спешила избавиться от талых вод. Она подхватила лёгкую лодочку и понесла вниз по течению. Матур одним движением весла развернул лодку и погнал вверх по течению. Его путь лежал на заливные берега. На мелководье щуки мечут икру. Весной там вода прогревается, появляются мальки, которые со спадом воды уходят в реку. Он выбрал удобное место, загнал лодку в куст тальника, чтобы придать ей устойчивость, взял острогу и поднялся на ноги. В чистой воде ему открылся подводный мир. Над прошлогодней травой проплывали разные рыбы, озабоченные икрометом. Они спешили оставить своё потомство. Щуки чаще всего проплывали парами. Он терпеливо ждал ту, которую заказала мать. Его внимание привлекла щука длиной более метра. Она степенно проплывала мимо лодки в сопровождении двух щук поменьше. Её бока были раздуты от избытка икры. Матур поднял руку, со всей силой вонзил острогу около жабр рыбы и прижал её ко дну. Она долго сопротивлялась, обдавая его водой.

Селькупы любят рыбу. Они её предпочитают мясу. Их раньше даже называли «рыбные люди». Рыбу они едят сырой, варёной, печёной, вяленой, сушёной и замоченной для длительного хранения в брусничном соке.

5

На следующий день Матур отправился осмотреть угодья. Он положил весло на борта поперёк узкой лёгкой лодочки, предоставив её течению Орловки. Он наслаждался весной. Она придавала силы, кровь играла в теле. Хотелось выйти на берег и размяться. Ноги устали от нахождения в полусогнутом положении длительное время. Яркое солнце слепило глаза: приходилось жмуриться. Тёплый ветерок ласкал смуглое лицо, ещё не знавшее бритвы. Зоркими глазами внимательно осматривал правый берег реки. Высокие кедры и сосны стеной

подступали к высокому берегу. Поднявшаяся вода подмывала его, упавшие в воду деревья цеплялись корнями за землю, не желая расставаться с родным местом. За поворотом реки вдаль увидел дым. Блаженное настроение вмиг сменилось тревогой и беспокойством. Он не помнит, чтобы люди его племени встречали в этих местах посторонних людей. Матур схватил весло и изо всех сил погнал лодку вперёд. Ещё издали увидел, что на мысу исчез лес, стояли избы, горели костры. Вдоль берега тянулся штабель брёвен. Лодка с разгона выскочила на отмель. Опираясь на весло, ступил на песчаный берег, перекинул через плечо ремень ружья и направился по натопанной тропинке к ближайшему дому. За обеденным столом на открытом воздухе сидела большая семья: пожилой мужчина с седой окладистой бородой, которого нельзя было назвать стариком, двое крепких молодых мужиков, несколько женщин и ребятишки разного возраста. Его неожиданное появление вызвало удивление и любопытство людей. Перед ними стоял юноша среднего роста в парке из меха оленя и лисьей шапке. Брюки из крапивной ткани заправлены в кожаные чирки.

В душе Матура кипело негодование. Он хотел спросить: «Зачем губите лес? Уйдёт зверь, улетят птицы». Когда же увидел истощённых людей в одежде с множеством заплат и ребятишек, потерял дар речи, стоял и смотрел, как они хлебуют болтушку из деревянных мисок. Дети были сильно истощены. Одна девочка подошла с миской к матери и попросила: «Мама, я ещё хочу». «На сегодня больше еды нет», – ответила мать.

– Кто ты такой? Как здесь оказался? – спросил пожилой мужчина с бородой.

– Я Матур из племени Орла. Это наши уголья! Зачем рубите лес?

– Мы здесь не по своей воле, – вмешалась в разговор пожилая женщина, чтобы избежать конфликта, – нас привезли из Алтая.

– Почему дети голодные?

– Нам по норме выдают муку. Нового завоза продуктов ещё не было.

– В лесу – зверь, в воде – рыба. Надо есть рыбу, мясо.

– Мы хлеборобы, у нас нет снастей и ружей..

Матур не знал слов «Алтай» и «по норме», но понял, что люди голодают. Обычай селькупов требовал помогать голодающим. Он развернулся и поспешил к лодке, столкнул её на воду и начал усиленно грести.

– Почему он убежал? – спросила Марфа мужа

– Инородцев трудно понять, – ответил Лаврентий.

– Чудной, – произнесла старшая дочь Груня.

На озере Карасёво у Матура стояли снасти. Шёл месяц карася. В период икромёта рыба активно гуляет и уловы всегда впечатляющие. Он отвязал фитиль от кольев, вбитых в илистое дно озера, и с трудом перевалил в лодку. Развязал задний конец конуса, сплетённого из лозы, и в лодку посыпались, как золотые монеты, крупные караси. Они раскрывали жаберы, били хвостами и скользили по дну лодки,

издавая шелест. Освободив от рыбы ещё один фитиль, он поплыл к переселенцам. Его лодку заметили с берега и несколько мальчишек побежали к воде посмотреть на человека, одетого в меховую одежду. Лодка причалила около них. Рыбак произнёс:

– Это вам, берите карасей.

Они впервые видели такое количество рыбы, не верили, что её можно брать и стояли в нерешительности.

– Почему стоите как вкопанные?

Самый бойкий из ребят подошёл к лодке и взял карася. Стоило ему только поднять руки, как рыба вильнула хвостом и выскользнула из них. Все его попытки унести карася заканчивались неудачей.

– Позовите взрослых, – скомандовал Матур.

Стайка ребятишек помчалась в посёлок. Вскоре на отмели появились женщины. Они с удивлением смотрели на улов и рыбака.

– Это вам, – сообщил рыбак.

– У нас нечем платить, – с грустью произнесла пожилая женщина.

– Платить не надо.

– Быстро марш за корзинами! – крикнула она мальчишкам.

Матур сидел в лодке и разглядывал женщин. Когда его взгляд встретился с Груней, она смущённо опустила глаза. Молодые люди почувствовали, что между ними установилось ещё непонятное чувство, притягивающее друг к другу. Когда рыбу разобрали и унесли, он вышел на отмель, взял лодку за один борт и ловким движением зачерпнул в неё воду. Затем стал полоскать, несколько раз меняя воду. Вся чешуя со дна лодки не смылась. Ему пришлось сорвать клочок травы, протереть лодку и ещё раз сполоснуть.

По пути домой он постоянно думал о девушке. Она была не похожа на женщин его племени. Они все низкорослые, а эта высокая, стройная, светлолицая с длинной русой косой. Он стал наведываться в посёлок. Всегда привозил две корзины рыбы и сам приносил их в посёлок, чтобы увидеться с Груней. Несколько раз пытался с ней поговорить, но её мать, увидев их вместе, грубо кричала:

– Грунька, быстро иди в избу!

Так он узнал её имя. «У нас таких имён нет», – подумал и несколько раз повторил его.

Очередной приезд Матура совпал с Петровым днём. Его приезд был очень кстати. Апостол Пётр считался покровителем рыбного промысла, в этот день на столе должны быть блюда из свежей рыбы.

Провожать Матура к лодке увязались мальчишки. Незаметно к ним присоединилась Груня. По дороге ему шепнула:

– Приходи вечером на праздник.

– Где тебя найду?

– Будет гореть большой костёр.

Сердце Матура радостно забилося. Наконец-то представляется случай сказать ей, что она давно поселилась в его сердце.

Его лодка легко скользила против течения реки, управляемая сильными руками. В нескольких километрах от посёлка заметил, как в небольшой заводи мелкая рыбёшка веером выскочила из воды. «Надо проверить, какая рыба жирует», – подумал Матур и перестал грести. Течение подхватило лодку и понесло назад. Он приготовил блесну, привязанную к крапивной леске, осторожно заплыл в заводь и начал блеснить. Долго ждать поклёвки не пришлось. Резкий рывок лески заставил сделать подсечку и на дне лодки оказался крупный окунь весом около килограмма. Поймав второго, подумал: «На еду хватит». Взял весло и поплыл к берегу. На песчаной косе развёл костёр, не опасаясь устроить пожар. Кроме того, небольшой ветерок отгонял гнус, которого здесь было предостаточно. Затем охотничьим ножом срезал две ветки тальника, насадил на них окуней и стал запекать над огнём. Сочная вкусная рыба утолила голод, и его потянуло в сон. Пришлось пойти в лес, нарубить сосновых лап и устроить из них постель в лодке.

Сонливое состояние мгновенно исчезло, как только подумал о Груне. До вечера оставалось ещё коротать несколько часов, а он никак не мог уснуть. Стоило только закрыть глаза, как перед ним появлялось видение стройной девушки с длинной косой.

Церковные праздники в стране были запрещены, но никто не мог запретить людям в этот день ходить в гости, накрывать стол лучше, чем в обычные дни. Лето было в расцвете. В лесу появились грибы, поспели черника и голубика. Вечером у костра молодёжь от души гуляла и веселилась. Они пели песни и танцевали.

Матур издали увидел костёр вдали от посёлка у прибрежного леса и услышал звук гармошки. Такую музыку слышал впервые. Под аккомпанемент гармошки звучала протяжная песня. Ему она показалась заунывной, что-то просящей. Когда подошёл ближе, начались танцы. Девушки крутились на одном месте, махая над головой платочками, и притопывали, парни ходили вокруг них вприсядку. Он искал глазами Груню, но в крутящем потоке, когда лица мелькали ненадолго, не мог её отыскать. «Наши танцы лучше, – решил он, – люди надевают шкуры, маски животных».

Музыка сменилась, все стали братья за руки и повели хоровод вокруг костра. К нему неожиданно подошла Груня, взяла за руку и вовлекла в хоровод. Только теперь он её узнал. От её близости и прикосновения у Матура радостно колотилось сердце. Ему захотелось сказать ей что-нибудь приятное:

– Здравствуй, Грунька!

– Не называй меня больше так!

– Почему? – удивился Матур. – Тебя так звала твоя мать.

– Зови меня Груня, – улыбаясь, мягким голосом произнесла она.

Тёплые и короткие июльские ночи. Небо начало сереть, исчезли звёзды на небосводе, а веселье всё продолжалось. Матуру хотелось поговорить с Груней, но постоянные песни не позволяли разговаривать. Его терпение иссякло, и он спросил Груню:

– Веселье долго продолжится?

– До восхода солнца. Все будут встречать восход, сегодня солнце должно играть.

– С этого места восхода не увидеть, пойдём на берег реки и там встретим восход.

– Пойдём, – согласилась Груня.

Они незаметно отошли в сторону и отправились к реке.

– Груня, – начал разговор Матур, – ты мне понравилась с первого дня, когда увидел тебя.

– Ты мне тоже мил.

– Можно я зашлю сватов к твоим родителям?

– Мне нужно будет спросить их согласия.

– Скажи, хороший калым будет: шкурки соболя, олени.

– Что ты, – возмутилась Груня. – У нас не принято невест покупать.

Когда молодые люди вышли на берег реки, начался восход солнца. Голубой небосвод стал меняться от бледно-жёлтого до ярко-красного. Затем вспыхнуло зарево и выкатилось раскалённое светило. Груня подумала, что такой чистый восход солнца, без единого облачка на небе к счастью, к перемене в её судьбе и предложила:

– Пойдём к реке, умоемся «петровой водицей».

Она взяла Матуру за руку, и они побежали вниз по склону. Холодная речная вода приятно охлаждала её раздумывавшиеся щёки. Зачерпнув горсть воды, Груня брызнула на юношу и побежала от него по песчаной косе. Он бросился за ней, догнал, схватил в охапку и прижал к себе. Они стояли, обняв друг друга, чувствуя, как бьются их сердца. Матур всё сильнее и сильнее прижимал Груню к себе.

– Отпусти, пожалуйста, а то раздавишь, лучше погуляем.

После вторых петухов Груня спохватилась:

– Мне пора, дома потеряют.

– Я буду тебя здесь ждать, вернёшься и скажешь, когда присылать сватов.

– Хорошо, – произнесла Груня и побежала в посёлок.

Дома мать встретила вопросом:

– Где так долго гуляла?

– Встречала восход солнца.

– Все давно вернулись домой, с кем гуляла?

Вместо ответа, Груня спросила:

– Матур спрашивает: когда можно сватов заслать?

Мать от неожиданного вопроса потеряла дар речи. Она не знала, что ответить дочери. Девке давно пора замуж, но не думала, что зятем может стать остяк-инородец. Старшие братья Иван и Сидор переглянулись. Иван произнёс:

– Не зря же он рыбу привозил – невесту высматривал.

В разговор вмешался глава семейства Лаврентий. Мужчина крепкий, широкоплечий с седеющей бородой и гордой осанкой, привыкший к беспрекословному выполнению всех его требований. Его внешность говорила о знающем себе цену человеке. Большие жилистые руки свидетельствовали о постоянном физическом труде. Ему ещё не было шестидесяти лет. Своими руками он создал на Алтае крепкое хозяйство. Вместе с сыновьями пахал землю, разводил скот. Семья жила в большом достатке. Многие ему завидовали. В начале тридцатых годов прошлого века его раскулачили и с семьёй сослали в лесную глушь на заготовки леса.

– Грунька, выкинь блажь из головы! Одумайся! Не быть моему благословлению.

Отказ отца причинил ей душевную боль, сердце заныло, в висках стучал пульс. «Надо предупредить Матура, он ждёт меня на берегу», – думала она.

– Хорошо, батенька, – тихим, грустным голосом произнесла Груня, – пойду сообщу Матуру, что нет твоего согласия на свадьбу.

Груня выскользнула из избы и направилась к реке.

– Мишка, – крикнул Лаврентий внуку, – беги, пригляди за ней.

Матур радостно встретил возлюбленную и заключил в объятия. У неё потекли слёзы.

– Что случилось?

– Отец не дал согласия на сватовство.

– Я украду тебя.

– Как?

– А вот так, – произнёс Матур.

Он нагнулся, слегка ударил левой рукой её под коленями. Она стала падать навзничь. Правой рукой подхватил туловище, поднял на руки, прижал к груди и понёс к лодке. У селькупов воровство невест было распространено в тех случаях, когда не было возможности заплатить калым. Часто с обоюдного согласия родителей.

Миша прибежал домой запыхавшийся и сообщил:

– Груню остяк увёз на лодке!

– Негодница! – возмутился отец, – решила убежом выйти замуж. Иван, Сидор, догоните инородца и отучите воровать невест.

Братья побежали к реке. Столкнули на воду большую двухвёсельную лодку и устремились в погоню. На этой лодке женщины посёлка переправлялись на пониженный левый берег. Там на моховых болотах брали клюкву.

В это время беглецы уже были далеко от посёлка. Матур гнал лёгкую лодчонку вблизи берега, где течение меньше влияло на скорость движения. Листья веток деревьев, нависших над водой, иногда задевали голову Груни. Матур предупреждал её: «Пригнись». Она сидела к нему лицом, держась руками за низкие борта, боясь наклонить лодку, зачерпнуть воду и вывалиться за борт. Их ноги касались друг друга. Груня не думала о последствиях побега. В её груди волной поднималась радость, прикосновение к ногам Матура заставляло учащённо биться сердце. У неё обострились все чувства, вокруг ярче заиграли все краски: небо казалось голубее, веселее засияло солнце, в воздухе острее ощущались запахи леса и реки. Она вручила свою судьбу в руки избранника и думала: «Какое счастье быть рядом с любимым человеком».

Матур находился в сладостно волнующем ожидании близости с Груней. Он смотрел на разругавшиеся щёки избранницы, голубые глаза, толстую косу, спускающуюся на колени, и думал: «Я буду о ней заботиться, говорить ласковые и нежные слова». Ему даже не приходило в голову подумать о том, что она была человеком из другого племени и какие могут быть последствия её побега с ним.

– Пора пристать к берегу и поесть, – предложил Матур.

– У нас нет с собой еды, – удивилась Груня.

– Сейчас будет.

Он подвёл лодку к берегу, одной рукой уцепился за ветку, чтобы лодку не снесло течением, а вторую протянул за спину. Только сейчас Груня увидела в корме лодки берестяную коробку. Матур на ощупь достал из неё рогульку с намотанной леской и блесной. Затем отплыл от берега, опустил блесну в воду, отмотал несколько метров лески, взял её в зубы и продолжил грести.

Груня хотела спросить его, как называется эта снасть, но промолчала, сообразив, что леска выпадет из его зубов, если он ей ответит. Через непродолжительное время леска дёрнулась, и кто-то потянул её в сторону. Матур перестал грести, положил весло ей на колени и начал вытаскивать леску. Около борта лодки рыба ударила хвостом по воде, окатив Груню брызгами. Рыбак дал слабину леске, и рыба ушла на глубину. Он несколько раз подводил её к лодке и вновь давал ей возможность уплыть, пока крупная щука не обессилела. Затем подвёл к борту, взял под жабры и выбросил на дно лодки. Для Груни первая рыбалка была большим открытием. Она с интересом наблюдала и думала: «Мы голодали, ели одну болтушку, тогда как в реке водится рыба. Никто из мужчин посёлка не умеет рыбачить. С этим человеком я не буду голодать». В её душе промелькнувшее чувство беспокойства и вины перед родителями за побег сменилось нежностью и уважением к Матуру.

Тем временем лодка подошла к берегу, Матур воткнул весло в мягкое дно реки и произнёс:

– Осторожно выходи на берег.

Груня поднялась на ноги и почувствовала под собой неустойчивое днище лодки. Балансируя руками, переступила одной ногой борт лодки и, почувствовав под ногой твёрдую почву, вышла на берег.

Матур затащил лодку в кусты тальника, наломал охапку сушняка, нашёл в лесу небольшую полянку, развёл костёр и произнёс:

– Следи за костром, а я займусь щукой.

– Что мы с ней будем делать?

– Запечём над костром.

Он охотничьим ножом срезал ветку черёмухи, заострил один конец и стал заталкивать в анальное отверстие щуки.

– Матур! – удивилась Груня. – Ты порвёшь кишки, рыба будет горькой.

– У щуки нет желчи. Вертело пропущу вдоль хребта за плевой, которая удерживает в рыбе воздух, так что кишки будут целы.

Он положил концы вертела на две рогульки, воткнутые около костра, и стал медленно вращать над огнём. Когда кожа на щуке лопнула в одном месте, и из неё потекла жидкость, снял её с костра и положил на траву. Ножом разрезал живот, вынул кишки, легко снял шкуру с одного бока и сообщил:

– Еда готова.

У Груни потекли слюнки, она не ела со вчерашнего дня. Матур пальцами отломил кусочек рыбы и положил в рот. Груня последовала его примеру. Еда была мягкой и сочной. Она даже не обратила внимания, что ела без соли. Когда почти насытилась, произнесла:

– Очень вкусно! Вот если бы немного подсолить, было бы ещё вкуснее.

Матур поднялся с места и пошёл к лодке. Там в берестяном ящике лежал кожаный мешочек с солью. К костру вернулся с котелком, наполненным водой. Груне передал соль, а сам повесил котелок над костром и подбросил хвороста. Затем направился в сосновый лес, который чёрной стеной стоял вдоль реки. Вернулся, держа в руке пучок брусничника с корнями и красными ягодами.

– Зачем тебе брусничник? – удивилась Груня.

– Будет хороший чай.

Они пили вкусный чай бордового цвета с кисловатым вкусом. Груню переполняли чувства любви и нежности. Есть поговорка, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Видимо, эта поговорка относится и к женщине. Она спросила:

– Матур, можно я тебя буду звать Митей.

– Конечно, можно.

Он обнял Груню и прижал к себе.

Братья уже несколько часов плыли по реке, но не видели признаков беглянки. Они надеялись увидеть на берегу лодку. Неожиданно Иван увидел слабый дымок, поднимающийся за прибрежными кустами.

– Сидор, гребь к берегу, – тихо произнёс он.

– В чём дело?

– Вижу дым костра.

Груня сидела спиной к реке и не видела, что происходит сзади. Матур схватил ружьё и отскочил в сторону. К костру подошли Иван и Сидор. Они собирались побить ухажёра сестры, но увидев в его руках ружьё, побоялись связываться.

– Отец велел тебе возвращаться домой, – потребовал Иван.

Груня вскочила на ноги и хотела бежать к Матуру, чтобы стать за его спиной. Сидор ухватил её руку.

– Отпусти! Не поеду с вами! – кричала сестра.

Братья взяли её под руки и повели к лодке. Она кричала и вырывалась. Первым желанием Матура было выстрелить в братьев и отобрать невесту. Разум подсказал, что тогда потеряет её навсегда. «Если украл один раз, то смогу украсть ещё раз», – решил он.

Костёр медленно догорал. Хворост превратился в пепел, сохраняя форму веток. Стоило только Матуру дотронуться до них прутом, они рассыпались. Он до мелочей вспоминал события прошедшего дня. Ему слышались крики Груни, вырывающейся из рук братьев. «Она меня любит и хочет быть со мной, – решил он, – надо плыть за ней».

На небе стали появляться звёзды. Из-за леса выплыла бледная луна. «Пора,» – решил Матур, поднялся на ноги и направился к лодке.

По серебряной глади реки медленно плыла лодка. Лунная дорожка по левому борту неотлучно сопровождала её. Матур бесшумно опускал весло в воду и направлял лодку по течению. Он планировал до рассвета подплыть к посёлку ссыльных и ждать Груню на месте их последнего свидания.

Время тянулось утомительно медленно. Прошло два дня, а Груня не приходила. «Она должна прийти», – не терял надежды Матур и продолжал настойчиво ждать. На третий день услышал шаги за кустами, в которых скрывался. Он сердцем почувствовал, что это шаги возлюбленной и поспешил навстречу. Груня бросилась к нему в объятия. У неё от радости потекли слёзы.

– Бежим к лодке, – предложил Матур.

– Митя, дорогой, сегодня нельзя.

– Почему?

– За мной следят.

– Когда же будет можно?

– Завтра рано утром я пойду в лес брать бруснику и прибегу сюда. Раньше обеда меня не хватятся. Мы успеем уплыть далеко.

Ещё с вечера Груня обдумала, что взять с собой в побег. Рано утром под широкое платье надела две пары нижнего белья, чтобы была смена, сверху старенькую безрукавку, на ноги – две пары чулок. В корзину, плетённую из лозы, положила краюху хлеба и прикрыла рушником.

За брусничой отправились почти все женщины посёлка. Поодиночке ходить в лес боялись. В сосново-кедровом бору брусничник рос небольшими плантациями. Они разбрелись по лесу в поисках урожайных участков. Жёны Ивана и Сидора убежали вперёд, Груня задержалась на первом попавшемся брусничнике и незаметно повернула к реке.

Матур с нетерпением ждал возлюбленную около лодки. Груня вышла из-за кустов на песчаную косу и со всех ног побежала к нему. Ноги запутались в длинном платье, и она споткнулась. Крепкие руки подхватили её, и, как при первом побеге, понесли к лодке.

– Митя, куда мы плывём? – спросила Груня, когда лодка отплыла довольно далеко от посёлка.

– В зимовье.

– Это что такое?

– Моё жилище, в котором провожу зимний сезон, когда охочусь на белок и соболей.

– Нас там не найдут?

– У реки много притоков, все не объехать.

В это время в доме Сидоренко разгорался скандал. Невестки вернулись из леса с ягодами без Груни.

– Где Груня? – спросила свекровь.

– Мы думали, что она уже дома.

– Я же вас просила присматривать за ней.

– Наверное, убегла к инородцу, – высказал предположение Иван.

– Шкуру спущу, когда вернётся, – заявил отец.

– Не для того она убегала, чтобы возвращаться, – произнёс Сидор.

6

У Груни ныла спина и затекли ноги от долгого нахождения в одной непривычной позе, но она терпела и не просила Матура пристать к берегу, чтобы размяться. Ей хотелось как можно дальше уплыть от посёлка, чтобы братья не

смогли догнать. Она видела, что Мите хочется того же. Он как автомат поднимал и опускал в воду весло, толкая лодку вперёд. «Сколько в нём силы», – думала она. Лодка из Орловки свернула в Росомаху, затем в её приток. Берега неширокой речонки заросли редким камышом. Из него то и дело поднимались выводки уток. Наконец Матур повернул лодку к берегу, и её нос скользнул по мягкому грунту между кустами тальника.

– Приехали, – с облегчением вздохнул он и воткнул весло около борта в илистое дно, придав лодке устойчивость.

– Можно выходить?

– Конечно. Будь осторожней, не наступи на борт.

Когда Груня встала на твёрдую землю, её закачало, и она ухватила за ветку тальника, чтобы устоять на ногах. Матур, видя её состояние, подумал: «Укачало от долгого плавания, привыкнет».

Они прошли по еле видимой тропке через прибрежный лиственный лес, который закрывал обзор, и оказались на небольшой поляне, за которой стеной стоял могучий кедровый лес. Около него стояла маленькая избушка. На фоне деревьев-великанов она казалась Груне игрушечной.

– Вот здесь пока мы будем жить, – произнёс Матур и отправился к избушке.

Груня последовала за ним. Он открыл дверь и вошёл внутрь. Груня осталась снаружи рассмотреть местность. Недалеко от избушки на четырёх столбах стоял небольшой сруб. Это сооружение напомнило ей слова из сказки А.С. Пушкина: «Избушка там, на курьих ножках, стоит без окон и дверей». Среди зелёной травы выделялось чёрное пятно кострища, около него лежал кусок ствола берёзы. Дальше стояли кедры со стволами, которые не обхватить одному человеку. Её не смущало отсутствие поблизости людей, а радовала возможность быть рядом с милым человеком без посторонних глаз. Она даже вспомнила поговорку: «С милым рай и в шалаше». Только теперь почувствовала голод и вспомнила про краюху хлеба, оставленную в лодке.

Когда Матур вышел из избушки, спросила:

– Это что за скворечник на столбах?

– Лабаз для хранения продуктов.

Она увидела в его руках лук и стрелы.

– Что ты собираешься делать? – удивилась Груня.

– Пойду на охоту.

– У тебя же есть ружьё.

– Заряды надо беречь, из ружья стреляю только крупного зверя. Разведи костёр, я скоро вернусь.

Груня долго смотрела вслед Матуру, скрывшемуся за деревьями, и думала: «Вместо того, чтобы меня обнять и приглубить, он ушёл в лес». Мимолётное

недовольство сменилось уважением к человеку, который первым делом решил её накормить. Она вспомнила приготовленную им щуку и принялась разводить костёр.

Матур появился у костра неожиданно и бросил на землю капалуху.

– Сейчас принесу воду и будем готовить шурпу.

Он сходил в избушку за котелком и отправился к реке. Груня впервые видела большую птицу, похожую на курицу. Она взяла в руки глухарку, стала рассматривать и начала щипать. Перо плохо выдёргивалось, иногда вырывалось с куском кожи.

Матур, застав её за этим занятием, улыбнулся, повесил котелок над огнём и произнёс:

– Милая, подай мне птицу, я покажу тебе, как надо с ней обращаться.

Он отошёл в сторону, отрубил охотничьим ножом капалухе голову, ноги, крылья и быстро снял с неё кожу с пером. Затем выпотрошил, все отходы отнёс и бросил в старую корзину. Подойдя к костру, попросил:

– Дорогая,ними котелок с огня и полей на птицу, я её помою.

– Митя, почему ты не закопал кишки, а положил в корзину?

– Отходы нам скоро понадобятся.

– Зачем?

– Для привады.

– Они же протухнут?

– Чем сильнее будут пахнуть, тем скорее их найдет соболь.

Груня внимательно следила за действиями Мити, полагая, что в дальнейшем ей придётся самой готовить еду. Он разрубил капалуху на четыре части и положил в котёл, затем из мешочка достал сухие коренья, щепотку сухой травы и бросил в котелок. Её удивляло умение Мити готовить еду. В её семье готовили только женщины. Она не удержалась от вопроса:

– Митя, почему ты птицу не изрубил мельче?

– Мелкие куски выварятся и будут невкусные.

– Мне надо было об этом догадаться самой.

– Милая птичка, слетай в конец поляны, там растёт дикий лук, нарви небольшой пучок.

Груне понравилось такое обращение к ней. Она поднялась на ноги и как на крыльях полетела по поляне.

Они сидели рядом на берёзовом бревне, ели мягкое мясо птицы и запивали ароматным бульоном.

– После вкусной юшки даже не хочется чая, – произнесла Груня.

– Чай будем пить позже, – сказал Матур, обнимая её и прижимая к себе.

У Груни сильнее забилося сердце, она вся затрепетала. Матур это почувствовал и предложил:

– Пойдём, я покажу тебе наше жилище.

В избушку вели три ступени вниз. В полумраке Груня успела заметить чужал и нары. На полу лежали оленьи шкуры, на нарах – огромная шкура медведя. Матур обнял её и легонько опустил на мягкий медвежий мех.

Их медовый месяц растянулся до осени. В любовном тумане потеряли счёт дням. Вместе ходили собирать ягоды, на рыбалку и охоту.

7

Груне запомнилась первая рыбалка. Ей не хотелось оставаться одной, и она предложила:

– Митя, возьми меня с собой на рыбалку.

– Хорошо. На лодке вдвоём будет тесно, пойдём пешком.

Он перекинул через плечо небольшой крапивный мешок, и они отправились по еле заметной тропинке. Она тянулась по кедровому лесу. Перед ними с руганью взлетали кедровки, иногда дорогу перебегали белки. Через полчаса тропинка спустилась в распадок, и они подошли к речке шириной метров пять.

– Оставайся здесь, я переберусь на противоположный берег по поваленному дереву и перебросю тебе конец верёвки. Ты потянешь верёвку, и мы установим сеть.

– Поваленное дерево далеко? – забеспокоилась Груня.

– Близко. Я мигом переберусь на тот берег.

Матур привязал конец тонкого шнура к палке и крикнул:

– Берегись, бросаю.

Палка, как копьё, перелетела реку, увлекая за собой шнур. Груня отвязала шнур и услышала команду:

– Тяни!

За шнуром тянулась сеть. Матур расправлял её, держа над водой. Когда она достигла берега, он задержал шнур и подал рукой сигнал опустить. Поплавки скрылись под водой. «Речка глубокая», – подумала Груня. Она присела на кочку и осмотрела местность. От реки тянул лёгкий ветерок, обдувая лицо сыроватой свежестью. На светло-зелёной поверхности воды разбегались солнечные блики. Вдоль реки рос лиственный лес. Стройные берёзы соревновались в росте с рябинами. У воды на кустах калины висели грозди оранжевых ягод. «Скоро калина покраснеет», – подумала она. В это время из воды выскочила рыбка, схватила кого-то над водой и, сверкнув серебром, скрылась в воде. От наблюдения за природой её отвлек голос Матуры:

– Поднимай!

Груня подняла шнур до уровня плеч. В сети, натянутой над водой, в солнечных лучах бились хариусы, приятно дёргая шнур.

– Отпускай шнур потихоньку, – громко попросил Матур.

Он шёл от берега, держа сеть над головой. Когда вся сеть оказалась над землёй, повесил конец на сучок дерева и стал выбирать рыбу. Улов сложил в мешок, сеть аккуратно собрал и прополоскал в реке.

8

Август стоял во всей красе: рябины надели праздничный наряд, кусты калины горели ярким пламенем, клюква на болоте рассыпалась персидскими коврами, начали созревать кедровые орехи. Кедровый массив оживился. В нём часто стали встречаться любители кедровых орехов: кедровки, ронжи, сойки, рябчики и глухари.

– Завтра пойдем охотиться на рябчиков, – сообщил Матур.

Груня подошла к нему, обняла, чмокнув в щёку, и радостно ответила:

– Я люблю ходить с тобой всюду.

Чуть свет они уже были в засидке около небольшой лесной поляны. Густые кусты их надёжно скрывали от посторонних глаз. Матур достал из кармана свистульку, сделанную из бересты, и тихонько свистнул. В утренней тишине раздались два коротких и один протяжный призывный звук. Он приложил палец к губам и посмотрел на Груню. Она поняла, что надо молчать. На поляне появился рябчик, со всех ног бежавший в их сторону. Не добежав метров десять до них, остановился и стал крутить головой, выискивая исполнителя сигнала. Около него оказалась кедровая шишка. Он стал её клевать. Матур натянул лук, просунул стрелу между веток, чтобы она не коснулась их, и выстрелил. Беспечная птица, сражённая стрелой, бесшумно упала на землю.

Выждав некоторое время, охотник вновь засвистел. К ним прибежал очередной рябчик. Он недолго постоял, свистнул, но, не услышав ответа, вспорхнул и улетел.

– Почему ты не стрелял? – шёпотом спросила Груня.

– Это самочка, она на будущий год принесёт потомство.

– Как ты её отличил?

– У самцов-рябчиков на горле чёрное пятно.

«Митя поступает, как рачительный хозяин, – подумала Груня, – словно лес его частное хозяйство».

Рябчики подбегали к охотнику без всякой боязни. Он добыл шесть штук, вышел из укрытия и отправился собирать добычу.

На обратном пути Груня спросила:

– Почему они такие глупые?

– Это молодой выводок, они бегут на призыв, думая, что их зовёт мать.

Матур понимал, что скоро наступят холода, Груне нужна зимняя одежда. Он хотел сплавить в юрту и привезти всё необходимое, но ему не хотелось разлучаться с ней надолго. После раздумий решил взять её с собой, показать жену родителям и всему племени.

– Завтра надо добыть глухаря, поплывём в юрту к родителям. Ты, пожалуйста, заплети две косы, чтобы соплеменники видели, что ты моя жена.

– У нас тоже такой обычай. Мне с одной косой было привычней.

Груня знала, что рано или поздно ей предстоит познакомиться с родителями возлюбленного, но предложение всё-таки было для неё неожиданным.

– Ты появишься у родителей с подарком, а мне нечего им подарить.

– Ты сама будешь для них лучшим подарком. Калым положено платить родителям жениха, так что не беспокойся.

Настроение Груни улучшилось. Плыть с милым человеком ей всегда доставляло удовольствие. Она стала бояться оставаться одна после того, как они встретили в тайге следы медведя. Матур её успокоил:

– В тайге бродит «варг ара» – большой старик. Он давно здесь живёт. Наш народ считает, что если о звере не говорить и не думать, он не придёт. В лесу много еды: кедровые шишки, ягоды. Зверь боится запаха человека, к избушке не подойдёт.

У неё не было основания не верить ему, но боязнь сохранялась.

Лодка легко скользила по тихой глади притока Росомахи. Груня любовалась лёгкими движениями весла в руках Мити. Оно бесшумно опускалось в воду, толкало лодку вперёд и так же бесшумно извлекалось из воды, сделав полукруг в воздухе, вновь опускалось в воду. Ей казалось, что весло крутится как лопасть ветряной мельницы. Небольшой ветерок приятно обдувал её лицо. Когда доплыли до основного русла реки, Матур погнал лодку вверх по течению. К полудню подплыли к стойбищу. На берегу их встретила дружным лаем свора собак. Матур закричал на них на родном языке и нагнулся к земле, делая вид, что собирается поднять палку и запустить в них. Собаки убежали, кроме одной. Она подбежала к нему и прыгнула передними лапами на грудь. Он обнял её за холку, собака стала лизать его лицо.

– Соскучился, дорогой, молодец, молодец, – приговаривал Матур и гладил любимца.

Груня смотрела на сцену радостной встречи человека и собаки. В ней промелькнула минутная ревность: «Неужели он будет любить собаку больше, чем меня?» – думала она.

– Как её зовут? – спросила Груня.

– Лолта.

– Что эта кличка означает?

- С пятном на груди.
- Можно её погладить?
- Конечно можно, теперь ты будешь её хозяйкой.

Груня протянула руку к собаке, та лизнула её. Матур что-то сказал на родном языке. Лолта опустилась на землю и уткнулась носом в подол женщины.

Их уже стали окружать жители стойбища. Они говорили на родном языке, поглядывая на Груню, одобряли похищенную девушку. У селькупов брак «убегом» считался как бы промежуточным звеном между браком с уплатой калыма. Приезд молодой пары был радостным событием для всего юрта. Женщины приглашали молодожёнов в гости. Матур познакомил Груню с матерью и сёстрами. Им сказал на родном языке: «Скоро зима, подберите из своих запасов одежду для неё, а к следующему приезду сшейте новую». Свекровь не пригласила невестку в свой карамо. По древнему обычаю она не должна общаться с отцом и братьями мужа до рождения первого ребёнка.

Отец Матура заколол оленя, женщины развели костёр, стали готовить праздничную еду. На торжество собрались все жители юрта, их почти всех связывали родственные узы. Женщины надели лучшую одежду из меха. В повседневной жизни они носили одежду русского покроя. Груня в платье и безрукавке выглядела среди них бедной иностранкой в окружении богатых дикарей, одетых в меха.

Шаман провёл камлание и сообщил, что молодая семья будет жить долго, у них будет много детей.

В тот же день вечером молодая семья готовилась к возвращению в охотничью избушку. В носу лодки лежал мешок с зимней одеждой для Груни. Лолта пыталась прыгнуть в лодку, но не находила места. Матур что-то сказал ей на родном языке, и она отошла от воды.

- Разве мы не возьмём её с собой? – спросила Груня.
- Она побежит берегом.
- Не потеряется?
- Нет, она хорошо знает дорогу.

10

Ритм жизни селькупов зависит от природы. Прилетели утки – началась охота на водоплавающую дичь. Пospели ягоды – пришла пора сбора, заготовок на длительную зиму. Выросли грибы – надо успеть их заготовить. Созрели кедровые орехи – настала страда заготовки впрок и на продажу.

Матур и Груня ходили под кедрами, собирали шишки и складывали в корзину. Груня заметила, что в стороне от них кедровка постоянно летает к одному месту на зелёной полянке. Любопытство заставило пойти и посмотреть. На сплошном

моховом покрове виднелся разрыв. Она засунула в него руку и отвернула пласт моха. Под ним кучкой лежали кедровые орехи.

– Митя! Иди сюда! – закричала она.

Когда Матур подошёл к ней, предложила:

– Давай заберём готовые чистые орехи.

– Этого делать нельзя. Кедровка заготовила их на зиму. Если она не все орешки склюёт, здесь вырастет молодой кедр.

Груня согласилась с его доводами, её не первый раз удивляло рациональное и бережное отношение мужа к природе.

Недалеко от костра на разостланном холсте горой лежали кедровые шишки. К ним подбежал бурундук и стал их шелушить.

– Прекрати воровать орехи, – закричала Груня.

Бурундук не обращал на неё внимания и продолжал набивать орехи за щёки.

– Он не ворует, – произнёс Матур, – здесь его дом, это мы украли его корм.

11

Приближался сезон охоты. Белки сменили рыжий окрас на пепельно-голубой. На обильном корме пополнили и стали походить на толстых купчих. После первого снежка зайцы поторопились переодеться в зимний белый наряд. Через несколько дней снег растаял, и белый мех стал их демаскировать. Матур занимался ремонтом и установкой новых кулёв. Он не стрелял соболей из ружья, чтобы не портить шкурки, а добывал ловушками. Груня, сопровождая Матура, несколько раз видела зайцев, притаившихся около поваленных берёз. Они, видимо, думали, что их мех сливается с цветом коры берёз, но он был светлее коры деревьев. Однажды она решила тихонько подойти к зайцу, спрятавшему голову под берёзу, и поймать его. Зайчишка не подавал признаков жизни, она присела и схватила его за кожу на шее. Он с силой оттолкнулся задними лапами от земли, вырвался из руки и умчался прочь. Груня испугалась не меньше, чем заяц. Когда рассказала об этом случае Матуру, он предупредил:

– Никогда живого зайца не бери в руки, он может задними лапами не только порвать одежду, но и тело.

Настало время белкования. Матур с рассветом стал собираться в тайгу.

– Митя, возьми меня с собой, – попросила Груня.

Он посмотрел на неё, немного подумал и спросил:

– Медведя не боишься?

– Он давно спит в берлоге.

– Тогда одевайся, сегодня далеко не пойдём.

Груня обрадовалась, ей хотелось быть рядом с любимым человеком и на охоте.

Она присела на нары и стала обувать чирки – мягкие сапоги из оленьего камуса. Они ей доходили почти до колен. Затем надела парку и лисью шапку, сшитую как капор. Матур внимательно наблюдал за ней. Когда она оделась, произнёс:

– Ты выглядишь, как настоящая селькупка. Такой ты мне очень нравишься.

– А мне ты нравишься в любом одеянии. Давай, присядем на минутку.

– Зачем?

– У нас есть обычай. Если присесть перед дорогой, то путь будет удачным.

– Нам удача не повредит, – произнёс Матур, присаживаясь рядом и обнимая Груню за талию.

Когда они вышли наружу, Лолта встретил их повизгиванием и вилянием хвостом. Он подбежал к Матуру, легонько ударил его боком и отбежал в сторону леса, приглашая за собой.

– Неужели он понял, что мы собрались на охоту? – спросила Груня.

– Лолта раньше нас понял, что наступил сезон охоты.

Когда они вошли под свод кедров, впереди уже раздавался звонкий голос Лолта. Матур направился в его сторону, Груня последовала за ним. В чирках идти было легко, снег достигал только до щиколоток. На суку кедра сидела белка, подняв пушистый хвост выше головы, и удивлённо смотрела на собаку, которая стояла в стороне и периодически подавала голос. Зверёк не обратил внимания на людей, подошедших к соседнему дереву, чувствуя себя в безопасности высоко от земли. Матур натянул лук и выстрелил. Белка вместе со стрелой, попавшей ей в голову, полетела вниз.

Груня уже видела стрельбу из лука по рябчикам, но всё же удивилась его меткости. Она слышала, что селькупы могут попадать белке в глаз.

– Митя, – спросила его, – ты можешь попасть белке в глаз?

– Иногда могу.

В стороне послышался азартный лай.

– Нашла соболя, – произнёс Матур.

– Как ты догадался, что Лолта нашёл соболя?

– На каждого зверя у него своеобразный лай.

Груня не переставала удивляться. Когда подошли к Лолта, увидела на небольшом бревёшке соболя придавленного другим бревёшком.

– Как он попал под бревно?

– Захотел полакомиться рыбой, вот, видишь, она лежит.

Матур освободил соболя и подал Груне, а сам принялся настораживать ловушку.

Груня впервые держала в руках ценную добычу. Длинный мех соболя с сединой на кончиках ворса переливался серебром на тёмном фоне. Она приложила его к плечу и подумала: «Прекрасный был бы воротник». Матур, заметив, как она любит соболя, решил: «Будут у неё любые меха».

До сумерек оставалось ещё достаточно времени, а Матур повернул в сторону дома. «Пора возвращаться», – произнёс он и подал Лолта команду: «Домой».

Груне, охваченной азартом охоты, хотелось добыть больше белок. Возможно, она руководствовалась не жадностью, а природным свойством человека: бери больше, пока есть возможность.

– Митя, – предложила она, – до вечера далеко, можно продолжить охоту.

– По дороге домой можем кого-нибудь добыть. Нам надо сегодня обработать добычу. Завтра с утра вновь отправимся в тайгу.

Он поступал в соответствии с опытом и традициями предков. У них было добыто два соболя и двадцать белок.

– Как будем обрабатывать?

– С белок надо снять шкурки, обезжирить и повесить сушить.

Каждый раз, возвращаясь с охоты, Матур испытывал волнение. В нём всплывало томительно-сладостное чувство встречи с любимой, он начинал ощущать запах её тела, его наполняли ощущения, не поддающиеся никаким описаниям.

12

В декабре наступили морозы, на небе ярче светились звёзды. Яркая луна заливала жёлтым светом замёрзшую реку и поляну перед домиком. День стал коротким, Матур часто возвращался с охоты при лунном свете. Глубокий снег не позволял передвигаться в тайге без лыж. У Матура была всего одна пара лыж. Груня оставалась в избушке поддерживать огонь, готовить еду и ждать возвращения с охоты любимого человека. Он с осени добыл лося, заготовил рыбу. Еды у них было в избытке. Она привыкла обходиться без овощей. Все её думы были о ребёнке, которого носила под сердцем. Часто, сидя у огня, вспоминала родственников. Ей хотелось поделиться с ними мясом и рыбой. «Они, наверное, как и раньше живут впроголодь», – думала Груня.

В феврале морозы отступили, участились метели. Матур стал оставаться дома. Груне эти дни доставляли радость. В один из таких дней она обняла его и сообщила:

– Митя, мне скоро рожать, одна я не справлюсь, надо идти к людям.

Это заявление его озадачило. Глядя на располневшую жену, он понимал, что она скоро родит. У женщин его племени не было проблем с родами. Они рожали в одиночестве. После недолгих размышлений произнёс:

– Стихнет метель, пойду в юрту. Через два дня приеду за тобой.

– На чём приедешь?

- На оленях.
- Я боюсь остаться одна.
- С тобой останется Лолта.

Матур понимал, что с собой собаку брать нельзя. По глубокому снегу она будет отставать и задерживать его.

Метель, как всегда, стихла внезапно. Матур это понял по притихшей тайге. Ещё вчера она гудела, ветви деревьев стучали друг о друга. Ему казалось, что злые духи беснуются в лесу и не разрешают направиться в юрту. К утру на небе вспыхнули звёзды, предвещая хорошую погоду. Он осторожно поднялся с нар, чтобы не побеспокоить Груню, подбросил дров в очаг и стал собираться. Она не спала, поднялась вслед за ним и поставила разогревать мясо.

Ел Матур много – до первой отрыжки. Он знал, что в дальний путь нужно отправляться сытым. Груня смотрела на него грустными глазами. Заметив её состояние, подошёл к ней, обнял, поцеловал в щёку, нежно провёл рукой по животу и произнёс:

- Береги нашего ребёнка, я скоро вернусь за тобой.
- Вдруг с тобой что-нибудь случится в пути?
- Не беспокойся, дорогая. Ном послал прекрасную погоду. Это хороший признак.

Он выпустил её из объятий и вышел на улицу. Вернулся в избушку с Лойла. Груня удивилась. Митя не разрешал заводить собаку в тепло, для неё около избушки стояла тёплая конура.

– Остаёшься здесь охранять хозяйку, – заговорил он по селькупски, обращаясь к собаке, – иди к ней.

Лойла подошёл к хозяйке и сел около ноги. Груня стала гладить его по голове. Матур тем временем накинул на плечи рюкзак из оленьей шкуры, взял ружьё и вышел из избушки. Чистый, насыщенный кислородом воздух заполнил его лёгкие. Он подошёл к лыжам, воткнутым в снег, надел их на ноги и скатился по уклону на русло реки. По снегу, уплотнённом ветром, лыжи, подклеенные камусом, легко скользили вперёд. Маршрут ему был хорошо знаком. В этом году он дважды побывал в юрте. Отнёс пушнину, чтобы мать сшила невестке одежду.

На востоке разгоралась заря, окрасив небосвод красно-голубым цветом. Выкатившееся из-за горизонта яркое солнце слепило глаза, осветило хвойный лес на берегу. Он преобразился, засиял в солнечных лучах. На сугробах снежинки искрились множеством блесков.

Всё это Матур видел множество раз. Прелести природы раньше казались обычными и не трогали его душу. Сегодня у него было приподнятое настроение. Его душа ликovala, радовали наступающий день, яркое солнце и вся окружающая природа. Он скоро станет отцом ребёнка, которого подарит ему любимая женщина.

После ухода Матура Груня присела на нары и задумалась. Душу тревожили непонятные чувства. До сегодняшнего дня она не чувствовала одиночества, не было потребности общения с людьми. Её вполне устраивало общение только с Митей. Дни пролетали незаметно в радостях любви и заботах. Перед родами у неё появилась потребность в советах матери и жён братьев. Она стала вспоминать события жизни на Алтае и последние два года в Сибири. Воспоминания об Алтае вызывали положительные эмоции о счастливой и сытой жизни до раскулачивания отца. Сибирский период вспоминался лишениями и голодом. «Мне повезло, – решила она, – Митя меня любит, с ним я счастлива и буду жить, как за каменной стеной. Одиночество в избушке скоро закончится».

Лойла подошёл к ней и уткнулся головой в колени. Груня положила руку на холку и спросила:

– Как ты думаешь, далеко уже отъехал Митя?

Вместо ответа Лойла завилял хвостом.

– Пойдём гулять, – предложила хозяйка и стала одеваться.

Лойла мигом оказался около двери. С густой длинной шерстью ему было жарко в тёплом помещении. Груня взяла берестяное ведро, топор и направилась к выходу, намериваясь принести воды из проруби. Около проруби всегда стояла пешня, но она предпочитала рубить лёд топором.

Хорошая погода улучшила её настроение. Солнечные лучи приятно ласкали лицо. Осторожно, чтобы не споткнуться, пошла по тропинке через прибрежные заросли тальника и ивы. После недавней метели зайцы уже успели натоптать тропы. Они предпочитали держаться поблизости жилья человека. Здесь их не беспокоили лисы и волки. Матур не охотился на зайцев. Он ставил капканы на лис вблизи скопления этих зверьков.

Груня принесла несколько вёдер воды, поставила греть в котле, чтобы помыться. Она испытывала дискомфорт без русской бани, всегда мылась в отсутствии Мити. С ним уже заводила разговор о строительстве к следующему охотничьему сезону небольшой баньки, в которой можно будет помыться и попариться.

Два дня пролетели в домашних хлопотах. О возвращении Матура известил Лойла радостным визгом. Груня накинула парку и выскочила на улицу. По заснеженному руслу реки мчалась нарта, запряжённая тремя оленями. Им наперерез нёсся Лойла. Каюр, увидев около избушки Груню, поднял вверх хорей, приветствуя её. У неё радостно заколотилось сердца. Она ждала возвращения суженого, но его приезд оказался неожиданным и впечатлительным. Упряжка промчалась мимо. Матур хореом повернул оленей к пологому берегу без зарослей. Около избушки остановил оленей, воткнув в снег оскол, соскочил с нарты, и Груня оказалась в его объятьях. Он посмотрел в её счастливые глаза и произнёс:

– Готовь чай, я отведу оленей пастись, завтра тронемся в путь.

Груня сидела на нарте за спиной Матура, прикрытая от встречного ветра медвежьей шкурой. При быстрой езде разговаривать не было возможности. Она любовалась окрестностями. Пейзажи сменялись один за другим. После возвышенности с кедровым массивом, в пониженной местности стоял смешанный лес, дальше потянулись болота с кустарниками. Матур повернул оленей на берег. На кромке болота она увиделадвигающийся большой табун диких северных оленей. Их ветвистые рога походили на кусты, раскачиваемые ветром. Вскоре выехали на большое озеро и повернули направо. Пейзаж стал однообразным. Груня подумала: «Какие огромные просторы, обитают в них только дикие звери».

Во второй половине дня они подъехали к юрте Орла. Матур остановил оленей около родного карамо. Встречать их вышла вся его родня: мать, отец, сёстры и брат. Мать любезно пригласила в жилище. Её приезда ожидали и приготовились к встрече, оказывали уважение и почести. Посадили на почётное место, угощали мороженым чиром и вяленым муксуном.

Мать похвалила Груню, когда увидела, с каким наслаждением она ест мороженую рыбу: «Ребёнок будет крепким и здоровым», – вынесла свой вердикт.

Питаться мороженой рыбой Груню приучил Матур. Когда она первый раз взяла в рот кусочек сырой рыбы, ей захотелось его выплюнуть. Каждый день видя, как Митя с удовольствием поедает строганину, стала понемногу пробовать и вскоре мороженная рыба стала её любимым блюдом.

На следующий день Матур сказал Груне:

- Надо строить для тебя чум, в котором будешь рожать.
- Рожать в холодном чуме? – удивилась Груня.
- Огонь будет. У нас так принято, в карамо тесно, много людей.

У Груни появились слёзы на глазах. Она дотронулась рукой до плеча Мити и попросила:

- Отвези меня к маме, я хочу у неё родить ребёнка.

Матур сразу согласился, словно ожидал такую просьбу.

– Немного погостим. Нельзя обижать родню. Все должны видеть, какая у меня красавица жена.

Март в тот год выдался добрым. По ночам стояли небольшие морозы, днём яркое солнце заливало тёплыми лучами посёлок переселенцев. Снег начал подтаивать. Ребятишки катали снежных баб, бросались снежками. Их внимание привлекли олени, запряжённые в нарту. Для них это была диковина. На оленях ещё никто не заезжал в посёлок. Они бросили игры. Одни побежали домой сообщить о

странной процессии, другие бросились следом за нартой. Близко подбежать к нарте не удалось, за ней на привязи бежал молодой олень.

Олени остановились около дома Семененко. С нарт поднялась женщина в беличьей шубке и соболиной шапке. Она вошла во двор, за ней последовал мужчина в меховой парке со связкой пушнины.

Родители Груни не сразу узнали дочь, удивились, увидев в избе незнакомую пару. Только когда она встала на колени и произнесла: «Матушка, батенька, простите меня. Благословите на замужество с Митей», узнали голос дочери. Они были шокированы и потеряли дар речи. Между собой давно решили, что дочь потеряна навсегда.

Их молчание Матур принял за плохой знак. Сделал шаг вперёд и положил на пол связку соболей и белок.

– Это калым, – произнёс он, – ещё молодой олень стоит привязанный к нарте.

Отец, оценив обстановку, произнёс:

– Встань с колен! Надо бы тебя выпороть, но вижу ты уже на сносях. Быть, потвоему. Раздевайтесь, проходите к столу.

Груня что-то шепнула на ухо Мите. Тот вышел из дома и вернулся с ляжкой оленя и мешком с рыбой. Она взялась помочь матери приготовить обед. Марфа удивлялась, как ловко дочь обращается с рыбой. Глядя на похорошевшую и располневшую дочь, спросила:

– Расскажи Грунюшка, как ты жила всё это время?

– Хорошо, матушка, нужды не испытывала. Митя хороший, ласковый. Расскажи лучше ты, как вы выжили?

На глазах Марфы появились слёзы. Преодолев душевную боль, начала рассказывать:

– Мор у нас зимой случился. Много людей выкосил. Дома стоят пустыми. Похоронили твою младшую сестрёнку Любушку и племянника Мишу. Сидор с Варей сбежали. Где они сейчас одному только Богу известно.

– Ивана почему нет дома?

– Он с Прасковьей на заготовках леса. Вернутся поздно, надо план выполнять. Кто план не выполняет – сокращают паёк.

Сидя за столом, Лаврентий Михайлович, как бы рассуждая, сообщил:

– Сегодня истоплю баню, схожу в бесхозный дом Сидоренко, затоплю печь, к утру прогреется. Молодых в нём поселим.

Решение отца вызвало у Груни двоякое чувство. Она обрадовалась, что будет полной хозяйкой в доме. В то же время огорчилась, подумав, что отец не хочет жить под одной крышей с Матуром.

Через две недели Груня родила сына Андрея.

Летом Матура стали навещать приятели. Они выбирали невест, русские девушки с удовольствием соглашались стать жёнами селькупов. Брошенные дома заселялись, строились новые. Посёлок не имел названия. Он числился под номером, как многие другие поселки, в Верхнекетской комендатуре. Так проходила ассимиляция коренных жителей. В документах их дети записывались русскими. Быть русским считалось престижным. Многие меняли свою национальность. В дальнейшем они пожалели, когда были введены большие льготы для малочисленных народов севера.

На берегу Орловки до сих пор сохранился посёлок Дружный. В нём проживает около двухсот человек. Возможно, это в нём происходили события почти вековой давности.

На берегах реки Лисица

Сентябрь – чудесная пора бабьего лета. В природе происходит переход от лета к осени.

Стояли тихие нежаркие дни с ясным чистым небом. Ласковое солнце заливало тёплыми лучами деревянные постройки на усадьбе Степана Орешкина и окружающую местность. Он смотрел через низкий забор в сторону реки Лисица. На её берегу стеной стояли ели и кедры, сияя в лучах яркого солнца. У него закружилась голова, и он оперся рукой на стену сарая. Рука почувствовала тепло колючей нестроганой доски. В прошлые годы в это время он всегда выезжал на свой промысловый участок. Ему давно перевалило за семьдесят лет. Со временем стало пошаливать сердце. Хотя выглядел крепким, коренастым мужчиной среднего роста. Врачи давно запретили проводить одному время в тайге и прописали принимать разные таблетки. Вспомнив, что давно пора принимать лекарство, поднялся на высокое крыльцо и открыл дверь в дом. Жена Тамара встретила незлобным ворчанием:

- Давно прошло три часа, пора принимать таблетку, а ты где-то шляешься.
- На улице красотища, пора на рыбалку ехать.
- Ещё что удумал, каждые три часа таблетки надо принимать, а он на рыбалку собрался.
- Не ворчи! Где там у тебя таблетки? Принеси, проглочу и пойду на берег реки полюбуюсь осенью.

Степан – потомственный шахтёр. Выйдя на пенсию, переехал из Кемеровской области в посёлок Лисица Томской области. Работал в леспромхозе, затем штатным охотником. Проблемы с артериальным давлением лишили его возможности заниматься любимым делом.

Река около посёлка делает большую дугу. Вытекает из-за поворота и через несколько сот метров скрывается за другим поворотом. На противоположном берегу хвойный лес тянется на сотни километров. Можно дойти до Енисея и не встретить ни одного жилого посёлка.

Степан стоял и внимал торжественной тишине природы. Улыбка не сходила с его лица. С берёз и осин, стоящих вдоль береговой черты, бесшумно падали листья похожие на трепещущихся бабочек. Кедры и ели, залитые солнцем, излучали тысячи искр. Годы не охладили, а углубили и обострили его чувства восхищаться прелестями красоты природы. Он с наслаждением полной грудью вдыхал воздух с запахом реки и хвойного леса. На душе появилось чувство славной благодати. «За всем этим стоило приехать сюда из далёкого Кузбасса», – думал Степан. Его взгляд устремился вверх по реке. Где-то там, за сотню километров от дома, стоит его охотничья избушка, в которой провёл больше двадцати охотничьих сезонов. Чувство благодати сменилось тоской по охотничьим угодиям. «Надо обязательно побывать там пока хорошая погода, может быть, последний раз», – подумал он и побрёл домой.

Вечером к Орешкиным зашёл сын Андрей. Внешне он ничем не отличался от отца: среднего роста, коренастый, с крепкими руками. Чувствовалось, что он всю жизнь занимался физическим трудом. Характер спокойный, уравновешенный, как у людей, знающих свою силу. На нём были камуфляжные брюки и куртка из такой же ткани. Эта одежда очень практичная для охотников и рыбаков. Её носят почти все мужчины, оставшиеся в посёлке после ликвидации леспромхоза.

– Отец, я возьму твой Уазик?

– Далеко ли собрался? – заинтересовалась мать.

– Надо рыбу поймать и засолить на зиму.

– У тебя же давление, как и у отца, скачет. Случись, что и помощь некому оказать.

– Со мной поедет внук соседа Саша.

– От Сашки толку мало, он же в городе вырос, – вмешался в разговор отец, – поедем вместе. Я истосковался по своим угодиям и избушке.

– Вы что творите? – возмутилась Тамара, – два гипертоника в тайгу собрались.

– Приглашу соседа Валерия Шемякина, он мужик молодой, в рыбалке толк знает, а сам на берегу посижу, природой полюбуюсь. Она лучше докторов вылечит, – произнёс Степан, не обращая внимания на слова жены.

Тамара поняла, что в сезон охоты и рыбалки мужчин дома не удержишь, замолкла и начала накрывать на стол.

Уазик с прицепом, на котором лежало два обласка, медленно ехал по разбитой тяжёлыми лесовозами лесной дороге. Вырубку леса давно прекратили, и за дорогой никто не следил. Да и ездить по ней некому, кроме жителей посёлка Лисица, который отрезан от жилого мира до лёдостава на полноводной реке Кеть. За рулём сидел Андрей, рядом Александр с ружьём в руках, сзади – Степан Михайлович, Валерий и молодая лайка Байкал, которой недавно исполнилось восемь месяцев. Андрей не упускал случая брать собаку с собой в лес, чтобы натаскать к предстоящему сезону охоты на пушного зверя.

Вдоль дороги рос молодой смешанный лес, поднявшийся на вырубках за двадцать лет после лесозаготовок. Местами попадались кедры-великаны, которых по какой-то причине, пожалели лесорубы.

На сорок пятом километре перед рекой Райга машина остановилась. Мост оказался сломанным. Он провис дугой, брёвна наката разошлись. На

противоположной стороне реки на дороге сидела капалуха. Все вышли из машины и принялись за ремонт моста. Глухарка поспешила улететь.

Через пять километров, за поворотом дороги, на обочине сидел глухарь. Андрей остановил машину, достал из кармана два патрона, протянул их Александру со словами:

– Подъеду ближе, тогда будешь стрелять.

Неожиданно для всех Саша выскочил из машины и побежал к птице. Глухарь тяжело поднялся с земли, пролетел между стволами деревьев, росших вдоль дороги, и скрылся в лесу.

Александр вернулся в машину расстроенным и сообщил «новость»:

– Не успел подбежать на выстрел.

– Я же тебе говорил, что подъеду ближе, – спокойно сказал Андрей.

– Я не слышал.

– Это был не наш глухарь, – произнёс Степан Михайлович, – впереди ещё встретим.

Неожиданно дорогу перебежала белка. Её увидел Байкал. Он перескочил через спинку переднего сидения и оказался на коленях Саши, стал скулить и царапать лобовое стекло. Андрей остановил машину и открыл дверцу. Байкал стрелой вылетел на дорогу и помчался в лес. Это была первая белка, которую он видел на своём жизненном пути.

Андрей с ружьём последовал за собакой. Недалеко услышал слабое тьяканье. Белка сидела на ветке ели, а Байкал с любопытством наблюдал за ней. «Лаять надо», – хотелось сказать Степану, но промолчал, поднял ружьё и выстрелил. Рыжий комок упал на мягкую хвойную подстилку. В сезон охоты Степан бы подбежал первым к добыче и взял её в руки, чтобы собака не испортила шкурку, а сейчас наблюдал за поведением лайки. Байкал устремился к белке, взял в пасть, прикусил и принёс к ногам хозяина. Степан удивился поведению собаки. У него ещё не было лаек, которые приносили бы добычу хозяину. Он погладил Байкала, несколько раз ласково произнёс: «Молодец», взял белку и направился к машине. Его внимание привлекло гнездо белки – гайно, расположенное высоко на дереве, чуть ли не у вершины. «Будет тёплая зима, – подумал Андрей, – перед холодной зимой белки строят гайно низко среди густых ветвей».

Вдоль дороги недалеко от обочины встречались белые грибы. Они никого не интересовали – все уже давно заготовили на зиму сушёных и маринованных грибов. На одном бугре Андрей увидел семейку боровиков. Над моховым покровом торчали только шляпки. Он остановил машину и сказал Саше:

– Сбегай, собери грибов на жарёху.

Не прошло десяти минут, как Александр принёс полведра ядрёных грибов. Их ножки были шире шляпок.

Не доезжая поворота к избушке Степана, по дороге ходила капалуха. Она клевала мелкую гальку. Услышав шум машины, подняла голову и насторожилась. Андрей подъехал шагов на тридцать к птице, остановил машину и, не глуша мотор, сказал Саше:

– Открой дверцу без шума и стреляй, не выходя из машины.

После выстрела птица упала на землю. Саша выскочил из машины и помчался к трофею. Андрей выпустил собаку. Байкал обогнал охотника, вцепился в капалуху и стал трепать. Саше пришлось отобрать свою добычу. Он был бесконечно рад, что не оставил компанию без обеда.

К избушке подъехали во второй половине дня. Могучие кедры толпились с трёх сторон охотничьей избушки, стоящей на высоком берегу Лисицы. Склон к реке заполонил лиственный лес.

Степан Михайлович, прежде всего, осмотрел своё хозяйство. Заглянул в сарай, баню, обошёл вокруг всех строений. Порадовался, что на его промысловом участке сохранился кедровый лес. Теперь, после ликвидации леспромхоза, кедром ничто не угрожает, и они будут продолжать щедро одаривать людей и животных своими плодами. Только потом зашёл в домик. Его обоняние уловило застоявшийся затхлый воздух. Он оставил дверь открытой и осмотрел помещение. Все предметы лежали и висели на своих местах.

В этой таёжной глуши посторонних людей не бывает, а свои деревенские могут зайти только при крайней нужде. Набездобразничать могут только медведь или росомаха.

Степан сходил под навес, расположенный между домом и сараем, набрал из поленицы дров и затопил печь.

Тем временем Андрей снял с капалухи перо вместе с кожей, выпотрошил, промыл в реке и поставил варить на костре. Валерий с Александром отнесли обласки к воде.

Обедали на свежем воздухе. Около кострища стоял на четырёх колях небольшой столик. Сиденьями служили берёзовые чурбаки. Мясо глухарки, сваренное с лапшой и грибами, было мягким и ароматным. После выпитого чая, заваренного брусничником, Валерий поднялся из-за стола и, вытирая губы тыльной стороной ладони, произнёс:

– Поплыву ставить сети.

– Возьми меня с собой, – обратился к нему Саша.

– В одном обласке тесно, ты будешь мне мешать. Если хочешь, плыви на втором.

Валерий достал из машины мешок с сетями и направился по тропе к лодкам. Бросив мешок в нос обласка, столкнул его с берега на воду и, опираясь на весло, уселся на беседку в корме.

Александр последовал за ним. Валерий плыл по прямой линии, взмахивая кормовиком с одной стороны обласка. У Саши обласок вилял из стороны в сторону. Ему приходилось постоянно перекидывать весло с одного борта на другой. Он отстал от Валерия. Прошло немало времени, пока он приспособился грести с одного борта.

Возвращались они под вечер. На этом участке река текла на юг. Солнце склонялось к западу, деревья на правом берегу бросали тень до середины реки, левый берег купался в солнечных лучах. Рыбаки плыли вдоль солнечного берега, наслаждаясь последним осенним теплом.

Неожиданно на песчаную косу выскочили два медвежонка и устроили представление, как в цирке. Они боролись, поднимаясь на задние лапы, падали на

песок. Затем вновь начинали борьбу. Саша от удивления перестал грести. Из леса появилась медведица и громко рывкнула. Медвежат как ветром сдуло с косы. Они подбежали к лесу, вскарабкались на деревья и притаились. Медведица скрылась в зарослях. Саша испугался, резко повернул обласок от берега и чуть не вывалился в воду. Придя в себя, подумал: «Будет что рассказать друзьям в Томске».

За ночь погода испортилась. Валерий вышел из избушки и удивился наступившим переменам. Берёзы, ещё вчера одетые в осенний золотой наряд, стыдливо стояли с голыми ветвями. Пронесшийся ветер, порывом сорвал с деревьев листья и разбросал по лесу и реке. Течение спешило унести их от родных мест. Он поёжился от холода, осмотрелся и прислушался. Глубокое безмолвие царило вокруг. Казалось, что весь этот край лишен признаков жизни, но Валерий знал, что жизнь в тайге притихла лишь на время. Солнце, отдохнувшее за горизонтом, приоткрывало свои глаза, наступали утренние сумерки грядущего дня.

После завтрака Валера с Андреем поплыли на «казанке» вверх по Лисице к устью реки Уютова, в которой стояли две сети на ельца. Лёгкий обласок, перевёрнутый вверх дном, лежал поперёк лодки. Валерий сидел в корме и управлял мотором, Андрей с ружьём в руках – в носу лодки. Шум мотора нарушил покой первозданной природы. Лодка разгоняла волны на спокойной глади реки, которые, накатываясь на берег, шуршали в кустах и на отмелях. Исчезла прелесть раннего утра с разгорающейся зарёй на востоке. Всё внимание людей было приковано к реке и берегам. За очередным поворотом реки на отмели стоял глухарь. Андрей приготовил ружьё. Услышав шум мотора, глухарь высоко поднял голову и гордо зашагал в высокую траву, покрывающую склон берега. Андрей выстрелил ему вдогонку. Птица не взлетела. «Попа! – подумал охотник, – будет на обед шурпа».

Когда лодка пристала к берегу, Андрей выскочил на отмель, увидел на песке следы глухаря и отправился по ним за добычей. Его поиски не увенчались успехом. Он кричал, стучал по веткам кустов, надеясь, что птица взлетит или подаст признаки жизни. Всё было тщетно. Вернувшись к лодке, сообщил:

– Шурпы не будет.

– Садись в лодку, на обед будет уха.

Подплывая к устью реки Уютова, они увидели на берегу медведя, который поспешил скрыться в лесу. На берегу оказалась, вытащенная медведем, часть сети с пожёванной рыбой. Один конец сети был привязан к кусту, росшему у уреза воды. Медведь через прозрачную воду увидел попавших в сеть ельцов, зацепил когтями верхнюю тетиву с поплавками и вытащил сеть на берег. У него хватило сил вырвать кол, забитый на середине реки в илистое дно. Течение вытянуло сеть вниз по реке под углом к берегу.

За прибрежными кустами слышался хруст сухих веток. Медведю не хотелось уходить от приятной добычи.

– Выстрели в воздух, – предложил Валерий Андрею, – пускай этот грабитель уберётся подальше.

Валерий поплыл на обласке выбирать сеть. Она была забита рыбой и листьями. Друзьям потребовалось немало времени, чтобы выбрать рыбу и освободить сеть от мусора. Улов оказался приличным. Ельцов набралось полмешка. Пожёванную рыбу

оставили на берегу хозяину тайги. Покурили, сидя в алюминиевой лодке. Затем Валерий поплыл на обласке вверх по реке проверять вторую сеть.

— Не уходи далеко от лодки, — напутствовал он Андрея, — зверюга может прийти на запах рыбы.

Солнце уже поднялось высоко над лесом, воздух прогрелся. Валерий снял фуфайку и положил за спину в корму обласка. Он бесшумно опускал весло в воду, долблётка легко скользила по поверхности воды. Природа оживала после первой холодной ночи. В лесу неустанно трудился дятел, отбивая морзянку, высоко в небе кружил ворон. «Неужели он почуял запах рыбы? — подумал Валерий. — Этот падальщик всегда отыщет в лесу спрятанную добычу охотником или зверем».

Подплывая к сети, Валерий издали увидел игру поплавок, рыба своей тяжестью многие из них притопила. Началась нелёгкая, но приятная работа — выпутывать ельцов из сети. Рыбы набрался полный мешок. Удовлетворённый уловом, рыбак разогнул спину и обвёл взглядом окрестность. Выше по течению на берегу сидел мужчина. «Наверное, Андрей пришёл сюда и ожидает меня», — подумал Валерий и поплыл к нему. Вскоре вместо Андрея на берегу поднялся на задние лапы медведь. Валерий развернул обласок вниз по течению и погнал его, налегая на весло со всей силой так, что вода зажурчала в носу долблётки. Испуга у него не было. Встреча с медведем в таёжных местах дело обычное. Подплывая к дюральке, напарника на месте не увидел. «Куда же он ушёл, — подумал Валерий, — у меня нет ружья, нечем будет отпугнуть медведя, если он сюда явится».

Нос обласка с разгону выскочил на отмель рядом с дюралькой. Опираясь на весло, Валерий вышел на берег. Андрей спокойно спал в лодке.

Медведь у машины.

Весна в тот год выдалась дружной. Снег быстро растаял не только на болотах, но и в тайге. Все пониженные места затопила талая вода. На львах всюду сидели утки, прилетевшие с юга. Они ещё не определились с местом гнездования и держались стайками. Селезни красовались в праздничных весенних нарядах. Крякаши в зелёных головных уборах, связы — в оранжевых. Утки не интересовали Валерия. Он ехал на «Ниве» проверять сети. В это время щуки идут на прогретые солнцем мелководья метать икру. У него стояли сети с крупной ячейей, не меньше пяти перстов.

Валерий объезжал глубокие лужи на заброшенной лесорубами таежной дороге. В распутицу только на машинах-вездеходах можно было выехать из посёлка. Не случайно самыми популярными машинами здесь считаются «Нивы» и Уазы. Он свернул на еле заметную дорогу, виляющую между кедрами и соснами, и выехал на берег Лисицы. Машину поставил на поляне у кромки леса и спустился к воде. Оставленный вчера в кустах обласок, легко подтащил к воде и поплыл к сетям. Любой рыбак, в любом возрасте, подплывая к сетям, всегда волнуется — будет ли хорошим улов. Ожидания Валеры оправдались — ход щуки начался. Он выпутал из сетей рыбы полный мешок.

На обратном пути поднялся ветер. Он гнал по реке волны и раскачивал перегруженную лодчонку, которая пару раз зачерпнул бортом воду. Валерий старался плыть по ветру. Ему следовало бы подплыть к берегу и переждать непогоду, но он боялся повернуть лодку бортом к ветру. Можно было перевернуться. За поворотом реки ветер стал тише. Рыбак с облегчением вздохнул, достал из-за спины черпачок и вычерпал воду со дна лодки.

Ещё издали Валера заметил, что на поляне сидит мужик. «Кого могло занести сюда в такую даль, – подумал он, – почему не видно чужой машины?» В какой-то момент мужик поднялся во весь рост и заслонил машину. Затем вновь сел на землю. Это оказался медведь. «Неужели ждёт меня?» – подумал Валерий и пожалел, что не взял с собой ружьё, выстрелом из которого можно было бы отпугнуть зверя.

Ветер гнал облас к берегу. Валерий шлёпнул веслом по воде. Медведь поднялся на задние лапы и стал крутить головой. Не увидев и не услышав человека, он успокоился и присел. У медведей слух слабый, а зрение плохое – им зверь почти не руководствуется. Из органов чувств у бурого медведя лучше всего развито обоняние.

«Наверное, ветер не доносит мой запах до зверя», – подумал Валерий и погнал обласок мимо медведя. Когда оказался на ветру против него, ударил веслом по воде и закричал во всё горло. Медведь поднялся на задние лапы, повёл носом по ветру и, почуяв человека, убежал.

Причалив обласок к берегу, Валера не стал его разгружать, а с веслом в руке пошёл к машине, громко ругаясь, чтобы его слышал непрошенный гость. Он открыл дверцу машины и громко ей хлопнул, прежде чем сесть за руль. Затем прогрел двигатель и подъехал ближе к воде, чтобы между лесом и им образовалось свободное пространство. «Если зверь меня караулит, – подумал рыбак, – он не решится выйти на открытое пространство».

Встреча с Эвенком

Поздняя осень. Небо затянуто тучами. Старые кедры с развесистыми кронами создают в лесу полумрак. Валера ехал на «Москвиче» по лесной дороге. Неожиданно мотор старенькой машины заглох. Валерий вышел из машины, поднял капот и занялся ремонтом карбюратора. Затем посмотрел на часы и, поняв, что до места рыбалки засветло не доедет, решил поставить палатку и здесь переночевать, а сети проверить утром.

Он развёл костёр и поставил варить тетёрку, добытую по дороге. Сидя на спальном мешке в брезентовом чехле, прислушался. Валера больше всего в жизни любил сидеть у костра, наблюдать за пламенем и прислушиваться к голосу тайги. Где-то над лесом гортанно кричал ворон. «Видимо, нашёл падаль, – подумал Валерий, – и собирает сородичей на пир». На соседнем кедре кедровки долбили шишки, и они, падая, глухо ударялись о хвойную подстилку.

В пасмурную погоду в лесу не было теней, невидимое солнце ушло за горизонт и все звуки стихли как по команде. Наступили короткие сумерки. В наступившей тишине Валерий слышал чьи-то шаги, напряг слух и зрение.

Со стороны дороги появился всадник на олене. Он остановился невдалеке, спешился, что-то сказал собаке на родном языке, которая тут же улеглась около

оленя, и направился к костру. Его рост был ниже среднего, щуплое телосложение. Валерий подумал: «Такого человека оленю легко возить на себе».

Подойдя к костру, незнакомец поздоровался и присел к огню.

По облику и одежде в нём легко можно было определить эвенка. На нём была короткая куртка – парка из оленьей шкуры мехом наружу, суконные брюки и резиновые болотные сапоги. Зимой обычно эвенки надевают торбаса – меховую обувь. Название нашей зимней обуви – унтов произошло от эвенкийского слова «унта» – обувь. Его наряд завершала меховая шапка, плотно закрывающая лоб, уши и шею. По смуглому круглому лицу с прямыми прищуренными глазами трудно было определить возраст.

– Кого стрелял? – спросил эвенк.

– Тетёрку, вот варю.

Удовлетворив любопытство, эвенк надолго замолчал. Валерий ждал, что он ещё скажет. Расспрашивать приехавшего не принято. Сам должен рассказать, зачем приехал. После затянувшейся паузы гость произнёс:

– Моя выстрел слышал, вот приехал.

– Поспеет сурпа, поужинаем вместе, гостем будешь.

– Соль есть? Чай есть? – неожиданно спросил эвенк.

– Соль и чай есть, – ответил Валера и принёс из машины жестяные коробки, – бери сколько надо.

Эвенк сходил к оленю, достал из притороченного к седлу мешка два кожаных мешочка и пересыпал в них часть содержимого коробок.

«Удобно в походе держать соль и чай в мешочках, чем в коробках, – подумал Валерий, – видимо, в пути что-то произошло. Не мог же он отправиться в путь без запасов».

Валерия удивило, что абориген едет один и без сменного оленя. «Возможно, попутчики его где-то ждут», – решил он.

Тем временем эвенк унёс дары и вернулся со шкуркой соболя.

– Бери, это тебе.

– Не возьму, – возмутился Валера, – у нас не принято за соль брать плату.

– Покажи ружьё, – попросил гость.

Валера разрядил зауэр и протянул эвенку. Тот долго крутил его в руках, прикладывал к плечу и, наконец, заявил:

– Бери пять соболей.

– Мне ружьё самому нужно.

– Больше шкурок нет. Ты где живи?

– В посёлке Лисица, а ты где живёшь?

– Пять переходов. Сколько переходов до посёлка?

– Расстояние всего семьдесят километров. Далеко ли путь держишь?

– Надо ходи Росомаха.

Валерий знал, что Росомаха протекает у границы с Красноярским краем. Путь неблизкий. Легко заблудиться в лабиринте бесчисленных озёр, болот, лесных грив и речек. Эвенки хорошо ориентируются в тайге и находят дорогу по признакам, известным только им.

Этот коренной малочисленный народ проживает на огромном пространстве от Сибири до Дальнего Востока. На территории России их насчитывается менее сорока тысяч человек. Для общения с соплеменниками им приходится преодолевать большие расстояния.

Эвенк допил чай и произнёс:

– Надо спать. Утром рано ходить надо.

Валерий обратил внимание, что его собеседник почти в каждом предложении повторяет слово «надо».

– Ложись со мной в палатке, – предложил Валера.

– Надо спать лес, – ответил эвенк, поднялся на ноги и пошёл к оленю.

Он надавил одной рукой на холку оленя, второй постучал по ноге. Животное послушно легло на землю. Хозяин постелил около него кусок оленьей шкуры, улёгся на неё, прижавшись к боку оленя, и накрылся второй шкурой.

Утром с рассветом Валерий вылез из палатки. Эвенка уже не было. Около кострища на воткнутой в землю палке висела шкурка соболя.

Рыбалка на озере Подкова.

Стояло северное лето. Солнечные жаркие дни сменялись днями с тёплыми дождями. Для северных широт изменчивость погоды – обычное явление.

Владимир Самофалов, вернувшись в посёлок Лисица, после срочной службы в армии, мучился от безделья. Он устроился работать в леспромхоз отгребальщиком снега. Работа начнётся только зимой.

Вова! – обратился к внуку дед Александр Афанасьевич, – свози меня на рыбалку.

Владимир обрадовался предложению деда и спросил:

– Далеко поедем?

– К озеру Светлому, а там найдём в каком озере рыбачить.

Володя хорошо знал те места. Система озёр, как ему казалось, тянулась до бесконечности. Среди них: Белое, Тройка, Восьмёрка, Подкова. Он выкатил из гаража мотоцикл. Дед бросил в коляску рюкзаки со снастями и всем необходимым на рыбалке. Сам уселся на сидение позади внука. Александр Афанасьевич невысокого роста, сухопарый, жилистый мужчина. Его нельзя было назвать стариком, хотя давно находился на пенсии.

Владимир завёл мотоцикл, и поехал по посёлку, поднимая пыль.

Они остановились на берегу озера Тройка. Оно лежало на открытой местности, окаймлённое зелёною камышей. Только на противоположном берегу с трудом просматривалась полоса леса. Погода стала портиться. На середине озера появилась рябь, которая постепенно превратилась в волны. Налетела гроза, ливнем прошла по воде. Недавняя гладь озера покрылась пузырьками. Головки жёлтых кувшинок раскачивались в разные стороны. Крупные капли дождя как дробью щёлкали по листьям. Утка с утятами спешила укрыться в камышах. Грозовая туча быстро пронеслась над озером, а ветер продолжал шуметь камышами.

– Здесь, однако, делать нечего, – произнёс Александр Афанасьевич, – поедем на Подкову, там лес на берегу, есть, где укрыться.

– На мотоцикле туда не проехать, – с сожалением произнёс Владимир.

– Пешком пойдём – всего три километра.

Идти было убрдно по болотистой местности. В пути их накрыла ещё одна грозная туча. Секущий дождь хлестал по лицу.

– Моя одежда промокла насквозь, – сообщил Володя.

– Кто намочил, тот и высушит, – философски ответил дед.

К месту рыбалки они добрались уставшими. Прежде всего, поставили закидушки. Затем развели костёр и стали сушить одежду. Погода наладилась: ветер стих, солнце сияло на голубом небосводе, в лесу раздавалось птичье пение. Птахи приветствовали хорошую погоду. Их пение наполнило душу Володи необычайной радостью. Во время службы он часто мечтал вернуться в родные края и отправиться на рыбалку. «Вот оно настоящее счастье, – думал он, – быть на природе и слушать пение птиц». Его взгляд скользнул по закидушкам. Одна леска дёргалась с такой силой, что прут, к которому она привязана, сгибался до воды. Не раздумывая, Володя нагишом помчался к воде, схватил леску и стал осторожно подтягивать тяжёлую рыбину к берегу. На крючке оказался окунь весом больше двух килограммов. Пока его руки были заняты леской, тело успели облепить комары. Бросив окуня в траву, он помчался к костру. Александр Афанасьевич накрыл его рубашкой и, прижав её к спине, смёл кровососов. Сам Володя давил их ладонями на руках и груди.

После дождя клев оказался изумительным. Складывалось впечатление, что рыба хотела одарить рыбаков за перенесённые ими лишения. К вечеру в траве лежала приличная куча окуней.

– Нам уже хватит рыбы, – взмолился Володя.

– Складывай в рюкзаки, – предложил дедушка.

Взвалив на плечи набитые окунями рюкзаки, рыбаки отправились к мотоциклу. На обратном пути, объезжая лужи на дороге, Володя думал: «Не зря гласит поговорка, что без труда не вынешь рыбку из пруда». Александр Афанасьевич обдумывал: «Рыбу надо сегодня засолить, а затем закоптить».

Хозяин тайги

Высокий мыс в устье реки Райги, впадающей в Лисицу, давно приглянулся Александру Синарбину. Прежде чем строить охотничью избушку, он обошёл окрестность. Холмистая местность с хвойными массивами и болотами понравилась ему. Его внимание привлекли царапины на стволах кедров. «Хозяин тайги свой участок пометил, – подумал охотник, – надо с ним поладить или война начнётся».

Избушка поднималась медленно. Одному приходилось и лес валить, и мох из болота носить. «До охотничьего сезона далеко, – думал Александр, – успею построить». Он чувствовал, что «хозяин» за ним наблюдает, но на глаза ни разу не попался.

Проверив сеть, Александр взял себе рыбу только на уху, остальную оставил на берегу. Утром рыбы на месте не было. На отмели виднелись крупные следы зверя. Хозяин угощение принял, это хорошо», – решил рыбак и стал постоянно оставлять ему рыбу.

Осенью Александр добыл лося. Ноги и голову без языка и губы оставил медведю.

Несколько лет человек и медведь охотились в одних угодьях, не причиняя друг другу вреда.

Однажды Александр услышал рёв дерущихся зверей. Зарядив карабин, стал осторожно, прячась за деревьями, подходить к ним. Звери ревели, поднимались на задние лапы, рвали друг друга когтями и сцеплялись пастями. Пришелец был моложе и сильнее хозяина участка. Он решил выгнать старожила и завладеть его угодьями. Драку надо было прекратить. «В кого стрелять, – думал охотник, – если убью старожила, неизвестно, как сложатся отношения с пришельцем». Он выждал момент, когда звери разошлись, готовясь к новой схватке, прицелился и выстрелил в ухо молодому медведю. Он рухнул на землю. Хозяин повернул окровавленную пасть к Александру и внимательно посмотрел на него. Он не бросился убегать от человека, а вцепился в загривок поверженного врага и потащил его вниз по склону, птясь задом. В устье сухого ручья завалил жертву хвостом. Перед зимней спячкой жировал на мясе соплеменника.

С тех пор медведь не боялся попадаться на глаза охотнику. Он часто, стоя под деревьями на берегу, провожал Синарбина уплывающего на обласке рыбачить и встречал с уловом, зная, что его доля останется на берегу.

В межсезонье медведь иногда подходил к избушке, проверяя, не приехал ли его сосед, но никогда не ломал избушку и не трогал продукты на лабазе.

Иные отношения с медведем сложились у Алексея Гусельникова на соседнем промысловом участке. Он своевременно завёз продукты на лодке, затем за две ходки пешком с напарником занесли в избушку. В начале охотничьего сезона с товарищем случилась беда – он подвернул ногу. Пришлось его отправить на лодке в Лисицу. Одному оставаться в тайге и охотиться не безопасно. Гусельников отправился в угодья Степана Орешкина с предложением охотиться вместе.

Орешкин охотился с начинающим охотником – Александром Житиновым, который к Новому году должен покинуть тайгу для поездки

в Томск на сессию в Автодорожный техникум. Степан предложение Гусельникова с удовольствием принял. Собираясь в путь, Алексей заявил:

– Степан, продукты не бери, только на дорогу. У меня достаточно муки, сахара, круп и сухарей.

Охотники ушли. Саша впервые остался в тайге один. До ближайшего жилья сто километров. Городской житель, никогда не видевший тайги, почувствовал себя Робинзоном Крузо, заброшенным в глухомань. У него не было чувства страха, он всегда мечтал стать охотником. После обучения в томской автошколе приехал в Лисицу работать водителем в леспромхозе. С Орешкиным познакомился, работая на подсочке, и попросил его взять с собой на охоту.

Вечером Саша вышел из избушки. Стояла тишина, в тайге ни одного звука. Слышно только как течёт река, журчит ручей и гудит в доме печь. Он долго вслушивался в эти звуки. Они заполняли его душу спокойствием и умиротворением. «Разве можно сравнить эти звуки с городским шумом», – думал он.

Утром Александр отправился на охоту. С ним была молодая лайка, которая впервые попала в тайгу. Её подарил ему тесть. Им дорогу перебежала белка. Собака не обратила на неё внимания. Настроение охотника испортилось. Он продолжал идти по лесу. Это был край непуганых зверей и птиц. Ему встречались косачи и рябчики, видел лося. Собака ни на кого не реагировала. На нижнем суку сосны сидела капалуха и крутила головой, раздумывая улетать или остаться на месте. Собака спокойно прошла под деревом. Саша добыл птицу, дал понюхать лайке и положил в рюкзак. С окончательно испорченным настроением он повернул назад. Неожиданно в стороне услышал лай. «Интересно на кого залаяла собака», – подумал охотник и поспешил на её зов. На толстой ветке кедра лежал соболь и смотрел вниз на незнакомого зверя. Саша поднял ружьё и начал целиться. Его руки дрожали. Он набрал полные лёгкие воздуха, ещё раз прицелился и выстрелил. Пушистый комок полетел вниз. Собака успела схватить его на лету и начала трясти головой, как это делала, расправляясь с деревенскими котами. Охотник схватил её одной рукой за холку, другой за нос и стал уговаривать: «Нельзя, брось, фу». Она разжала пасть, и в руке Саши оказался соболь, впервые им добытый. Он несколько раз подносил добычу к носу собаки, гладил её, приговаривая: «Молодец, молодец!»

Ежедневные походы по тайге не изменили поведение собаки. Она облаивала только соболей, на другую дичь не обращала внимания.

На четвёртый день, услышав лай собаки, побежал к ней. Его сердце радостно забилося. Ещё издали увидел капалуху на нижнем суку сосны. «Наконец, начала работать по птице», – подумал он. Осторожно, прячась за деревьями, подошёл и выстрелил. Глухарка упала на землю, а с вершины сосны сорвался соболь. Перелетев на соседнее дерево, пошёл верхом. Собака бросилась за ним.

Обескураженный охотник без радости поднимал добытую дичь. За неделю ему удалось добыть четырёх соболей.

Неожиданно, вернувшись с охоты, застал в избушке Гусельникова и Орешкина. Они сидели за столом и с удовольствием ели приготовленную им капалуху.

Медведь оставил их без продуктов. Он разорил избушку и лабаз. В избушке раскидал вещи, сломал печь. С лабаза сбросил мешки с продуктами, разорвал их и рассыпал содержимое по земле.

За три дня пути в один конец охотники с четырьмя собаками добыли трёх соболей и десятка два белок.

Саша пожаловался на свою собаку.

– Ценная собака, не отвлекается на второстепенную дичь. Надо иметь вторую, – посоветовал Гусельников.

Вскоре Саша уехал из угодий, Орешкин и Гусельников остались в избушке до конца охотничьего сезона.

Летом Алексей Гусельников навёл порядок в своей избушке, а осенью нашёл выломанную дверь, вытащенные на улицу медвежьи шкуры, изорванные в клочья. Медведь мстил ему за то, что он однажды выстрелил по нему дробью.

Иначе медведь вёл себя в угодьях Орешкина. Степан привёз корпус от холодильника, поставил около бани и хранил в нём летом непортящиеся продукты. Осенью около холодильника обнаружил медвежью лёжку. Он не единожды здесь лежал. На земле валялись клочья шерсти. Сломать небольшой ящик ему труда не составляло, но он даже не делал попыток. На второй избушке медведь проткнул когтями целлофан на окне, но не порвал. Степан долго размышлял: «Что медведь хотел ему доказать своим поведением? Возможно, предупреждал, что он здесь хозяин и не беспокоит охотника, пока тот не трогает его».

Луна – плохой маяк

Орешкин и Саша осенью завезли на моторной лодке продукты в охотничью избушку. К трём часам дня управились со всеми делами. Часть

продуктов подняли на лабаз, часть уложили в корпус холодильника, пообедали и, сидя за столом, смотрели в окно. Слабый ветерок раскачивал вершины деревьев, они играли блёстками в лучах осеннего солнца.

– Пойдём, проложим новый путик, – предложил Саша, – чтобы зимой на «буране» было удобно ездить.

Степан согласился. Они взяли топоры и отправились в путь. К вечеру подошли к болоту, вдоль которого тянулась просека.

– Можно возвращаться домой, – произнёс Орешкин, – по профилю на снегоходе проедешь без препятствий.

– Посмотри-ка, на просеке стоит вешка, надо сходить посмотреть, какой здесь квартал.

Они отправились по профилю, проложенному геодезистами. Около вешки квартального столба не оказалось. Вдали маячила следующая вешка. Продвигаясь от вешки к вешке, поняли, что квартального столба не найти, и решили возвращаться в избушку напрямую. В полной темноте вошли в кедровый массив. Через кроны деревьев с трудом просматривалась луна.

– Степан Михайлович, у тебя в избушке в какое окно луна светит? – спросил Саша.

– С юга заглядывает.

– Прекрасно. Дай подумаю. Нам надо идти, держа луну сзади с левой стороны, тогда выйдем к реке, – твёрдо заявил Александр.

– Ты лучше посмотри на компас – вернее будет.

– Я оставил его в кармане фуфайки.

Друзья пошли, ориентируясь по луне. Она поднялась выше и подмигивала им через кроны деревьев.

По времени они должны были уже выйти к реке. Орешкин начал сомневаться в правильности выбранного маршрута.

Когда вышли из кедрового массива, Степан Михайлович произнес: – Местность мне кажется знакомой.

– Как можно узнать местность? – удивился Александр.

Вскоре они вышли на просеку. Степан Михайлович с уверенностью сказал: «Пойдём направо, там найдём ящик с капканами».

Они нашли ящик, в котором Степан хранил капканы до нового сезона охоты, а через полчаса подошли ко второй избушке. В направлении на главную избушку ошиблись градусов на сорок пять.

Многому научился Александр от опытного охотника Степана Михайловича Орешкина. В памяти сохранились лучше всего экстремальные случаи.

Осень стояла холодная и ветреная. Шишковать было одно удовольствие. В кедровом массиве у земли ветер сильно не ощущался. Вершины деревьев раскачивались, ветки ударялись друг о друга и на землю градом сыпались увесистые шишки. Каждое утро под деревьями валялась очередная порция шишек. Собранных шишек до обеда, хватало для обработки на вторую половину дня.

Замёрзшая река, заставила прекратить промысел. Загруженную дюралевую лодку мешками с орехами, пришлось топорами вырубать из льда. Лёд оказался настолько толстым, что лодка не могла его ломать. Промысловикам приходилось разгонять лодку, и она на большой скорости выскакивала на лёд, не ломая его. Они раскачивали её и таким образом ломали лёд под днищем. Затем отплывали назад, разгонялись и вновь выскакивали на лёд. Так они продвигались несколько дней. Ночевали в палатке на берегу. Их мучения закончились, когда подплыли к изгибу реки, где по берегу проходила дорога, по которой можно было вывезти собранный урожай на автомашине. С облегчением вздохнув, привязали лодку к дереву и отправились пешком за транспортом.

За лосем

Зима стояла необычно холодной. Орешкин ждал потепления, чтобы отстрелять лося по лицензии. Срок разрешения подходил к концу, а морозы только усиливались. Он предложил Александру поехать на снегоходе в избушку на реке Райга. За весь длинный путь они не встретили ни одного следа лосей. К избушке подъехали окоченевшими. Тёплый воздух изо рта моментально замерзал, деревья трещали от мороза.

– Затопим печь, попьем чая и поедем ко второй избушке, – предложил Степан Михайлович.

Снегоход легко бежал по накатанной осенью дороге. Недалеко от избушки встретили след лося.

– Пойду, посмотрю, – предложил Саша.

– Не ходи, след старый.

В избушке затопили печь, Орешкин стал готовить обед.

Александру не давал покоя увиденный след. Азарт начинающего охотника заставил произнести:

– Пока варится обед, пойду, проверю след.

– Сходи, промнись, – ответил Степан.

Он был уверен, что утром они найдут лосей на кормёжке в зарослях тальника у болота.

Александр шёл по следу зверя. Он старался идти бесшумно, но в мороз ему это не удавалось. Он знал, что у лося прекрасный слух и ему вряд ли удастся подойти к нему на выстрел, но настойчивость и упрямство гнало вперёд.

След лося наткнулся на старую лыжню. Зверь побоялся перейти её и пошёл вдоль. Приближались сумерки, след лося свернул вниз по склону. Издали, с невысокой гривы Александр увидел крупного рогача, кормящегося в кустах тальника около небольшого болота. Его сердце тревожно забилося. Он остановился, чтобы успокоиться. Успех охоты зависел от его умения подойти к зверю. Лось кормился, периодически поднимая голову, прислушиваясь к лесным звукам.

Александр подходил медленно, скрываясь за деревьями, и моментально останавливался, когда лось начинал поднимать голову. В этот момент он видел, как лосиные уши разворачивались в разные стороны, словно локаторы. Сохатый стоял к нему задом, немного повернувшись правым боком. Прижав плечо, руку и карабин к дереву, Саша прицелился и выстрелил.

Лось дёрнулся и на махах ушёл с открытого места в лес. Охотника охватило неприятное чувство, которое он никогда не испытывал. Для него это была трагедия. Он первый раз в жизни стрелял в крупного зверя и промазал. С тяжёлой ношей на душе отправился посмотреть результат стрельбы. На месте кормёжки зверя, увидел капли крови. У него появилась надежда, что раненый сохатый может потерять много крови и лечь умирать. «Зверя надо добирать сегодня, пока ещё светло», – подумал он, – если убитый лось пролежит до утра – мясо испортится».

Больше ни о чём не размышляя, направился по следу. Всё его внимание сосредоточилось на следе, около которого на снегу виднелись капли крови. Лежащего на снегу сохатого увидел издали. У Александра не было опыта, лось лежал с поднятой головой. Когда подошёл к нему метров на двадцать, зверь соскочил и скрылся из вида. От неожиданности Саша даже не сделал попытки выстрелить. Выждав некоторое время, продолжил погоню. Сохатый шёл шагом. Чувствуя свою обречённость, устроил очередную лёжку. Охотник пристрелил его, лежащего на снегу.

Орешкин удивился и обрадовался успеху своего ученика. Саша завёл снегоход и волоком притащил тушу под окно избушки. Свежевали сохатого при слабом свете керосиновой лампы, стоящей на подоконнике окна. Утром с нагруженной нартой на буксире, отправились домой.

Косач

Десять лет Александр Житиинов охотился со Степаном Орешкиным в его угодьях. Многому научился от опытного промысловика. Степану нравился энергичный и фартовый напарник, признавший его старшим и во всём всегда с ним соглашающийся. Иногда между ними возникали разногласия, которые заканчивались взаимным интересом.

Зимой дни короткие. Всегда хотелось отойти подальше от избушки, обследовать новые участки. Порой собаки уводили охотников так далеко, что возвращаться приходилось в темноте. Однажды собачий лай завёл их в болотистую местность. Добыв соболя, решили возвращаться своим следом. Темнота наступила быстро. Саша шёл впереди, всё внимание обращал на лыжню, чтобы не сбиться со следа. На поляне около реки остановился и произнёс:

– Около лыжни из снега торчит сучок, днём я его не видел.

– В спешке мог не заметить.

– Мне кажется это голова.

– Чья голова?

– Далеко, не могу разглядеть.

Александр снял с плеча ружьё, прицелился и выстрелил. Поляна оживилась. Из снега вылетали косачи, хлопая крыльями, и исчезали в темноте.

– Вот это стая! – удивился Степан, – хорошее у тебя зрение.

Саша вынул из снега тяжёлую чёрную птицу, и они продолжили путь.

На медведя

Охотники обнаружили медвежью берлогу под поваленной елью. Для участия в охоте приехал сын Степана – Андрей. Собак вели на поводках, чтобы не убежали в сторону или не подняли зверя раньше времени.

Накануне выпавший снег, белой пеленой прикрыл землю, скрыв все следы обитателей тайги, хлопьями висел на лапах елей. Казалось, лес вымер. Саша знал, что это не так. Мелкие зверьки притаились. Они не хотят оставлять на снегу отпечатки своих лап и выдавать место своего укрытия. Скоро голод заставит их покинуть убежища и в тайге на снегу появятся автографы зайцев, белок, соболей, колонков и других обитателей.

Около берлоги спустили собак, заняли удобные позиции. Многоголосый лай нарушил тишину тайги. Медведь проснулся, но не хотел покидать берлогу. Ствол поваленной ели шатался, снег осыпался с

лап. Видимо, он поднялся на лапы и разворачивался к выходу из берлоги. Степан Михайлович советовал сыну:

– Как только появится голова, стреляй в ухо.

Зверь не заставил себя долго ждать. Голова вынырнула из снега. Яркий свет ослепил его. Раздалось три выстрела, и туша провалилась в берлогу.

– Как будем доставать медведя из берлоги? – спросил Андрей у отца.

– Бери верёвку, лезь в берлогу и привязывай к зверю. Пригоним «Буран» и выдернем наружу.

– Батя, у меня трясутся ноги.

– Привязывать верёвку будешь руками, а не ногами.

– Отец, ты самый старший, пожил достаточно долго, тебе и надо лезть в берлогу, – пошутил Андрей.

– Я полезу в берлогу, – произнёс Саша, – пускай Андрей идёт за снегоходом.

Для него это был первый добытый медведь.

В ноябре следующего года охотники наткнулись на след шатуна. Собаки умчались по следу. Орешкин и Саша зарядили ружья пулевыми патронами и последовали за ними.

– Зверя надо добывать, – произнёс Степан Михайлович, – может начать разорять избушки.

– Кто его мог поднять из берлоги?

– Скорее всего, он не ложился. Урожая орехов не было, не набрал жира для зимовки, вот и бродит в поисках еды.

След петлял по тайге, делая полукруг. Поднимался на гривы, заросшие ельником, спускался в низины с болотами. В сосновом массиве разгрёб несколько муравейников, но вряд ли нашёл в них достаточно пищи. В кедрачах разгребал моховую подстилку, пытаясь найти спрятанные орехи кедровками и ронжами, но без результата. Птицы запасов в неурожайный год не сделали.

Только к вечеру промысловики услышали отдалённый лай собак и повернули напрямую на него. Без лыж идти было легко, снег достигал только щиколотки. На кромке болота в кустах увидели зверя, сидящего на снегу, и пытающегося передними лапами поймать наседающих на него собак.

Метавшиеся вокруг зверя собаки долгое время не давали возможность выстрелить, чтобы не задеть их. После выстрела Орешкина медведь соскочил и тут же повалился на землю. Собаки с остервенением набросились на него.

– Хитрый зверюга, – произнёс Степан.

Когда охотники подошли ближе, увидели в кустах тальника задавленного лося. Медведь не хотел уступать собакам свою добычу. Он задавил сохатого на кормёжке, подкравшись к нему под прикрытием кустов. Для него был последний шанс выжить – откормиться на лосятине и залечь в берлогу.

Добытый зверь оказался истощённым, на его теле не было ни жиринки. Он успел съесть немного передней части лося.

Степан Михайлович отдал собакам внутренности зверя и произнёс:

– Вы достойно работали, на первый раз еды достаточно, остального мяса хватит вам на сезон охоты.

Затем обратился к Александру:

– Иди за «Бураном», а я займусь лосем.

Рыбалка

Степан Михайлович любил осень, больше чем любое время года. Она ему доставляла радость, взбадривала, придавала энергии, заставляла готовиться к охотничьему сезону. Гипертония изменила его образ жизни, заставила передать охотничий участок напарнику Эдуарду и прекратить промысел. Каждую осень он мысленно осматривал свои охотничьи избушки, вспоминал эпизоды из охотничьей жизни. В этом году осень вновь заставила его волноваться. Он с нетерпением ждал сына Андрея, с которым договорились поехать на рыбалку ловить щук.

Для жителей заброшенного посёлка рыбалка дело обычное. Без рыбы здесь не выжить. Река Лисица и её притоки рыбой богаты. Каждый ловит столько, сколько надо для еды в длительную сибирскую зиму. До перестройки большие уловы сдавали в госпромхоз. Для жителей рыбалка приносила доход. С ликвидацией госпромхоза излишки не нужны, реализовать рыбу некому. Посёлок находится в двухстах километрах от райцентра, заезжих посторонних людей здесь не бывает.

Волновался Степан Михайлович потому, что не был уверен, начался ли ход щуки. По его прикидкам елец давно идёт в притоки Лисицы, значит, щука должна жировать. Он знает в верховье реки ямы, в которых собираются щуки на зимовку.

Шум мотора «казанки» нарушил покой таёжной реки. За румпелем мотора сидел Андрей, на сидении перед лобовым стеклом – Степан Михайлович и Валерий. На изгибах реки лодка кренилась, волна катилась к противоположному берегу крена и набегала на песчаную отмель. Степан

Михайлович провожал её взглядом, смотрел на берег, заросший смешанным лесом. Он знал, что дальше по невысоким хребтам до самого голубого неба тянулась чёрная тайга, массивы кедрача с тяжёлой ношей шишек на ветвях. В его душу накатывалась красота давно знакомой природы, и что-то подкатывало к горлу и, словно тёплой рукой, сжимало сердце. Он достал из нагрудного кармана таблетки, предусмотрительно приготовленные женой Тамарой, положил в рот и запил водой из пластиковой бутылки.

– Отец, тебе плохо? – спросил Андрей.

– Так хорошо, что даже сердце замирает, – ответил Степан.

– Зачем тогда таблетки глотаешь.

– Время подошло.

За рекой Уютова показался мыс, заросший чёрным лесом. Среди редких кедров-великанов толпились ели и сосны. Андрей направил к нему лодку. Место ему было знакомое. Солнце клонилось к закату. «До темноты надо успеть поставить сети», – думал он.

Валерий первым спрыгнул на берег, вытянул нос лодки на отмель и принял от Андрея мешки с вещами. Затем вытащил из кустов лёгкую лодочку, сделанную собственными руками из тонких кедровых досок. Достал из мешка две сети шестидесятки, бросил в лодку и произнёс:

– Пока вы разбиваете лагерь, я поставлю сети.

Отец с сыном поставили палатку и развели костёр.

– Папа, посмотри на Валерия. Он плавает от берега к берегу. Что с ним?

– Приплывёт, расскажет.

В это время лодка Валеры, постояв недалеко от берега, поплыла к противоположному берегу. Задержавшись ненадолго около него, поплыла поперёк реки. Так продолжалось несколько раз.

Когда Валера приплыл к стану, дно лодки было покрыто щуками. Вес некоторых достигал четырёх килограммов.

Пока Андрей складывал рыбу в мешок, Валера рассказывал: «Поставил сеть поперёк реки, только собрался плыть ставить вторую, заиграли поплавки у противоположного берега. Подплыл, вынул рыбину. Вижу – трясутся поплавки у другого берега. Вот так и плавал вдоль сети, пока не загрузил лодку. Вторую сеть даже ставить не стал.

После выгрузки рыбы, Валерий поспешил к сети. Он грёб изо всех сил, чтобы засветло успеть проверить сеть. Солнце опускалось за тайгу. Тени прибрежных деревьев отражались в воде, как в зеркале. Подплыв к сети, не увидел поплавок. «Хороший улов будет», – подумал он и поддел

веслом верхнюю тетиву сети. Когда шнур оказался в руке, приподнял сеть над водой и увидел две дыры в мереже. Его радостное настроение сменилось разочарованием. Перебирая шнур руками, поплыл вдоль сети. Метра через три вынул из сети щуку. Неожиданно кто-то рванул сеть с такой силой, что он чуть не вывалился из лодки. Началась борьба человека со щукой. Она боролась за свободу, человек за добычу. Стоило ему подтянуть её к лодке, она мгновенно уходила ко дну. От волнения и напряжения он взмок от пота и выбился из сил. Борьба длилась минут пятнадцать. «Хорошо, что сеть привязана к кольям, – подумал Валера, – иначе она могла бы утащить лодку и вывернуть меня из неё».

Когда щука успокоилась, Валерий подвёл её к лодке и, подтянув нижнюю тетиву, завернул в сеть. Он вспомнил слова старого ханта: «Крупную рыбину никогда не заваливай в обласок, не отвязав один конец сети». Ему пришлось вынимать сеть из воды вместе с рыбой. Огромная щука под тяжестью мокрой сети продолжала биться на дне лодки, которая сильно осела.

С облегчением вздохнув, Валерий направил лодку по течению, положив весло на колени, и откинулся на спинку сидения. Его ещё не покинула внутренняя дрожь от пережитого волнения. На небе уже высыпали звёзды. Их появлялось всё больше и больше. Обозначился Млечный путь. Неожиданно ночную тишину нарушил далёкий звук заскрипевшего дерева. Валера очнулся от минутного оцепенения, увидел на берегу костёр и заработал веслом, направляя лодку к берегу.

Росомаха

Мне за свою долгую жизнь ни разу не удалось увидеть в тайге осторожного и скрытного зверя – росомаху. Моим приятелям приходилось сталкиваться с ней в северных районах Томской области. Хочу поделиться их рассказами.

«Росомаха – пакостный и хитрый зверь, – начал свой рассказ Степан Орешкин. – Приехал я к своей избушке к началу охотничьего сезона. Путь не близкий – около ста километров.

С осени наловил рыбы для привады и оставил полную бочку под навесом. Накрыв крышкой и сверху положил груз. Смотрю – бочки на месте нет. Кто мог бочку забрать? – удивляюсь. Охотники воровства не допускают, понимают, что значит привада в сезон охоты. Зашёл в избушку, затопил печь и отправился по склону к реке за водой. И что ты думаешь, я там нашёл? Пустую бочку. На стенках, пропитанных запахом рыбы, следы острых зубов и когтей. Зверь пытался грызть и царапать бочку. Обругал я росомаху последними словами и занялся своими делами, надеясь, что ограбив меня, она ушла из моих угодий».

Росомаха – лесной бродяга. Она очень похожа на медвежонка с густой тёмно-коричневой шерстью. Её мех обладает уникальным свойством, он не покрывается изморозью. Его используют для оторочки головных уборов полярников. У неё короткие сильные лапы с длинными когтями, крепкие мощные челюсти. Её вес не превышает пятнадцати килограммов. Одиноким волк не пытается меряться с ней силой, не вступает в драку, оставляет ей свою добычу. Росомаха предпочитает не охотиться, а подбирать падаль или отбирать добычу у других зверей. Она нападает на раненых или больных копытных животных, преследуя и изматывая их многочасовой погоней. Охотники не любят её за то, что она любит обследовать избушки, лабазы и капканы, в которые редко попадает. Благодаря скрытному образу жизни её редко можно увидеть.

«Зверь не мог быстро съесть мою рыбу, – думал Степан, – он утащил её в укромные места, там спрятал и, будет оставаться в моих угодьях, пока не съест».

Его предположения оправдались. Зверь не ушёл из его угодий. Росомаха умудрялась снимать приваду, подвешенную над капканами, не задев их. Она съела первого соболя, попавшего в капкан. Степан встречал её следы, но преследовать не решался, опасаясь потерять молодую лайку. Он решил поймать её в капкан. Над капканом на соболя повесил крыло глухаря, а у ствола дерева замаскировал три волчьих капкана. Расчёт оказался правильным. Через три дня в капкане обнаружил два длинных когтя зверя. Он пожалел, что не проверил капкан раньше. Видимо, у росомахи отмёрзли пальцы, и она перегрызла фаланги двух пальцев. С тех пор он не встречал её следы вблизи избушки.

В год больших пожаров

1

Позвонил мне Виктор Самсонов и пригласил приехать в Лисицу: «Урожай ягод в этом году обильный, можешь набрать черники, брусники, клюквы. Скоро пойдут грибы».

Путь далёкий – семьсот километров. Ягод можно набрать и в Новосибирской области, но уж очень сильно мне хотелось побывать в полубившемся мне посёлке, встретиться с героями моих рассказов, послушать их охотничьи истории. У Виктора в посёлке дом, и он в нём проводит каждую осень.

Мой путь лежал до Колпашево в Томской области. Это всего пятьсот километров. Дорога хорошая, покрыта асфальтом, движение транспорта редкое. Ехать одно удовольствие. Держи крепче руль и любуйся окружающей природой. В Колыванском районе по сторонам дороги видны поля с несжатой пшеницей. Постоянные дожди не дали возможность хлеборобам во время начать уборку.

Не доезжая посёлка Базой, пересёк границу Новосибирской области и въехал в Томскую. Здесь природа резко изменилась. Вдоль дороги с обеих сторон плотной стеной стоял кедровый лес. На обочинах встречались машины любителей поискать кедровые шишки. Дорога привела меня к паромной переправе через Обь.

Ждать пришлось недолго. Паромы отходили от причала каждые пятнадцать минут. На очередном пароме опустили на песчаную косу трап, подвешенный на канатах в носу судна, и поток машин начал подниматься на палубу.

Съехав с парома на правый берег Оби, я оказался в Колпашево. Это город, административный центр Колпашевского района. Как деревня он существовал с начала семнадцатого века, основан служилыми людьми Колпашниковыми. Через Колпашево пролегали маршруты русских посольств в Китай и камчатских экспедиций Витуса Беренга.

По незнакомому городу ехал осторожно, постоянно поглядывая на навигатор. Когда дорога вывела меня за город, и на придорожном щите увидел направление на Белый Яр, с облегчением вздохнул.

Грунтово-щебёночная дорога тянулась сто пятьдесят километров до рабочего посёлка Белый Яр, административного центра Верхнекетского района. Он расположен на высоком берегу реки Кеть с обнажёнными белыми глинами. На гербе посёлка изображён глухарь. В дальнейшем я убедился, что глухари встречаются повсеместно в Прикетской тайге. Здесь конечная станция железнодорожной ветки Тайга – Томск – Белый Яр. Геологические изыскания трассы вёл наш земляк инженер А. М. Кошурников. Его имя увековечено в названии улиц Томска, Новосибирска и Белого Яра. Дальше на север автомобильных дорог нет. Передвигаться можно по воде и по зимникам.

В посёлке мне пришлось переночевать в гостинице, так как утром предстояло продолжить путешествие на пароме вверх по течению реки Кеть. Спал очень плохо, часто просыпался и смотрел на часы, хотя попросил дежурную разбудить в пять часов утра. Я знал, что капитан катера пунктуальный человек и не будет ждать опоздавшую к отплытию машину.

С погрузкой машин на паром возникли некоторые трудности. Заезжать приходилось по двум шпалам, спущенным с высокого борта на песчаную отмель. Погрузив три машины, буксир дал задний ход, медленно развернулся и начал подниматься вверх по течению Кети. Нас окружали безлюдные берега, заросшие лиственным лесом, за которым тянулись хвойные массивы. На отмелях несколько раз видел глухарей. Они осенью рано утром выходят на отмели пополнить в зобах запас камешков для перетирания грубой пищи. Над водой проносились стайки уток. Я зашёл в рубку к капитану буксира Анатолию Андреевичу. Он помнил меня по предыдущей поездке. У нас установились доверительные товарищеские отношения. На излуине реки увидели следы, вдавленные в песок. «Здесь лось переплыл реку», – произнес Анатолий Андреевич. После непродолжительной беседы он любезно предложил мне спуститься в кубрик и поспать. Я с удовольствием согласился. Мои попутчики давно спали за рулём своих машин.

В екатерининские времена по Кети купцы возили грузы в поселения на Енисее. Она вытекает из озера Водораздельного, из которого берёт начало река Кас, впадающая в Енисей. В верховье реки сохранились остатки шлюзов, построенных в далёком прошлом.

Через пять часов паром пристал к отмели. Здесь заканчивалась лесовозная дорога, по которой возили лес с лесорубных делян. Дальше его сплавляли по реке, а зимой возили по зимнику. Я съехал по тем же шпалам на берег и по лесовозной

дороге покати́л к посёлку Лисица. По обе стороны стоял молодой лес, поднявшийся после лесозаготовок. Встречались озёра и болота. Остановился около мохового болота, примыкающего вплотную к обочине, и, не отходя от машины даже на шаг, набрал горсть клюквы. Кислую ягоду давил во рту и наслаждался вкусом.

Через двадцать километров переехал мост на небольшой речушке и за лесом увидел дома посёлка Лисица. Свернул с основной дороги в посёлок. Справа возвышалось единственное двухэтажное деревянное здание школы. До перестройки в нём размещалась десятилетка. Сегодня обучаются четыре ученика. Двое в первом классе, по одному в третьем и четвёртом. В бывшей школе разместились поселковый совет, библиотека, почта и магазин. Проезжая по пыльной дороге через весь посёлок, не встретил ни одного жителя. Посёлок не казался вымершим и развалившимся. Дома сохранились в хорошем состоянии, около некоторых стояли автомашины. После ликвидации леспромхоза и госпромхоза многие жители покинули посёлок. Я остановил машину у знакомого дома. Меня уже ждали. Виктор открыл ворота, и я загнал машину во двор. В доме меня ждал накрытый стол. На нём стояли чаши с черникой, голубикой, брусникой и другие яства. Я привёз с собой арбуз. Эту ягоду сюда никогда не завозят.

После обмена новостями Виктор произнёс:

– Завтра рано утром мы едем за брусникой, ты с нами или останешься в посёлке поговорить со своими друзьями?

– Я бы с большим удовольствием поехал собирать чернику.

– Черника уже отошла, но ты не расстраивайся, возмёшь у меня, сколько тебе надо.

– Очень жаль, я рассчитывал собирать чернику.

– Так ты едешь с нами или остаёшься?

– Конечно, еду, все встречи и разговоры можно проводить вечером.

– Правильно! Днём ты никого дома не найдёшь, все в лесу. Осень людей год кормит. Жаль, что в этом году кедровые шишки не уродились.

Выехали мы очень рано. Рассвет застал в пути, туман начал рассеиваться, и я стал смотреть по сторонам, стараясь запомнить местность. Дважды дорогу перебежал собо́ль, с обочины взлетали рябчики. Виктор уверенно вёл Уазик «буханку» по лесовозной дороге. Неожиданно он резко затормозил и остановил машину со словами: «Посмотрим, кто здесь прошёл».

На влажной песчаной дороге виднелись чёткие отпечатки медвежьих лап. Я поставил ногу, обутую в сорок второй размер кроссовок, в след. Его ступня была шире моей обуви. Носок кроссовок дотянулся только до начала когтей зверя. «Вот это гигант», – подумал я, – интересно какой размер обуви подойдёт его лапам».

Вскоре Виктор свернул с основной дороги на слабо накатанную лесную и остановился около разрушенного временем моста через небольшую речку. От моста осталось только три бревна, перекинутых с одного берега на другой.

– На том берегу речушки выруб, он зарос брусничником. Лес валили с полвека тому назад. По мосту ходили лесовозы, а теперь по брёвнам перебираются ягодники, – сообщил Виктор.

– Вброд перейти можно? – поинтересовался я.

– Глубина больше двух метров. На берегу лежат шесты. Можешь взять в руки и, как канатоходец, перейти на противоположную сторону.

Я с опаской смотрел на брёвна, перекинутые через речушку, по которым предстояло переходить.

Стояла тишина. В тайге ни единого звука, не слышно журчания воды в реке. Казалось, всё замерло перед грядущим днём. Внезапно впереди над лесом вспыхнул пожар. Облака озарились ярким пламенем от лучей восходящего солнца. Они клубились пожаром, а над ними поднимались тёмным дымом удалённые облака на фоне голубого неба. За речкой тянулась дорога, заросшая травой. Всё пространство заполнил молодой берёзовый лес, пришедший на смену спиленных хвойных деревьев.

Какое-то время мы стояли зачарованные зрелищем, прежде чем пойти к переправе.

С опаской я ступил на бревно с шестом в руках, подумав, что, если свалюсь в воду, смогу выплыть. Ширина речки не больше шести метров. Балансируя шестом, мне удалось благополучно перейти на другой берег. Виктор с ведрами в руках спокойно прошёл по бревну.

Мы шли по дороге, усыпанной хвоей, по сторонам возвышались земляные бугры, натолканные бульдозером при планировке дороги. Они давно заросли мохом и травой. Через километр свернули с дороги на тропу. Она виляла между деревьев. По сторонам встречались заросли брусничника и черничника, но ягод не было видно. Под ногами лежал мягкий мох – кукушкин лён. Он способен сохранять в себе влагу даже в засушливую погоду. Его широко используют при строительстве деревянных домов, прокладывая между брёвнами. Местами тропа проходила по белому моху – ягелю. В засушливое лето он высох и шуршал под ногами. Его с удовольствием поедают северные олени. В зимний период ягель составляет до восьмидесяти процентов в их рационе. Северные народы издавна использовали его в пищу. Варили кисели, студни и применяли как добавку к муке. Хлеб, выпеченный из такой муки, долго сохраняет свою свежесть.

Виктор пояснил, что тропа ведёт в ту часть выруб, где брусника ещё не собрана.

Я обратил внимание спутников на экскременты медведя, лежащие на тропе. В них просматривались ягоды черники.

– Они старые, черника уже отошла, – пояснил Виктор.

На вырубке всюду стояли пни, валялись сучья и небольшие деревья, брошенные когда-то лесорубами. Под этим хламом рос брусничник. Длинные кисти с крупными красными ягодами радовали глаза. Набрав по ведру брусники, мы возвращались прежней тропой. Нас удивили свежие экскременты, от которых ещё шёл пар. В них также просматривались ягоды черники. Медведь, видимо, хотел нам сказать, что он здесь хозяин и предлагал убираться из его владений.

– Вы говорили, что черника отошла, – произнёс я, – а медведь нашёл её. Значит, он знает уголья лучше, чем местные жители.

Вечером я отправился навестить Степана Михайловича Орешкина, моего приятеля и одного из героев повести «В угодыях хантов». Мы пожали друг другу руки и обнялись. Его жена Тамара Павловна пригласила к столу, предложила выпить по рюмочке за встречу. Я отказался, зная, что врачи давно запретили Степану Михайловичу выпивать, а сам уже лет двадцать не брал водку в рот. За чашкой чая мы рассказывали друг другу истории, свидетелями которых были за год после последней нашей встречи. В разговоре нам не нужен был никакой допинг. Когда коснулись темы охоты, я насторожился, стараясь не пропустить ни одного его слова.

– После пожаров в Красноярском крае многие медведи перекочевали в наши леса, стали частыми гостями в посёлке, – начал рассказ Степан Михайлович. Да что там в Лисице! В Белом Яру медведь задрал дочь лесника Ирину Завардину. Девушка с подругой возвращались поздно вечером домой от железнодорожного вокзала. Зверь подкараулил её и задавил около калитки.

– В центре посёлка? – удивился я.

– Дом стоит на окраине около леса.

– Что же дальше?

– Косолапый оттащил её к озеру, расположенному недалеко от посёлка и завалил хворостом.

– Медведя убили?

– На обратном пути поговори в Белом Яре с известным в нашем крае охотником Владимиром Васильевичем Домниным. Он расскажет все подробности.

– Обязательно с ним встречусь. Ты лучше расскажи что-нибудь интересное из своего богатого охотничьего опыта.

– Охотой заниматься мне здоровье не позволяет. Ты же знаешь, что я свой охотничий участок передал Эдуарду. На рыбалку и за ягодами ещё езжу. Конечно не один, а с сыном Андреем. Душа требует на природу вырваться. Как увижу свою избушку, излучину реки, кедровый лес, внутри всё затрепещет, сердце замирает. Тревожно-радостное чувство охватывает. Думаю: сколько сезонов провёл в этих местах, сколько радостных моментов пережил, а теперь приезжаю посторонним наблюдателем.

– Ты хотел рассказать мне о сборе ягод, – перебил я Степана Михайловича, чтобы отвлечь от воспоминаний

– Однажды собираем ягоды и наткнулись у кромки болота на следы борьбы медведя и лося. Мох вытоптан по большому радиусу, кусты тальника сломаны. Борьба шла на выживание. Медведю надо откормиться перед зимней спячкой, а лосю сохранить свою жизнь. О победителе в схватке говорили чисто обглоданные лосиные кости. Видимо, лось кормился в зарослях тальника. Медведь смог незаметно к нему подкрасться. Он очень умный и хитрый зверь. Мне не однажды в этом приходилось убеждаться.

Как-то шёл по знакомой тропе к болоту за клюквой. Ружьё с собой не брал. Оно мешает при сборе ягод. Год был урожайный на ягоды и кедровые орехи. О встрече с медведем не беспокоился. Знаю, как с ним разойтись. Стояла тихая осень. В тайге не слышно пения птиц и вздохов сохатого, хотя подошло время их гона. Белые стволы берёз радостно светились в лучах яркого солнца. Мне стало жарко. Я растегнул полы суконной куртки, вздохнул воздуха полной грудью и продолжил

путь. Выйдя на болото, осмотрелся, выбрал кочки, густо усыпанные ягодами, и направился к ним. Почти из-под ног выпорхнул выводок белых куропаток. «Значит, здесь хорошая клюква, – подумал, – раз куропатки выбрали это место для кормёжки».

При хорошем урожае набрать ягод много времени не надо. Взвалил рюкзак на плечи и отправился по знакомой тропке. Метров через двадцать остановился перед кучей свежих экскрементов медведя и посмотрел по сторонам. Зверя не было видно. Стал размышлять: медведь здесь стоял недавно, меня на открытой местности видел прекрасно, мне на глаза не показался. Какое он мне оставил предупреждение?

– Может, это было не предупреждение. Просто у него настало время очистить желудок, – высказал я своё предположение.

– Не скажи. В тайге ничего просто так не делается. Здесь свои законы. Вот послушай о сообразительности медведя.

Приехал ко мне знакомый доктор Красовский с лицензией на отстрел лося. Сезон охотничий только начался. Морозец слабенький, снег неглубокий. Ходить без лыж легко. След лося нашли во второй половине дня, начали тропить, но до темноты догнать не успели. Вернулись в избушку, решив на следующий день продолжить охоту.

Утром к следу лося направились напрямую. К нашему удивлению, рядом со следами лося увидели следы медведя. Он перехватил у нас след сохатого и преследовал его. Мы последовали за зверями. Их следы упёрлись в завал леса. Лось стал обходить завал справа, а медведь слева. Самоуверенность или беспечность лося стоили ему жизни. Он подошёл к притаившемуся медведю. Когда тот внезапно выскочил перед ним, лось прыгнул на завал. Медведь догнал и сломал ему хребёт. Мы издали увидели медведя, поедающего лосятину. Пришлось разбойника пристрелить из карабина. Он оказался очень тощим, без единой жиринки. Всё мясо скормили собакам.

Кроме того медведь не забывает причинённую ему обиду. Обязательно отомстит. Приехали мы рыбачить на речку Чёрную. Машину поставили у избушки. Спустились по пологому склону к лодке, загрузили снасти. Прежде чем отплыть, посмотрел в сторону избушки и вижу медведя. Говорю Андрею:

– Смотри, медведь пришёл нас провожать.

– Пугни его выстрелом, а то напакустит.

Я выстрелил в его сторону, не собираясь его убивать. Мясо нам не нужно, в летнюю жару его не сохранишь. Он мгновенно скрылся в лесу.

Когда вернулись с рыбалки, обнаружили вырванную дверь у машины и прокусанную шину.

– Степан Михайлович, ты не закончил рассказывать про охоту с Комаровским. Лося-то добыли?

– Конечно, добыли. У меня с доктором очень давняя дружба. Он любил проводить отпуск со мной в тайге. Как-то ходили в поисках места для строительства новой избушки и заблудились. Возвращались по компасу. Наступила ночь. Стрелки компаса не видно. Периодически освещали циферблат спичками. Уже за полночь наткнулись на профиль, проложенный геодезистами. Решили идти по нему, он куда-нибудь да выведет. Сколько времени шли, не помню. Вышли к

неказистой избушке-временке из неошкуренных брёвен. Охотники так не строят. Неимоверно обрадовались, вошли внутрь и повалились на нары. Немного отдохнув, я поднялся, зажёл керосиновую лампу и затопил печь. Чувствовалось, что люди покинули избушку недавно. У нас кончились продукты и курево. Обследовав все закоулки, в избушке продуктов не нашёл. Доктор нашёл заплесневелую пачку сигарет «Прима», высушил на плите и закурил. Я подумал: если доктор курит, то можно и мне закурить. Последовав его примеру, закурил, но запаха табака не почувствовал и выбросил сигарету в печь.

Утром мы увидели недалеко от избушки выруб. Деревья были спилены под корень, площадка очищена от сучьев. Видимо, геодезисты улетели на вертолёте.

Расскажу ещё один случай про курение. У меня появился геморрой. Звоню Константину Фёдоровичу в Новосибирск:

– Выручай.

– Приезжай, – произнёс он, выслушав мою жалобу.

Операцию сделали в Новосибирской областной больнице. Лежу и мучаюсь – курить хочется, даже уши опухли. На третий день в туалете почувствовал запах табака. Желание курить усилилось. Сходил в палату, принёс сигарету и с удовольствием закурил. Стою, наслаждаюсь. Внезапно рывком отворилась дверь, и передо мной появилась старшая медсестра. Она раскричалась на меня и заявила: «Выпишем из больницы досрочно». Настроение испортилось, я понуро побрёл к Комаровскому. Рассказал ему о случившемся. Он подошёл к окну, открыл форточку, достал из кармана пачку сигарет, и мы закурили. В это время в кабинет вошла старшая медсестра. Увидев нас с сигаретами, резко развернулась и вышла из кабинета, сильно хлопнув дверью.

– Из больницы досрочно выписали?

– Конечно, нет. Прележал положенный срок, вернулся домой и забыл про болезнь, которая долго мучила.

– Расскажи интересные случаи на охоте.

– На охоту я не хожу несколько лет. Старые истории забываются. Теперь только слушаю приключения молодых охотников.

– Михаил Майков недавно выписался из больницы, – начал повествование Степан. Его охотничьи угодья в верховье Лисицы. Рано утром он вышел из избушки и направился по надобностям. Из-за угла выскочил медведь, встал на задние лапы, а передние лапы нависли над Михаилом. Он присел, вытащил охотничий нож, со всей силой вонзил в живот зверя и распорол его снизу до верха. Медведь успел ударить его лапой по голове и когтями сорвать часть кожи. Михаил повалился на землю, а медведь прижал передними лапами вываливающиеся кишки и удалился на задних лапах. На шум из избушки выскочил напарник. Он увидел лежащего в крови товарища и удаляющегося медведя. Побежал в избушку, принёс полотенце и обмотал голову Михаила. С сотрясением головного мозга доставил товарища на моторной лодке в районную больницу.

Люди, незнакомые с охотничьим промыслом, думают, что охота – приятное проведение времени на природе. Это не так. Охота – тяжёлый труд, сопряжённый с опасностями, риском и непредсказуемыми ситуациями.

– У тебя такие случаи были?

– Конечно, были.

– Расскажи какой-нибудь случай?

– Возвращаюсь к избушке. Рюкзак на спине, ружьё на плече. Спешу добраться до темноты. Предвкушаю тепло в избушке и встречу с напарником. Сокращая путь, покатился вниз по крутому длинному склону. Впереди увидел торчащую из снега петлю ветки тальника. Отвернуть не успел, и одна лыжа въехала в петлю. Мелькнула надежда, что вершина ветки выскочит из снега, но она оказалась примёрзшей к земле. С большой скоростью упал на землю и сильно ударился. Очнулся в снегу висячим вниз головой на склоне. Снять лыжи не могу. К ним прибиты мешки и привязаны под коленями, чтобы снег не попадал под пятки обуви и не скрипел. Немного полежал, достал охотничий нож, всегда висевший на поясе, а дотянуться до ветки не могу. Пришлось разгрести снег, чтобы одной рукой опираясь на твёрдую землю изогнуться и перерезать ветку. Затем развернулся на склоне ногами вниз и, опираясь на ружьё, поднялся на лыжи. Последствий от падения не было. Отделался легко. А вот Игорь Веденин в подобной ситуации повредил сухожилие так, что не мог наступать левой ногой.

– Как же он выбрался из тайги?

– Человек он опытный и смывлённый. Срубил топориком толстую ветку-рогульку и смастерил протез. Закрепил его к креплению на лыже, поставил колено в развилку и привязал ствол рогульки к поясу. По снежной целине напрямую к избушке идти не смог. Пришлось медленно возвращаться по своему следу. Зимний день короток. Начало смеркаться. Встретил сухое дерево, срубил и развёл костер. Немного отдохнув, достал из рюкзака котелок, набил снегом и повесил над огнём. У него с собой было отварное мясо и сухари. Прежде чем приступить к трапезе, устроил место для ночлега: натянул кусок брезента против костра и нарубил пихтовых лап.

Перед сном закурил и прислушался. Стояла тихая зимняя ночь. Лес дремал, не издавая ни единого звука. На небе не видно звёзд, низкая облачность не предвещала ночного холода. Над костром виляли языки пламени, и сизый дымок медленно поднимался вверх.

Игорь разулся и протянул больную ногу к костру. Она распухла и посинела. Прикосновение к ней отдавалось болью во всём теле. «В этом охотничьем сезоне я не охотник», – с грустью подумал он, и начал обуваться.

Утром, не разжигая костра, направился к избушке. В это время его напарник уже спешил к нему навстречу. Он успокаивал себя: «С Игорем не могло случиться несчастье, скорее всего он поздно вечером добыл зверя и заночевал около него. С собой захватил нарту. Везти к избушке ему пришлось напарника.

Степан Михайлович прервал речь и задумался, вспоминая события давно прошедших лет. Я не нарушал установившейся тишины, ожидая новых рассказов.

– Охотникам часто приходится сталкиваться с непредсказуемыми трудностями, – начал он повествование, – но они относятся к ним как ксамо собой разумеющемуся случаю. Рассказывать предпочитают об удачных охотах.

Мой путик проходил по просекам. Возвращался в избушку в потёмках, начался снегопад. Встречный ветер со снегом слепил глаза. Не заметил, как проскочил затёс на дереве, где надо было свернуть с просеки. Просека вывела на болото. Пройдя по

нему метров десять, провалился в воду по пояс. Дно оказалось илистым, ноги увязали в болотной жиже. С трудом выбрался на берег и на ощупь стал искать сухое дерево для костра. Долго руки нащупывали стволы осин и берёз, прежде, чем наткнулся на сухую пихту. Достал из рюкзака топорик и стал рубить ствол. Пока рубил дерево, согрелся. Развёл костёр, уселся на ствол срубленного дерева, снял чуни, брюки и стал сушить одежду. До утра просидел у костра, буран утих, и я отправился к избушке. На полпути увидел напарника, спешившего мне навстречу.

– Воспаление лёгких после такой процедуры не схватил?

– Представь себе, даже не простыл.

«Охотники – народ крепкий и выносливый», – подумал я.

– Ты поговори с Эдуардом Вавилевым, – предложил Степан Михайлович. Он успешно охотится на бывшем моём промысловом участке. Был у меня с ним такой случай: добыл я соболя на толстом сухом кедре. Он, падая, повис на сучке. На следующий день мы взяли бензопилу, и пошли пилить дерево. Зверёк замерз, согнувшись на сучке.

– Долго пилить придётся, – говорю я, – дерево толстое.

– Не спеши, – отвечает Эдик, – попробую перебить сучок пулей.

Зарядил ружьё, прицелился и выстрелил. Сучок с примёрзшим соболем полетел вниз.

3

На следующий день мы с Виктором поехали собирать грибы. Утро было холодным и пасмурным. Я надеялся, что в начале сентября наступит бабье лето, но ошибся. Видимо, приехал рановато, – думал про себя, не высказывая своего мнения, чтобы не портить настроения грибникам.

За посёлком дорога разветвлялась в три направления. Виктор выбрал дорогу, уходящую в левую сторону. Он не собирал грибы вблизи посёлка, уезжал на несколько десятков километров вглубь леса, куда не могли дойти пешком грибники, не имеющие транспорта. Уазик катил по старой лесовозной дороге, подпрыгивая на ухабах.

Я не отрывался от окна, наблюдая за местностью. По обе стороны дороги сплошной стеной стояла тайга. В тридцатые годы прошлого века здесь рубили лес. Об этом напоминали пеньки большого диаметра среди молодого леса и бугры вдоль дороги, наваленного бульдозером грунта при строительстве дороги. Бугры давно покрылись слоем моха и травы. С дороги перед машиной несколько раз поднимались капалухи. Они обычно по утрам прилетают на дорогу пополнить зобы крупным песком и камешками.

Машина остановилась перед разрушенным мостом. Через глубокий овраг шириной около двадцати метров, в котором протекал ручей, были беспорядочно навалены брёвна. По этим брёвнам пролегали две колеи из досок.

Мы вышли из машины и остановились перед переправой.

– Неужели ты поедешь дальше? – спросил я Виктора.

– Надо проверить, кто-то проезжал.

Мы перешли на противоположный берег. Доски были надёжно прибиты к брёвнам, но нужна была нивелирная точность, чтобы ехать по ним. Если колёса съедут с досок, машина съедет на мост, и никакой трактор её не вытащит.

Виктор поехал. Я с замиранием сердца следил за машиной. Когда она поднялась на высокий песчаный берег, с облегчением вздохнул.

Небо прояснилось. Тёплое сентябрьское солнце заливало переправу, песчаную дорогу, лес, отливающий изумрудными красками и первым золотом на берёзах. Стояла тишина, ни единого колебания листьев на деревьях, всё застыло в каком-то онемении.

Из состояния очарования природой меня вывел голос Виктора: «Поехали».

Через несколько километров он свернул на слабо наезженную лесную дорогу, усыпанную хвоей. Плешины белого лишайника – ягеля вплотную подступали к дороге. Машина резко остановилась, и я увидел на дороге белый гриб. Его коричневая шляпка и толстая белая ножка выделялись на фоне дороги, как на картине. Воспрянув духом, я выскочил из машины.

Виктор прошёл по кромке леса, срезал несколько грибов и вернулся к машине.

– Грибы собирать будем здесь, – произнёс он, взял в руки большое белое пластиковое ведро и направился в лес.

«Хорошее ведро», – подумал я, такой цвет виден среди зелёной растительности на большое расстояние, взял своё красное ведро и пошёл в лес на противоположной стороне дороги.

Вдоль дороги изредка попадались белые грибы. Меня манили вглубь леса полянки, покрытые зелёным и белым мхом. Идти было легко по мягкой подстилке, комары и мошки не беспокоили. Они исчезли с первым похолоданием. Сделав большой круг по этим полянкам, не нашёл ни одного гриба и вернулся к дороге. Здесь грибы стали попадаться. Для себя сделал вывод, что дальше десяти метров от дороги отходить не следует. Кроме того, идти вдоль дороги безопасно – не заблудишься в незнакомой местности.

Дорога привела меня в болотистую низину. На противоположной стороне возвышался бугор, покрытый редким хвойным лесом. До него было метров двести, но путь преграждали поваленные деревья. На болотистой местности сосны выросли метров до пяти и засохли. Сильный ветер вырвал их с корнями и повалил, образовав бурелом.

Возвращаться к машине с неполным ведром грибов не хотелось, любопытство тянуло узнать новые места, и я полез через бурелом. Занятие не из приятных, но уж такая натура у грибника. Мои усилия увенчались успехом.

Лесная дорога вывела меня на широкую дорогу, залитую солнцем. Вдоль дороги белые грибы росли семьями. У моих ног стояли два крупных гриба, шляпки которых не входили в ведро, рядом стояли средней величины, а вокруг них толпилась мелкота, пригодная для маринования. Моё сердце радостно билось. Подумал, что стоят дедушка с бабушкой, рядом дети и внуки. Такого урожая грибов я давно не видел. Ведро и большой целлофановый пакет быстро наполнились. Я стал кричать, призывая друзей к найденной плантации грибов, но мой крик в тайге, что глас вопиющего в пустыне. Никто мне не ответил, только кедровка, испугавшись, с шумом слетела с соседнего дерева.

Пришлось своим следом возвращаться к машине. Бурелом оказался серьёзным препятствием. Приходилось руки с грибами поднимать над торчавшими сучьями. Когда преодолел завал, поставил ведро и пакет на землю, дал рукам немного отдохнуть. К машине подходил самодовольным, надеясь удивить найденными грибами, но меня ждало приятное разочарование: Виктор собрал грибов больше.

– Ты куда пропал? – встретил он меня вопросом.

– Искал грибы.

– Нашёл?

– Нашёл! Надо ехать, там наберём сколько надо.

– Перекусим и поедem.

Мы уселись на поваленное дерево, достали из сумки термос и бутерброды.

Нас окружала тайга. Стояла тишина. В природе наступило осеннее замирание. Даже лесные обитатели не нарушали этой тишины. Какое-то время мы сидели молча, вдыхая воздух, насыщенный ароматом хвои и таёжной растительности, пытаюсь уловить звуки жизни в лесу. Настороженное ухо не улавливало ни единого звука. Высокие сосны устремили вершины к небу. В поисках грибов я смотрел только под ноги, впервые поднял голову вверх и увидел кусочки голубого неба, по которому медленно и величаво плыли редкие белые облака.

Виктор хорошо знал лес. Мы вернулись на основную дорогу и скоро нашли грибное место. Часа через два с богатой добычей поехали домой. Там предстояла кропотливая работа. Крупные грибы резать для сушки, а мелкие мариновать.

Вечером я собрался к Эдуарду, с которым накануне договорился о встрече.

– Возьми с собой бутылку водки, – предложил Виктор.

– Зачем?

– У нас не принято ходить в гости с пустыми руками. За рюмкой ты скорее разговоришь его.

4

Около калитки в невысоком заборе меня встретили недружелюбным лаем собаки. Из дома вышел Эдуард, закрыл ласк в вольере и пригласил пройти в летнюю кухню, стоящую против крыльца. Я обрадовался: нашему разговору не будут мешать дети и его жена. В просторном помещении стояли газовая плита, диван, на стене висел телевизор. Я без приглашения уселся за стол и поставил бутылку водки. На приятном лице Эдуарда с орлиным взглядом появилась улыбка. Он открыл крышку погребка и спустился вниз. Я наблюдал за ловкими движениями высокого, крепко сложенного мужчины средних лет. Он женился, учась в десятом классе. К призывному возрасту родился ребёнок, и его не взяли в армию. К истечению срока отсрочки родился второй ребёнок, и ему не довелось служить в армии. Работал в леспромхозе, затем охотником со Степаном Орешкиным. После ухода Степана Михайловича на пенсию, стал охотником – профессионалом в его бывших угодьях. Отца своего не помнит. Он погиб, когда сын был маленьким ребёнком. Охотники поссорились в угодьях. В пылу перебранки прозвучал выстрел. Пуля попала в ногу отцу Эдика. Его не успели довести до больницы – истёк кровью.

Вскоре на столе появилась закуска и свежесдобитый хлеб.

– Мне рассказывал Степан Михайлович, что медведи стали беспокоить охотников, – начал я разговор, чтобы вызвать собеседника на откровенность.

– С тех пор, как я охотился с Михайловичем, многое изменилось.

– Что интересно изменилось?

– Тогда мы ходили только пешком. Теперь у многих появились снегоходы. Старые капканы, в которых зверёк мучился, пока не замёрзнет, заменили новыми. В них смерть соболя наступает мгновенно.

– Интересно бы посмотреть на такой капкан.

– Сейчас покажу.

Он поднялся из-за стола и принёс капкан нового образца, который очень походил на проволочный капкан, виденный мной в детстве у охотников на кротов.

– С медведями часто приходилось встречаться?

– Это обычный зверь в наших лесах. С ним постоянно встречаются охотники, ягодники, грибники. Случаи нападения на человека редки. У меня встречи были неоднократно.

5

Наступила долгожданная осень. Стояли тёплые сентябрьские деньки, – начал рассказывать Эдуард. Я приехал в свою избушку на заготовку ягод. Клюква уродилась на славу. Подумал, что сначала надо поймать рыбы, добыть дичь, а затем заняться сбором ягод. Поставил в речке небольшую сетёшку. Рыбы надо только на еду. Взял ружьё и двадцать патронов, заряженных накануне дробью, и отправился стрельнуть уток.

Иду по берегу, близко к воде не подхожу, чтобы преждевременно не спугнуть уток. По течению плывёт семя ольхи. Утки любят этот корм. В напряжении ожидал взлёта их из-под кустов у берега. Прошёл около километра, но уток не встретил. Перебрался вброд через реку. На том берегу всегда водились рябчики, решил добыть на похлёбку. На пути встретился выворотень – поваленное ветром дерево. Его корни вместе с землёй поднимались выше двух метров. Дальше лежало ещё одно поваленное дерево. Решил обойти деревья со стороны вершины. Когда проходил мимо второго дерева, боковым зрением заметил, что из-за корней выглядывает медведь. С предосторожностью стал отходить к реке. Подумал: хорошо, что деревья обходил со стороны вершины. Компьютер в голове моментально выдал варианты защиты при нападении зверя. Если встанет передо мной на дыбы, надо стрелять в грудь. На малом расстоянии дробь летит кучно, и рана будет опаснее пулевой. Если окажется рядом, надо постараться сунуть ствол в пасть и выстрелить.

Мы расстались, не пытаясь причинить друг другу вреда. Сытые медведи предпочитают не связываться с человеком.

6

– Расскажи, как прошёл последний охотничий сезон?

– А что рассказывать? Охота как охота, – уклонился он от ответа.

– Неужели не было ничего интересного?

– Было, – спохватился он, – мне в капкан попал абсолютно чёрный соболь. У нас такие никогда не водились. Наверное, пришёл из Баргузинского заповедника. Там тоже бушевали пожары.

Мы выпили по очередной рюмке, и он заговорил:

– Сезон начался без снега. Я прошёл пешком восемнадцать километров от основной избушки до второй. Мне надо было закрыть лицензию на отстрел лося, но собаки на след зверя не наткнулись. Набрал в котелок с деревьев снега, тонким слоем лежащего на лапах, растопил печь, сварил чай. Только начал чаепитие, на улице раздался яростный лай кобеля, сучка, лежащая у моих ног, бросилась к дверям. Схватил ружьё и последовал за ней. Пёс держал лося в двадцати метрах от избушки. Ласка бросилась на зверя. Он развернулся и прыгнул на неё, пытаясь нанести удар передним копытом. Она увернулась и побежала ко мне, лось последовал за ней. Я упал от удара Ласки по ногам и выронил из рук ружьё. Лось был в нескольких шагах от меня. Пинком отбросил собаку, лось развернулся за ней. Схватил ружьё и выстрелил. Выстрел был неудачным. Собаки угнали раненого зверя. Поднимаясь с земли, почувствовал дрожь в руках и ногах. Лось мог растоптать меня.

– Добыть сохатого удалось?

– Он не смог далеко уйти.

– Говорят было настоящее нашествие медведей. Я сам видел в интернете видеоролики нападения медведей на вагончики нефтяников в Томской области.

– В период пожаров в Красноярском крае к нам прикочевали не только медведи, но и другие звери. Урожая кедровых орехов не было несколько лет, ягоды в засушливый год не уродились. Пришедшие медведи начали зорить лабазы и избушки. Этой еды им оказалось мало.

Они стали приходить в огороды жителей поедать морковь и картошку. Во многих домах нет жильцов, а огороды засаживают. Вот медведям и раздолье. Надо бы их численность сократить, но нужна лицензия. За ней надо ехать двести верст в райцентр, а там неизвестно, дадут или нет. У нас в посёлке осталось жителей человек двести, в основном пенсионеры, а проживало когда-то полторы тысячи человек.

Пришлые медведи, не набрав жира для зимней спячки, стали нападать на местных медведей, залёгших в берлогах, и поедать собратьев.

7

В начале зимы иду по путику, проверяю капканы. Снег неглубокий, мягким одеялом прикрывает землю. Все звериные следы видны как на ладони. В осиннике около болотца зайчишка успел тропы натоптать. Вдоль кучи валежника, прикрытого снегом, колонок оставил отпечатки. Он прошёл вдоль завала и нырнул под валежник. Вижу, мою тропу пересёк крупный медведь. Такую большую стопу зверя редко встретишь. Думаю: шатун встретит избушку – разорит, и пошёл по его следу.

Погода тогда стояла, как обычно в эту пору, с небольшим морозцем. Идти было легко. Я не торопился, чтобы не запотеть. Скоро след привёл меня к замёрзшему ручью и потянулся по косогору в его верховье. За ручьём светило холодное зимнее солнце и играло блёстками на хвое деревьев. Невольно остановился и залюбовался знакомой мне местностью. Солнце было ещё высоко, до вечера оставалось

достаточно времени, и я направился по следу. Он шёл по косоугору, затем свернул в густой ельник, прошёл мимо поваленных деревьев, обследовал выворотни. Медведь явно что-то искал. «Наверное, хочет найти подходящее место для устройства берлоги», – подумал я. След привёл к профилю. Вдоль него громоздились высокой кучей деревья, натолканные бульдозером. «Наверное, шатун решил здесь устроить берлогу и провести зиму», – промелькнула у меня мысль. Осторожно стал продвигаться по следу, держа наготове ружьё, заряженное пулями. Меня ожидало удивление. Среди завала, около трёх поваленных друг на друга деревьев, лежали обглоданные кости. Шатун убил спящего в берлоге медведя, съел соплеменника, оставив только кости. Пировал он несколько дней. Затем перебрался через завал и продолжил свой путь.

Зимний день короток. Сумерки торопливо окутывали тайгу. Синее холодное небо не радовало глаз. Я поднялся на ствол поваленного дерева, проводил взглядом удаляющиеся следы, спустился вниз и поспешил к избушке.

– Твои избушки медведи грабили?

– Такое напастьё не обошло и меня стороной.

8

Агрессивное поведение медведей заставило изменить привычный образ охоты. Я перестал строить лабазы и заранее завозить продукты на сезон охоты. Выезжаю по снегу на снегоходе с нартой, загруженной продуктами, и развожу их по избушкам. Медведи в это время уже спят в берлогах.

– Расскажи какой-нибудь интересный случай поведения медведей?

– Ранней осенью повёз на моторной лодке продукты в основную избушку. Мотор гудит, радует душу чётким ритмом. Казанка разгоняет волны на берега Лисицы. Сентябрьское солнце припекает спину. Любуюсь берегами. На деревьях уже облетели листья. Обратил внимание, что на черёмухах нет ягод. Вспомнил примету стариков: если черёмуха не уродилась – не будет грибов. От воспоминаний о грибах потекли слюнки. Решил: приеду к избушке наберу белых грибов и нажарю с картошкой. Они повсеместно растут вблизи зимовья.

Посещение избушки после длительного перерыва всегда вызывает радостно-тревожное чувство. Открыл дверь для проветривания, заглянул в баню и сарай. Все предметы на своём месте. Дрова, заготовленные на зиму, лежат под навесом. Перенёс привезённые продукты в избушку и отправился за грибами. К моему удивлению, грибов не нашёл. Видимо, верная примета стариков, – подумал я, – а это корм для лесных жителей, в том числе и для медведей.

Покидая избушку, крупы, лапшу, муку положил в металлический ящик – сейф. Крышку прикрутил болтами. Такое хранение продуктов всегда спасало от мелких грызунов, а от медведя не спасло.

Через месяц вернулся в угодья с уверенностью, что завезённых продуктов хватит на сезон охоты, но меня ждало разочарование. Дверь в избушку оказалась выломанной, внутри все вещи разбросаны. Сейф с согнутой крышкой валялся посередине комнаты. Медведь когтями через щель рвал в сейфе полиэтиленовые мешочки, крутил его и высыпал на пол крупу, а затем поедал.

– Сколько капканов ты ставишь?

– Задай вопрос проще. У меня путики тянутся на несколько десятков километров. Давно со счёта сбился, сколько стоит капканов. Объезжаю на снегоходе. Как-то на мой участок забрела росомаха. Снег глубокий, по лесу ходить убродно, так она приспособилась ходить по следам снегохода и снимать приваду над капканами. Снимала так аккуратно, что не задевала капканы. Не брезговала и зверьками, попавшими в капканы. На глаза ни разу не попала, а мои поездки контролировала. Если я поеду по путику на север, она съест приваду у капканов, расставленных в южном направлении. Еду в восточном направлении, она орудует в западной части угодий. Глубокий снег не позволял тропить её с собаками. Да и жалко было собак. Такая бестия могла их изуродовать. Решил поймать её в капкан. Установил его на пересечении путей, трос привязал к молодой берёзе. Приезжаю через три дня и вижу утоптаный и укатанный снег, капкан валяется спущенным. Стал разбираться. Нашёл след волка, хромающего на переднюю лапу, уходящего от капкана. Представил происходящую картину: волк попал передней лапой в капкан. Стал вырываться. Трос пружинил и валил его в снег. Так продолжалось много раз. В какой-то момент он оказался на спине и задними лапами сорвал капкан. Я пожалел, что поставил капкан с одной пружинкой.

– Чем закончилась история с росомхой? Поймал её?

– Ушла из моих угодий. Видимо, корма над капканами было ей недостаточно.

– Ты Валеру Шемякина знаешь?

– Каждый год, приезжая в Лисицу, встречаюсь.

– Поговори с ним, у него постоянно случаются приключения с медведями.

9

Валерий Шемякин живёт в двухквартирном доме, в одной половине которого жил Виктор, пока его квартира не сгорела. Каждый приезд в Лисицу не упускаю случая поговорить с ним. Он невысокого роста, на первый взгляд показался щупленьким. Постоянная физическая работа наделила его крепким телосложением и мускулами недюжинной силы. Русые волосы с редкой сединой аккуратно подстрижены и расчёсаны. Большие глаза с острым взглядом на окружающий мир. Голос ровный, спокойный, исходящий от самого сердца. При первой же встрече с ним почувствовал, что передо мной хороший человек с открытой душой. Он оказался начитанным и эрудированным человеком. В мой первый приезд пригласил меня посмотреть столярную мастерскую. Посредине помещения стоял узкий обласок, сделанный из кедровых досок, толщиной меньше сантиметра. Такую лодочку можно унести под мышкой куда угодно. Я с детства плавал на обласках и с достоинством оценил его искусство.

Его судьба типична для многих жителей посёлка. Он здесь родился и живёт безвыездно. Взял в жёны женщину с ребёнком, приехавшую работать из Ростовской области. Вскоре родился второй сын. Мать, живущая в собственном доме через дорогу, невзлюбила невестку. Она ревновала её к сыну и постоянно устраивала скандалы. Ольга терпела ради детей. Старший сын, окончив школу, уехал учиться в Томск. После окончания института в посёлок не вернулся. Младший сын, отслужив

положенный срок в армии, вернулся в посёлок и стал советоваться с родителями: куда пойти учиться?

– Поступай, Вася, в институт, – советовала мать, – получишь высшее образование, как старший брат, и сможешь работать, где захочешь.

– Окончи сначала автодорожный техникум, получи специальность, а потом, если будет желание, продолжишь учёбу, – предложил отец.

– Папа, пожалуй, прав, – произнёс сын, – после перерыва в учёбе я вряд ли сдам экзамены в институт.

Сын уехал учиться. Между Ольгой и свекровью конфликты продолжались. Мать частенько приходила выпившей и устраивала разборки. Валерий очень любил свою мать и никогда в ссоры не вмешивался. Однажды мать звонит Валерию:

– Дай трубку жене.

Выслушав свекровь, Ольга разозлилась и в сердцах произнесла:

– Всё, с меня хватит! Я уезжаю!

– Оля в чём дело?

– Спроси у своей матери.

На следующий день Ольга уехала из Лисицы к своим родителям в Ростовскую область. Валерий думал, что погостит и вернётся. Его надежда не сбылась. Она встретила мужчину и осталась на родине.

Через несколько дней мать приходит к Валерию и говорит:

– Я нашла свою пенсию, зря подумала, что деньги взяла Ольга.

Василий окончил Томский автодорожный техникум. Возит нефть из Нижневартовска в Каргасок и заочно учится в институте. Женился, дочке недавно исполнилось шесть месяцев.

У старшего сына трое детей. Живёт в Томске. При рождении первого ребёнка счастье обуяло Валерия: он стал молодым дедушкой. Надел новый камуфляжный костюм, взял подарки: орехи, ягоды – и поехал к сыну. Молодая пара жили с родителями жены. Они встретили его недружелюбно. Им, людям с высшим образованием, не пришёлся по душе простой деревенский мужик. Это он почувствовал с первых минут общения. На душе появилось неприятное состояние. Когда сели за стол, он приналёг на спиртное, чтобы заглушить эту боль. Выпить он мог много, но знал меру, понимая, что ночевать у родственников не останется после услышанного разговора на кухне матери с дочерью:

– Наградила ты нас родственником.

– Замуж я выходила за сына, а не за свёкра.

– Постарайся, чтобы он реже бывал у нас.

Валерий больше в гости не ездил, ждёт приглашения. Сын иногда звонит, но к себе не приглашает.

Рассказывая о своей жизни, у него дрожал голос и наворачивались слёзы. Прошло много лет. Его мучают одиночество и воспоминания о семейной жизни. «Получу зарплату, – говорил мне, – деньги девать некуда. Дети обеспечены. Приходится идти в магазин покупать водку».

Он не так давно вышел на пенсию, но продолжает работать вахтовым методом на заготовке древесины. При оформлении пенсии столкнулся с недобросовестностью предпринимателей.

Валерий несколько лет работает у одного предпринимателя. Когда подавал заявление на оформление пенсии, узнал, что у него не хватает стажа.

– Почему не хватает, – удивился он, – я всю жизнь работаю.

– Где вы работаете последние годы?

– На заготовке леса.

– У кого получали зарплату?

– Из конторы привозила женщина.

– Подходящий налог у вас высчитывают?

– Не знаю.

– Пройдите в пятый кабинет, там узнаете.

Из пятого кабинета его послали ещё в один кабинет, где посоветовали обратиться в прокуратуру. В прокуратуре предложили написать заявление и приложить справку от предпринимателя о времени работы и заработной плате. В конторе заявили, что справки не выдают. Если ему не нравится работа, может кататься на все четыре стороны. Сельскому жителю легче лес рубить, чем ходить по кабинетам. Валерий махнул рукой, подумав, что ему жить осталось недолго: как-нибудь проживу.

При очередном посещении Лисицы я узнал, что он сошёлся с одинокой женщиной, перестал употреблять водку и ведёт образцовый образ жизни. Мне захотелось с ним встретиться.

– Как мне найти дом, в котором живёт Валерий? – спросил Виктора.

– Иди по соседней улице, увидишь дом с палисадником, засаженным цветами. Это дом Лены.

Ещё издали я увидел высокие мальвы, цветущие за забором палисадника. Подходя к калитке, был приятно удивлён. Во дворе увидел идеальный порядок, дом утопал среди цветов. В умирающих посёлках редко кто разводит цветы. Меня доброжелательно встретили хозяева дома.

При разговоре я попросил Валерия:

– Валера, ты мне рассказывал о многих встречах с медведями, расскажи какой-нибудь новый случай?

– Не знаю, что тебе рассказать. Каждый зверь индивидуален, имеет свой характер. Некоторые, услышав лай собаки, убегают. Другие стараются её поймать. Третьи, не обращая внимания на лай, идут к избушке и грабят её. Вот недавно был такой случай, – вспомнил он:

– В 2017 году в Томской области был объявлен режим чрезвычайной ситуации в связи с распространением в лесах сибирского шелкопряда. Он не прядёт шёлковых нитей как тутовый шелкопряд. Этот вредитель поедает хвою деревьев, оставляя после себя сухостой.

Предпринимателю из Томска отвели новую деляну леса, повреждённого сибирским шелкопрядом. Гусеницы съели полностью хвою на деревьях, и они стояли чёрные как головёшки. Он нанял бригаду рабочих, которые остались без работы после ликвидации леспромхоза.

Бригада закончила рабочую смену. Пришли в балок, поужинали. До темноты ещё оставалось достаточно времени. Картёжники уселись играть в карты, а я взял

ружьё и вышел из балка. Решил пройтись по лесу и добыть боровую дичь. Недалеко от лесоповала видел выводок капалух.

Возвращаясь с охоты, увидел сидящего на крыльце мужчину. Подумал, что кто-то из членов бригады вышел покурить. Когда подошёл ближе, с крыльца поднялся медведь и направился ко мне. Я направил ружьё вверх и нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Ружьё дало осечку. Меня охватил испуг. От зверя не убежать. Рядом стоял трактор – трелёвочник. Мигом забрался на крышу кабины, медведь уже был рядом и стал обходить трактор. Начал перезаряжать ружьё, но все патроны оказались заряженными дробью. «Стрелять дробью только раздражишь зверя», – решил я и начал кричать. Медведь пытался вскарабкаться на капот трактора, но его когти скользили по металлу. Крик в балке не слышали. Тогда начал дуть в ствол ружья. По лесу разнёсся трубный звук, напоминающий гудок паровоза. Его услышали, и толпа людей вывалила на улицу. Перед ними предстала картина: я, как пионер с горном, стоял на кабине трактора со стволом ружья и издавал тревожные звуки, а вокруг трактора ходил медведь.

Рабочие начали кричать и махать руками, один бросился в балок за оружием. Когда вернулся, медведь, напуганный криками, уже скрылся за деревьями.

У меня тряслись ноги. Мне помогли спуститься с кабины. Больше месяца не ходил на охоту в лес.

На следующий день бригада возвращалась с деляны на обед. Идти приходилось между пней, спиленных деревьев, по моховому покрову, разорванному треками трелёвочника. Мы вышли к неглубокому оврагу, вдоль которого была натоптана тропка. Внизу протекал весёлый ручей. Каждый раз, подходя к этому месту, не договариваясь, все спускались вниз к ручью, умывались и пили холодную воду. Немного отдохнув, продолжали путь. Здесь смешанный лес не тронул шелкопряд. Вдоль тропы встречались полянки брусничника без единой ягодки. Когда проходили мимо одной из полянок, вдруг из травы, почти из-под ног с шумом, хлопая крыльями, взлетел глухарь.

– Интересно, что сегодня на обед приготовил кашевар, – мечтательно произнёс Николай.

– Тебе, наверное, глухарь аппетит возбудил, – произнёс бригадир.

Все дружно рассмеялись.

На стане нас ждало разочарование. Обед не был готов.

– В чём дело? – недовольным голосом спросил бригадир кашевара.

– Только я собрался принести из ручья воду, вижу, недалеко медведь бродит. Ходит, по-хозяйски всё обследует, на помойке съел отходы, вылизал консервные банки.

Николай и ещё один лесоруб зарядили ружья пулевыми патронами и направились к двери.

– Кто за водой, берите вёдра, – произнёс Николай.

Он сильно был зол на медведя, оставившего всех без обеда. Держа ружьё наизготовке, первым не спеша пошёл по знакомой тропинке, внимательно осматривая местность. Под ногами оказался корень дерева, не заметив его, споткнулся и еле удержался на ногах. Пустил в адрес медведя тираду нецензурных слов.

- Зачем материшь зверя, споткнулся ты сам.
- Если бы не он, мы бы сидели сейчас спокойно и обедали.

День был серенький, небо затянуто низкими облаками. Редкие сосны стояли по обе стороны тропы. Ближе к ручью хвойный лес сменился смешанным. Медведя поблизости видно не было. Набрав воды, лесорубы повернули назад.

- Надо поискать следы зверя, – предложил Николай
- Давай не будем искать приключений медведю и себе, – ответил напарник.
- Он не даст нам спокойно жить, будет навещать лагерь.
- Вот тогда с ним и поговорим.

В тот день обед по времени совпал почти с ужином. Кашевар остатки еды и кости сложил в ведро и унёс в яму, выкопанную для пищевых отходов.

Короток осенний день. Сумрак окутал лес вокруг балка лесорубов. Пасмурное небо не обещало света луны и звёзд. Постепенно тёмная ночь опустилась на тайгу. Кто-то из лесорубов вышел на улицу по нужде, вдохнул полной грудью аромат запахов осенней тайги и прислушался. В ночной тиши послышался хруст костей. Он забыл, зачем вышел на улицу, метнулся к балку и вихрем ворвался через дверь.

- Медведь, – произнёс испуганным голосом.

– Ты его видел?

– Не видел.

– Кого тогда испугался?

– Он на помойке.

– Не видел, а говоришь, что медведь.

– Слышал хруст костей.

– Мало ли кто может хрустеть.

– Мужики, берите фонарики, пойдём, посмотрим, кто там бродит, – предложил Николай.

– Охотиться будешь днём, – остудил его пыл бригадир.

Утром Николай напросился остаться кашеваром. Он выскреб из котла остатки каши, собрал кости и шкурки от вяленых подъязков, и унёс в мусорную яму.

На землю опустился утренний туман, молочной пеленой окутал лес, сократив видимость до нескольких метров. Попытки Николая разглядеть что-нибудь через окно ни к чему не приводили. Он убирал со стола вымытую посуду, ставил на полку, шмыгая по полу тяжёлыми сапогами. Затем достал из-под нар картошку и начал чистить, периодически поглядывая в окно. В сердце закрадывалось беспокойство, навевая непонятное состояние.

На дворе стала меняться погода. Ветер раскачивал ветви деревьев, срывая ещё не созревшие шишки сосен. Тумана как не бывало. Посмотрев в очередной раз в окно, Николай увидел медведя, спокойно выгребавшего передней лапой из ямы мусор. Он бросился к дверям, схватил стоящее у стены ружьё и стал медленно открывать дверь. В узкую щель увидел зверя. Неожиданно дверь скрипнула. Медведь поднял голову и повернул в сторону двери. У медведей прекрасный слух и обоняние. Зверь чуял человека, но не видел в тёмном помещении. Сердце Николая тревожно колотилось. Он, не выходя из балка, прицелился в лопатку и выстрелил. Медведь рухнул на землю.

Первым желанием Николая было освежевать зверя и приготовить на обед медвежатину. В помещении разнёсся запах сбежавшего из кастрюли борща, и он поспешил к плите.

Бригада с разговорами шла на обед. Впереди идущий остановился и прошептал: медведь. Все увидели лежащего на боку зверя с кровавым пятном на боку.

– Николай добился своего, – произнёс бригадир.

– Надо освежевать, пока мясо не запрело.

– Кто будет есть медвежатину?

– Надо показать ветеринару.

– Везти за двести километров в Белый Яр показывать мясо – искать приключение на свою голову. У нас же нет лицензии.

Лесорубы с шумом ввалились в балок и поздравили Николая с добычей. За обедом решили зверя в пищу не употреблять.

Они оттащили зверя трактором в лес и закопали. Через несколько дней обнаружили, что его раскопал другой медведь и съел.

10

Угодья Вяткина раскинулись за рекой Уютова, впадающей в Лисицу. Первобытная тайга тянется на сотни километров во все стороны. Кедровые массивы не успела тронуть пила лесорубов. С распадом леспромхоза прекратилась вырубка леса. Добраться туда можно на лодке, преодолев больше сотни километров, или зимой на снегоходе. В сентябре, до начала охотничьего сезона, Вяткин с напарником завезли продукты на весь охотничий сезон и сложили в сруб, стоящий на столбах высотой два с половиной метра. На следующий день повезли горючее для снегохода.

Осень вступила в свои права: рябины стояли в оранжевом убранстве, трепетали покрасневшие листья осин, с берёз слетали первые пожелтевшие листья. Ветер раскачивал вершины деревьев, убаюкивая ко сну в надвигающуюся зиму.

Вяткин думал разгрузить лодку и до вечера вернуться домой. Там его будет ждать баня, натопленная женой. Он крепче сжал в руке румпель подвесного мотора и вырулил на плёс, с которого видна его избушка. Она стояла на пригорке и хорошо просматривалась. А вот лабаза рядом не было. «Куда он делся», – с изумлением подумал Вяткин.

Причалил к берегу, привязал лодку к берёзе и налегке поспешил по тропе к избушке с неприятным предчувствием.

Сруб лабаза лежал на земле, деревянные стойки перегрыз медведь. Продукты оказались целыми. Исчез только мешок с мукой. Всюду виднелись натоптанные следы. Охотники пошли по следу зверя. Невдалеке нашли брошенный мешок, часть муки высыпалась из дыры, разорванной зверем.

– Во время мы приехали, – произнёс Вяткин, – видимо, медведь услышал шум мотора и убежал.

– Надо его наказать, – предложил напарник.

– Вряд ли мы его сейчас найдём без собак.

– Он вернётся и лишит нас продуктов.

– У меня есть металлический сейф, сложим в него продукты

Сейф представлял металлическую бочку с крышкой на болтах. Охотники подтянули её тросом, перекинутым через сучок кедра, на высоту двух метров и привязали к стволу.

Они провозились до вечера, пришлось переночевать в избушке. Баня в тот день хозяина не дождалась.

С наступлением охотничьего сезона, Вяткин подъехал к избушке на снегоходе. Его взгляд остановился на кедре. Бочки на месте не было. Он нашёл ее в двадцати метрах в стороне. Медведь порвал тросик, сбросил бочку на землю, согнул крышку и сорвал болты. Охотник остался без продуктов.

11

Каждое утро Павел Звонарёв выходил на крыльцо дома и смотрел на небо. Оно было чистым и холодным, не предвещая непогоду. Ночные заморозки серебрили траву, на Лисице появлялись забереги. Он ожидал снегопада, чтобы на буране отправиться в охотничьи угодья. Как обычно, до начала охотничьего сезона на лодке завёз продукты в три избушки, построенные на берегах реки Журавлёва, впадающей в Лисицу.

Сезон охоты начался, а снега всё не было. Павел отправился на охоту пешком. С ним три собаки: Буран, Бурундук и Ласка. Пройти предстояло больше ста километров. Он привык к большим переходам. По дороге будет охотиться. С собой взял только сухари. Боровую птицу всегда добудет для похлёбки. Шёл несколько дней, ночевал у костра, устроив ложе из лапника и натянув за спиной кусок брезента для отражения тепла.

К первой избушке подходил с замиранием сердца. Мечтал растопить печь, растянуться на нарах, отдохнуть после длинной дороги и только потом заняться делами. Ещё издали заметил что-то неладное. Вместо двери зиял пустой проём. Избушка оказалась разграбленной. Он стоял перед ней и смотрел на разбитое окно и вырванную дверь. В его душе бушевали негодование, обида и злость на грабителя. Зверь не смог пролезть в окно, и вырвал дверь. В избушке оказались разломана кирпичная печь, разбросаны вещи, съедены все продукты. За многие годы охоты такой разгром видел впервые. Павел стоял и размышлял: «Местные медведи давно залегли в берлоги, это шатун, скорее всего пришедший из Красноярского края, где бушевали пожары.

Он прибрал в избушке, навесил дверь, затянул целлофаном окно и на следующий день отправился ко второй избушке. По дороге планировал насторожить капканы, но медведь съел протухшую рыбу, приготовленную заранее для привады. В пути успокоился, на время забыл про медведя. Его окружала вековая тайга. Могучие кедровые стволы в несколько обхватов свидетельствовали об их древнем возрасте. Ноги мягко проваливались по щиколотку в моховой покров. На полянках из белого мха – ягеля поднимались коричневые шляпки замёрзших белых грибов.

У него появился охотничий азарт, когда услышал лай Бурана. По его голосу понял, что облаивает соболя. Бросился бежать, но скоро задохнулся и пошёл шагом, скрываясь за стволами деревьев. Кобель сидел в стороне от дерева и периодически злобно лаял, направив голову в крону кедра. Павел долго не мог разглядеть

притаившегося зверька. Пришлось сделать полукруг и встать за деревом сзади собаки. По направлению её носа увидел соболя, распластавшегося на толстой ветке. Цвет его шкурки сливался с цветом коры. После выстрела мягкий комочек полетел вниз, задевая хвойные ветки. Буран первым поймал падающего зверька. Он без сопротивления разжал пасть, отдавая подбежавшему хозяину добычу. Его глаза светились радостью. Павел погладил его и несколько раз произнёс: «молодец», а сам подумал: «Неужели он испытывает такие же чувства, как и я при добыче соболя».

Ко второй избушке подходил с хорошим настроением. В его рюкзаке лежали три соболя и десятка два белок. Охота только началась, и охотничий сезон обещал быть хорошим. Здесь его ждало разочарование. Медведь разорил и эту избушку. Оставалась надежда, что продукты сохранились в третьей избушке.

Его настроение испортилось. Не радовал добытый глухарь, лежащий в рюкзаке, и белки, которых периодически находили и облаивали собаки. На подходе к избушке слышал злобный лай собак. Перезарядил ружьё пулевыми патронами, сбросил с плеч рюкзак и поспешил к зимовью. Дверь избушки распахнута, Буран и Бурундук, стоя в проёме, изливали свою злобу, Ласка в избушке заглядывала в открытое творило погреба и поливала руганью непрошеного гостя. В погребе раздался рык медведя, Ласка стремглав выскочила на улицу. Не успел Павел сделать несколько шагов назад, как из избушки появился медведь. Собаки остановили его у крыльца. Павел прицелился и выстрелил. Зверь рухнул на землю. Буран вцепился в загривок, Бурундук и Ласка начали хватать медведя за плечи, набивая пасти шерстью.

Косолапый стаскал в погреб матрасы, одежду и устроил там лёжку. Он надеялся в тепле провести зиму.

Охотник снял шкуру, разделал мясо, уложил в мешки и подвесил в избушке. Вызвал по рации машину и уехал домой. Через десять дней вернулся на снегоходе с нартами. К его удивлению, мясо оказалось съеденным другим медведем. Ему пришлось несколько дней пожить в бане, пока восстанавливал разрушенную печь и наводил в доме порядок.

12

Прежде чем покинуть Лисицу, я зашёл проститься со Степаном Михайловичем. У него застал сына Андрея.

Разговор зашёл о медведях.

– Пожары в Красноярском крае выгнали зверей из мест привычного обитания. Они мигрировали в Томскую область, а здесь год оказался неурожайным на орехи и ягоды. Во многих домах нет жильцов, а огороды засаживаются. Вот медведям и раздолье. Они и приходят в огороды поедать морковь и картошку. Надо бы их численность сократить, но нужна лицензия. За ней надо ехать двести вёрст в райцентр, а там неизвестно, дадут или нет. У нас в посёлке осталось жителей человек двести, в основном пенсионеры, а проживало когда-то полторы тысячи человек, – закончил повествование

Степан Михайлович.

– Не забудь в Белом Яре встретиться с Владимиром Васильевичем Домниным, – напомнил мне Андрей, – я сегодня разговаривал с ним по телефону, он ждёт тебя.

– Обязательно встречусь. Паром придёт в белый Яр вечером. Мне нет резона ночью ехать в Новосибирск. Придётся ночевать в гостинице, и будет достаточно времени для разговора с ним.

На песчаную отмель, к которой пристаёт паром, приехал задолго до прихода катера. Здесь его уже ждали две машины. Опоздать на рейс означало надолго застрять в тайге. Паром приходит не по расписанию, а по заявкам пассажиров.

На баржу заехал последним. Меня это устраивало. Прибыв в Белый Яр, первым съезду на берег. Двигатель катера заработал с натугой, баржа с машинами медленно сползла с отмели. На середине реки катер развернул её вниз по течению. Предстояло четырёхчасовое плавание по таёжной реке среди живописной местности. Я покинул машину и отправился в рубку к капитану.

В Верхнекетской тайге

1

Мне давно хотелось встретиться с известным охотником и следопытом, о котором был много наслышан. В прошлом году, проезжая через Белый Яр, не застал его дома. Он один из немногих кто освоил и сохранил традиционное национальное декоративно-прикладное искусство коренных жителей резьбы и росписи по дереву и кости. Его поделки из бересты, дерева, художественная резьба по кости неоднократно экспонировались на международных, всероссийских и областных выставках декоративно-прикладного искусства народов севера и Сибири.

Гостиница разместилась в двухэтажном деревянном здании на окраине посёлка. Устроиться в неё труда не составило. Жильцов почти не было. Стоимость места в любом номере меньше тысячи рублей за сутки. Поселился в двухместный номер и позвонил Владимиру Васильевичу.

Он пригласил меня приехать к нему домой. Я включил на сотовом телефоне навигатор и без проблем приехал на улицу Береговая.

Мы сидели в гостиной уютного деревянного домика и мирно беседовали. Передо мной – высокий, стройный и энергичный мужчина предпенсионного возраста. Он оказался интересным собеседником, прекрасно знающим историю края. Неутомимый охотник и путешественник демонстрировал мне снимки местности в тайге, где когда-то жили коренные народы Сибири. Об их жилищах напоминали бугры и ямы, покрытые почвенным слоем с давно развившейся растительностью и заросшие многолетними кедрами и соснами. Верхнюю часть строений время не сохранило. По берегам притоков Кети встречаются целые группы таких землянок. Вокруг отдельных групп землянок ясно заметен земляной вал, которым они некогда были обнесены.

Свои постройки селькупы именовали пой-мат, что означало деревянный дом. Они чаще строили землянки – карамо. Её выкапывали на склоне холма или горы и делали вход-коридор со стороны реки. Часто коридор тянулся до реки и по нему заплывали на обласках, которые затем втаскивали внутрь жилища. Жилище имело разные конструкции. Верхняя часть делалась из брёвен, отапливалось печкой с трубой из жердей. С целью экономии топлива дверь делалась низкой, а окно

маленьким, вместо стекла вставляли брюшину оленя. Они только часть года жили оседло. Летом, занимаясь рыбной ловлей, ставили на берегу реки чумы, покрытые берестой. Осенью собирали орехи и охотились в лесах. Добычу, орехи, ягоды хранили в срубках, построенных на столбах. Следы их проживания можно встретить в таёжной полосе бассейна Оби. Селькупский народ по хозяйству, быту и культуре сходен со своими соседями хантами и кетами.

После прихода в семнадцатом веке в Сибирь русских местное население было обложено ясаком, затем подверглось массовому крещению. Часть местных жителей переселилась из бассейна Оби на реку Таз, а затем Турухан. Раньше селькупов русские называли остяками, как и хантов. Численность селькупов в стране по переписи 1927 года составляла около шести тысяч человек. В настоящее время они проживают в основном в Томской области, главным образом в Каргасокском, Колпашевском и Верхнекетском районах. Большая часть проживает в верховье реки Кеть. По переписи 2002 года в Томской области числилось 1787 человек селькупов.

Внимательно выслушав Владимира Васильевича о найденных им в тайге многочисленных мест жительства коренного народа, спросил:

– Есть ли сегодня населённые пункты в области, в которых компактно проживают селькупы?

– Таких населённых пунктов нет. Население Верхнекетского района составляет около 17 тысяч человек. Из них всего 100 человек селькупов, которые проживают во многих населённых пунктах.

Листая документы прошлых лет, я узнал, что в 1920 году в районе проживало 579 человек туземного населения в 12 населённых пунктах, называемых юртами.

Промышленное освоение природных богатств района и массовое появление спецпереселенцев заставило коренное население покидать родные места и переселяться дальше на север, но цивилизация настигала их и там. Они постепенно смешивались с русским населением, создавая смешанные браки. Если в двадцатых годах здесь проживало преимущественно охотничье-кочевое население, то в тридцатых годах возобладали спецпереселенцы. Сегодня селькупы – одна из исчезающих народностей севера.

2

Постепенно наш разговор перешёл на охотничью тему.

– Мне рассказывали Орешкины, что вы застрелили медведя, который задрал девушку прямо в посёлке, расскажите, как это было, – попросил я.

– Поздним вечером две подруги возвращались домой с железнодорожного вокзала. Они поёживались от осеннего холода. Модные пальтишки слабо грели. На центральных улицах горели фонари, на холодном небе сияли яркие звёзды. В центре посёлка девушки расстались и пошли каждая к своему дому. Ирина Заварина домой не пришла. Родители стали беспокоиться. Позвонили подругам, в полицию, больницу. Дочери нигде не было. Утром отец обнаружил у калитки следы медведя и кровь.

Пожары в Красноярском крае выгнали зверей из мест привычного обитания. Многие мигрировали в Томскую область, а здесь оказался неурожай на орехи и

ягоды. Медведи стали заходить в огороды жителей, поедать морковь и картошку. Участились случаи нападения на людей.

Заварин позвонил мне и другим охотникам. Мы немедленно прибыли к нему. Его дом стоит на окраине посёлка, за ним простирается лес. Зверь убил девушку и утащил в лес. Помятая трава и следы крови привели нас к озеру. Здесь в ложбине, среди зарослей тальника, медведь завалил тело девушки хворостом. Решили не преследовать и не пугать зверя, зная, что он обязательно придёт к оставленной добыче. Под хворостом оставили пальто Иры.

Поблизости не было ветвистого дерева, чтобы устроить засидку. Я принёс стул и прибил его высоко на стройной сосне. Первую ночь с карабином, рацией и фонариком просидел безрезультатно. Всё пространство передо мной было залито лунным светом. Я несколько раз прикладывал приклад карабина к плечу и убеждался, что хорошо вижу мушку. Выстрел будет верным, но медведь не пришёл к своей жертве. Товарищи находились не遠деке за пределами леса, готовые в любой момент прийти на помощь.

Следующий день выдался сумрачным. На дерево забрался до наступления темноты. Постепенно лес окутывал мрак. На небе не единой звёздочки. С трудом просматривались стволы ближайших деревьев. Ближе к полуночи услышал шаги по кромке леса. Они приближались, но зверя не было видно. В какой-то момент увидел движущееся тёмное пятно с неясным контуром. Осторожно поднял карабин и начал прицеливаться. Мушку не увидел, а пятно исчезло. Открыл оба глаза: движение пятна увидел. В тот момент пожалел, что не взял ружьё. Из него можно было бы стрелять по прицельной планке. Вспомнил про фонарик. Прижал его к цевью карабина и направил в сторону зверя. Луч света выхватил из темноты огромного медведя. От неожиданности он остановился. Я направил карабин в сторону зверя, прицелился и выстрелил. Раздался рык и шум от ломающихся кустов и убегающего медведя. Зазвонила рация:

– Как дела?

– Ранил.

– Не вздумай слезать с дерева, – предупредил товарищ, – зверь может притаиться рядом.

Утром мы пустили по следу собак. Медведь далеко не ушёл, он истекал кровью.

– Как поступили с мясом и шкурой? – поинтересовался я.

– Сожгли на свалке, а желудок отдали на экспертизу в санэпидемнадзоре.

– Как часто происходят нападения медведей на людей?

– Не часто, но случаются.

3

Охотничьи угодья Алексея Трифонова расположены по реке Уютова. Это один из самых отдалённых промысловых участков на севере Томской области. Добраться туда можно вертолётom или на лодке по рекам Кеть и Лисица.

Районный охотовед перед началом охоты на пушного зверя проверял готовность охотников к открытию сезона. Заехал к Алексею Трифонову. У того собаки закрыты в сарае, чтобы не убежали в тайгу раньше времени. Охотовед свою молодую лайку оставил на улице.

Сидят охотники за столом у окна, чай, заваренный чагой, попивают. Неторопясь, ведут беседу и любуются через окошко природой.

Осенний день медленно клонится к концу. Солнечный шар всё ниже и ниже опускался над лесом, готовясь спрятаться за ним. Голубое чистое небо предвещало на завтра хорошую погоду. Наступил вечер. Не успело стемнеть, как на улице раздался лай собаки, затем жалобный визг и всё стихло. Охотники схватили ружья и выскочили наружу. Они увидели удаляющегося медведя. Он задавил собаку и унёс в лес.

Через несколько дней Алексей рано утром открыл дверь, чтобы выйти по надобности. Перед дверью стоял медведь, поджидая его. Зверь поднялся на задние лапы и направился к нему. Охотник схватил правой рукой карабин, всегда висевший на гвозде около двери. Зверь с раскрытой пастью был уже рядом. Алексей сунул ему в пасть ствол карабина, передёрнул затвор и выстрелил. Медведь свалился, увлекая с собой карабин, зажатый зубами.

У Алексея тряслись не только руки и ноги, у него дрожала каждая клеточка тела. Придя в себя, подумал: «Неужели медведице понравилась собачатина, и она пришла за собаками, может быть, пришла мстить мне». А мстить ему было за что. Он недавно застрелил пестуна.

4

На участке Владимира Домнина шесть избушек. Обойти их все по путику требуется неделя. С появлением снегоходов время объезда значительно сократилось. Во время одного из обходов подвернул ногу. Расстояние до избушки Алексея Трифонова на соседнем охотничьем участке было значительно меньше, чем до его ближайшего зимовья. Он решил навестить соседа и залечить ногу в его избушке. «Охотничий сезон только начался, – подумал он, – нога быстро заживёт».

Подойдя к избушке, увидел открытую дверь и висевшую шкуру медведя. «Недавно добыл», – мелькнула мысль. Переступив порог, увидел разбросанные вещи. Их разбрасывал явно не хозяин избушки. Навёл маломальский порядок, затопил печь и поставил греть воду для компресса.

Стемнело. Хозяин не появлялся. Владимир услышал, что на улице кто-то скребёт. Создавалась впечатление, что деревья трутся друг о друга. «Ветра нет», – подумал он, взял фонарик и открыл дверь. Луч фонарика осветил медведя, рвущего шкуру. Его глаза вспыхнули зелёным блеском. Владимир бросился в избушку, схватил карабин и выскочил наружу. Медведя обнаружить не удалось.

На ночь карабин положил рядом на нары, привязал к дверной ручке ведро, чтобы проснуться, если медведь вздумает ломать дверь.

Об Алексее Трифонове известили прибежавшие к избушке собаки. Он появился во второй половине дня. Его добычу составили соболь и несколько белок. Владимир мельком глянул на шкурки и про себя отметил: «Первым сортом не пойдут».

Охотники пообедали, обменялись мнениями о перспективе текущего охотничьего сезона. Владимир туго перевязал колено и, не сгибая ноги, отправился в свои владения. По дороге добыл глухаря, привязал его к ветке разлапистой сосны, чтобы позже изрубить на приваду. Придя в избушку, немного отдохнул от

неудобства хождения с несгибающейся ногой и стал варить на ужин кашу с тушёнкой.

5

У нас были случаи, и волки нападали на людей, – начал издалека очередной рассказ Владимир Васильевич.

Охотничий сезон ещё не закончился, а у меня желудок прихватило, пришлось пешком отправиться домой. Иду на лыжах, топчу лыжню по глубокому снегу. Денёк стоял тёплый, мне стало жарко, пришлось расстегнуть суконную куртку. Кругом тишина, никакого движения воздуха. Насторожённое ухо не улавливало ни единого звука. Деревья с пушистым снегом на лапах застыли в ожидании ветра, чтобы он сбросил с них ненужную ношу. Выбравшись на лесовозную дорог, с облегчением вздохнул:

идти стало легче. К полудню меня догнал охотник на буране и подвёз до дома. На следующий день ко мне приходит возбуждённый Борис Рогуев и говорит: «Ночью у моста волк задавил мужчину. Прокусил шею и выел зад. Поехали преследовать, пока далеко не ушёл».

Мы на двух снегоходах подъехали к мосту и увидели кровь на снегу. Волк поджидал свою жертву под мостом. По угонному следу зверя последовали за ним. Догнали хищника около густых зарослей на берегу реки. Успели по разу выстрелить с предельного расстояния, пока он не скрылся в кустах. Заглушили двигатели снегоходов, взяли ружья наизготовку и пошли по следу в кусты. Волк уходил прыжками, оставляя на снегу капли крови. Размер следов свидетельствовал, что это был крупный старый волк.

Почему он покинул стаю и охотится в одиночку? – размышлял я. Скорее всего, состарился, стал обузой и ушёл, чтобы родственники не растерзали и не съели его. Этим, видимо, объясняется охота на лёгкую нетрадиционную добычу.

В дальнейшем это предположение подтвердилось. Выстрелы картечью с большого расстояния не оказались смертельными. Мы решили его не преследовать, надеясь, что он может залечь и не подняться. Погода не предвещала снегопада, и мы решили продолжить преследование через несколько дней.

На противоположном берегу над лесом раздавался гортанный хриплый голос ворона.

- Неужели волк окочурился, – произнёс Борис.
- Вряд ли.
- Зачем тогда ворон собирает собратьев.
- Наверное, нашёл какую-нибудь падаль.

Через неделю мы отыскивали след убийцы. Он привёл нас к посёлку Клюквенка. Здесь волк задрал собаку. Дальше шёл по лесовозной дороге до вахты лесорубов. Дежурный рассказал, что видел волка на помойке недалеко от столовой. Он прижился вблизи вагончиков лесорубов. Я решил ночевать на вахте. Поставил пять петель у помойки и у будки, в которой была привязана собака. Серый почувствовал опасность и не подошёл даже близко к петлям. Пришлось позвонить в Белый Яр и попросить сына, чтобы прислал со сменой на вахту шкуру коровы и два волчьих капкана.

На следующий день собрал со стола все объедки, вплоть до пакетиков с использованным чаем, взял шкуру и вышел на дорогу. На попутном КраЗе доехал до поворота дороги и на лыжах отправился в лес, разбрасывая по пути объедки. Насторожил капканы около шкуры и своим следом стал возвращаться назад. К моему удивлению, на лыжне увидел следы волка. Он следовал за мной, когда я нёс приваду. По возвращению в вахтовый вагончик, постоянно думал о волке. С наступлением темноты, взял фонарик и отправился к приваде, нашёл волчий след и последовал по нему. Волка увидел в десяти метрах от себя, приготовившегося к прыжку. Свет фонарика ослепил ему глаза, и он опустил их, спрятав за лапу. Выстрел картечью почти в упор прервал жизнь разбойника. Сходил за снегоходом и волоком притащил его к вагончику. По служебной рации лесозаготовителей позвонил главе администрации, он ждал результата охоты.

Утром вся смена лесорубов фотографировалась около крупного волка. Он был старым и истощённым. В его желудке кроме пищи оказался тюбик от зубной пасты и целлофановый мешочек.

– Другие случаи встречи с волками были?

6

Мой промысловый участок по периметру тянется на сто пятьдесят километров. Многие годы я ходил от избушки к избушке пешком. С появлением снегоходов госпромхоз стал обеспечивать штатных охотников техникой. Сегодня бензин очень дорогой. Я на снегоходе завожу только продукты. Охочусь по-прежнему пешком.

В четырнадцатом году строил избушку. Место помогли выбрать соболи. По их следам собаки часто приводили меня в кедровый массив. Под склоном протекает небольшая речка. За ней тянутся болота. Ягоды там растут всевозможные, а это корм для зверя и птиц.

Положил очередной венец на сруб и отправился ночевать в верхнюю избушку. Иду не спеша, за день изрядно устал, вдыхаю полной грудью воздух, насыщенный ароматом хвойного леса. Под ногами мягкая подстилка из белого моха – ягеля. Молодой пёс Даур убежал вперёд. В какой-то момент вижу, он мчится ко мне и бросается под ноги. Снял с плеча ружьё, заряженное дробью. Не успел его перезарядить, как из-за деревьев прямо на меня выскочил волк, прицелился и выстрелил почти в упор. Хищник с разбегу уткнулся в мох. Заменял стреляный патрон. В это время с двух сторон выскакивают волки, окружая меня. Стреляю в одного, затем в другого. Раненые звери скрываются в лесу. К сожалению, забыл в избушке охотничий нож. Пришлось оставить хищника до утра неободраным.

На следующий день, направляясь к туше волка, увидел следы табуна северных оленей. Они кормились и медленно продвигались вперёд. Волки залегли на их пути, надеясь на хорошую добычу. Их охоте помешал Даур, выбежав сзади волков. Олени, увидев собаку, развернулись и умчались. Волки бросились за виновником их неудачи, окружая его с двух сторон. Увидев меня, поспешили скрыться.

– Владимир Васильевич, в Лисице мне охотники рассказывали, что участились случаи разорения медведями охотничьих избушек. Связывают это с приходом зверей из соседнего региона.

– Скорее всего, на поведение медведей влияет бескормица. Мои избушки медведи разоряли и раньше.

7

Сезон охоты уже наступил. Слабый морозец сковал лужи и грязь на дорогах. Собаки во дворе волнуются. Стоит мне выйти на улицу, бросаются ко мне и всем видом дают понять, что пора в тайгу. В глазах Верного вижу упрёк. Его взгляд говорит мне лучше всяких слов.

Я никогда не тороплюсь к открытию охоты. Знаю, что лицензии на добычу соболя всегда закрою. Жду, чтобы пушные зверьки вылиняли и шкурки при сдаче пошли по высокой цене.

Забросили меня с собаками вертолётom к головной избушке. Выгрузил вещи, вертушка улетела. Собаки Пурга и Кухта резвились. Верный, как подобает псу, знающему себе цену, стоял и смотрел на избушку. Рама вырвана и сломана. Его нос, видимо, улавливал запахи медведя.

Внутри избушки сухари, крупа, мука были перемешаны с одеждой. Печь разрушена. Навёл маломальский порядок и отправился ночевать в соседнюю избушку. По дороге собаки загнали на дерево соболя. Зверёк оказался крупным котом. Моё настроение немного улучшилось.

Начало темнеть. Чтобы не спотыкаться в пути, решил ночевать у костра. Нашёл две пушистые сосёнки, росшие в двух метрах друг от друга, связал их вершины – получился шатёр. Внутри настелил слой лапника. Затем срубил сухой кедр и устроил надью перед шатром. Противоположную сторону затянул целлофаном. Улёгся на мягкую подстилку, положив обувь под голову. Надья горит – греет один бок. Тепло, отражаясь от целлофана, греет второй бок. Ночью снится сон: медведь сидит на крыше избушки, срывает доски и бросает вниз. Я целюсь в него из ружья и жму на спусковой крючок, но выстрела не происходит. Он раздался, когда опустил ружьё. Сильный щелчок разбудил меня. В костре разбросана зола. Это выстрелил горящий сучок.

Не мог я оставить в покое грабителя избушки. Тем более, что собакам нужна еда. Сделал круг по тайге. Собаки хорошо работали по белке, берлоги не нашли. Встретил несколько отпечатков старых мёрзлых следов зверя. Пошёл в сторону их направления и вышел к болоту, среди которого возвышались два острова-кургана, заросшие лесом. Мне не доводилось там бывать. Решил зайти и проверить. Не успел подойти, как услышал злобный лай собак. Подумал: вот где ты скрываешься, разбойник, и поспешил по косогору вверх.

Медведь устроил берлогу под упавшей сосной. Вокруг разрыт мох. Пурга и Кухта надрываются в лае, Верный молчит, ждёт своего времени. Срубил молодое деревце, очистил от сучьев и стал толкать левой рукой в берлогу, держа в правой руке карабин. Хозяин берлоги схватил жердь зубами и стал тянуть на себя. Я с силой толкнул её, думая, что попаду в пасть. Жердь провалилась в пустоту, а из берлоги показалась голова зверя. Прицелился и выстрелил, голова безжизненно повалилась на багульник, которым был забит вход в берлогу. Достал из рюкзака шнур и протянул руку, чтобы привязать его к верхней челюсти зверя. Раздался рык, я

отскочил прыжком на несколько метров, не поняв, откуда взялась сила. Это был последний вздох умирающего зверя.

Берлога оказалась с поворотом. Расчистив вход, стал вытаскивать зверя с помощью ваги. На толстую жердь длиной шесть метров у одного конца надел петлю шнура, привязанного к зверю и, зацепив её за дерево, навалился на длинную сторону рычага. Туша медленно выдвинулась из берлоги на несколько сантиметров. Укорачивая шнур, постепенно вытащил тушу на чистое место и приступил к разделке. Первую часть мяса утащил к избушке волоком на шкуре. Затем за несколько ходок перетаскал на целлофане остальное мясо.

– Вы всегда добывали медведей только на берлоге?

– Были, конечно, случайные встречи, когда вынужден был стрелять при встрече.

8

Медведи обычно залегают в берлоги перед снегопадом. Инстинктом они руководствуются или разумом – пусть разбираются учёные. В годы хорошего урожая на кедровые орехи отдельные особи жируют в кедрачах до декабря, если не успели набрать жира.

Иду на лыжах по склону невысокого холма. Вокруг толпятся кедры вперемешку с соснами. На ветвях толстым слоем лежит снег. Собаки облаяли соболя. После выстрела зверёк, падая вниз, застрял на ветках. Пришлось рубить толстое дерево. Собак привязал в сторонке, чтобы не попали под падающее дерево. Они внимательно наблюдали за соболем, иногда подавали голос. Постепенно начало темнеть. Падая, дерево отбросило соболя и засыпало снегом. Пропал мой труд, – подумал с сожалением. К счастью, отвязанные собаки нашли зверька. Возвращаться в избушку было поздно, пришлось развести костёр и устроить ночлег. Ночью слышал протяжный рёв медведя.

Утром по своей лыжне направился к избушке. И что ты думаешь? Невдалеке увидел след крупного медведя, который вчера шёл за мной по лыжне. Почувяв запах костра, зверь свернул в сторону. Я поспешил в избушку, взял карабин, написал записку напарнику и отправился искать шатуна. След привёл к реке и тянулся по берегу. Внизу слева лежала замерзшая река, справа пологий склон покрывал кедровый лес. Над головой висело чистое голубое небо. Солнце, подёрнутое пеленой, окружал ореол. Только успел подумать, что это признак приближающейся метели, как подул низовой ветер. Он срывал снежинки с поверхности льда на реке и гнал их струйками вниз по течению. Началась позёмка. Я посмотрел на кедры. На их лапах лежал снег. Здесь ветра ещё не было. Подумал, что надо спешить: начинающаяся пурга заметёт следы.

Собаки, бежавшие по бугру, помчались вниз по склону ко мне. «Кого испугались?» – спросил, – но они не могли ответить, а развернулись и умчались вверх по склону. Последовал за ними и поднялся на бугор. Там увидел лёжку зверя. Собаки лаяли рядом в густом низкорослом ельнике. Держа карабин наготове, смотрел в сторону лая, но собак и медведя не видел. Зверь выскочил из зарослей в нескольких метрах от меня. Выстрелил и стал передёргивать затвор, карабин заклинило. Медведь встал на дыбы. Думаю: если пойдёт на меня, суну в пасть карабин и всажу охотничий нож. Берта с разбега запрыгнула на спину зверя.

Медведь упал, чтобы сбросить неожиданного наездника, и отбросил собаку лапой. Мне удалось передёрнуть затвор и заслать патрон в казённый. Стреляю в ухо, но пуля попадает в челюсть и перебивает её. Он вновь поднимается на дыбы. Две собаки набрасываются на него, Берта лежит в стороне. Очередным выстрелом свалил зверя и посмотрел на Берту. У неё разорван бок и торчат переломанные рёбра. Я заревел, слёзы пеленой затянули глаза. Подумал: надо пристрелить, чтобы не мучилась. Когда протёр глаза, увидел, что она уже лежит без дыхания. Не притрагиваясь к медведю, побрёл к избушке, не сдерживая слёзы. Взял пешню, лопату и приехал на снегоходе, чтобы похоронить верного друга и помощника. Засыпав Берту землёй, сделал четыре выстрела. Ей было четыре года. Начавшийся ветер стал срывать снег с ветвей кедров и прикрывать им свежую могилу.

– От вашего рассказа у меня комок подступил к горлу.

– Прошло много лет, а у меня всегда сжимается сердце, когда вспоминаю Берту. Она своей жизнью, возможно, спасла меня.

9

– Промысловика в тайге всегда подстерегают разные опасности, – продолжил повествование Владимир Васильевич.

Мой брат демобилизовался из армии и попросил взять его на промысел. «Хочу посмотреть твои избушки, принять участие в охоте на медведя», – уговаривал меня.

Заехали в угодья на снегоходе. С нами три лайки: Султан, Дымка и её двухлетняя дочь. Все продукты на нарте. Медведь побывал около избушки, сломал стекло, но в избушку не полез. Видимо, не унюхал ничего съестного. Пришлось затянуть окно целлофаном.

На следующий день пошли искать супостата. Молодая собака постоянно приставала к Дымке, ей хотелось играть. Собаки загнали соболя на дерево. Молодая лайка присоединилась к общему хору. Из щенка получится толк, – подумал я. Добытого зверька дал ей понюхать. Она попыталась вырвать его из руки. Держа зверька на вытянутой руке, гладил её и хвалил.

Сделали полукруг и стали возвращаться к избушке. Султан подал злобный голос в ельнике на бугре. Так он лаял только на крупного зверя. Дымка со щенком примчалась к нам. Она хорошо работала по соболю и белкам, но боялась медведей. В детстве получила удар лапой от косолапого и с тех пор не хотела с ним связываться. Сомнений не было, что Султан нашёл берлогу. День клонился к вечеру, и мы решили заняться берлогой утром. Султан на свист не прибежал, пришлось его оставить и продолжить путь. Вскоре он нас догнал, выражая своим видом недовольство нашим поведением.

Солнце уже скатилось за горизонт. Его последние лучи догорали на кучевых облаках, протянувшихся на горизонте. На закате ясно выделялись вершины деревьев. Остатки дневного света просачивались между деревьями. Мы спешили добраться до темноты к избушке. Когда подходили к ней, на небе начали вспыхивать первые звёзды.

Утром своим следом отправились к берлоге. По дороге добыли ещё одного соболя. Султан громким лаем известил, что находится у берлоги. Мы поднялись на бугор и на северном склоне под выворотнем увидели берлогу. Султан сидел в двух

метрах от входа и лаял. Молодая лайка сунула голову в берлогу. Там раздался грозный рык. Её как ветром сдуло в сторону. Следом показалась голова и грудь зверя. Я выстрелил. Медведь осел, словно застрял в горловине выхода. Султан бросился на него и вцепился в ухо.

– Как будем вытаскивать? – спросил сын.

– Что-нибудь придумаем.

– Надо было дать ему вылезти на чистое место.

– Это очень опасно, никогда так не поступай, если доведётся ещё охотиться на берлоге. Возьми топорик в рюкзаке и сруби ель для ваги длиной около шести метров. Пока сын искал подходящую ель, я достал шнур, используемый раньше в качестве тетивы на сети, и накинул петлю на шею медведя.

Мы зацепили один конец ваги за ближайшее дерево около берлоги и навалились на другой. Верёвка оказалась гнилой, порвалась, а мы полетели на землю. Пришлось достать петли на зайца. Когда их скручивал, проколол проволокой руку. Попытался выжать кровь, но она не пошла. Провозились больше трёх часов, пока вытащили медведя из берлоги. Тушу разрубили на части, уложили на куски целлофана и за две ходки перетаскивали к избушке.

Через несколько дней моя рука воспалилась, образовался нарыв. Продезинфицировал нож водкой, стиснул зубы и сделал разрез. Из раны пошла густая тёмная кровь. Промыл рану водкой и засыпал бициллином. К счастью, рука зажила.

10

– Владимир Васильевич, расскажите об охоте на копытных животных?

– До распада Госпромхоза, в котором числились охотники - промысловики, я основное время уделял добыче лосей, чем охоте на соболей. Мне всегда доставляло удовольствие тропить зверя, у которого есть шанс уйти от охотника. Надо проявлять настойчивость, выдержку, знание повадок лося и способность подойти к нему на выстрел. С появлением снегоходов охота превратилась в заготовку мяса.

В прошлом году мне и напарнику выдали лицензии на отстрел северных оленей с указанием места охоты. Поехали мы на знакомое болото в северной части района. Место глухое. Дальше Васюганские болота до самой Югории. Добраться можно только на вездеходах и снегоходах. Подъехав к кромке болота, увидели следы снегоходов. Значит, раньше нас кто-то здесь побывал. Недалеко в кедраче слышен крик воронов.

– Что-то не поделили, – произнёс напарник.

– Пойдём, посмотрим.

Перед нами с криком взлетело больше десятка крупных чёрных птиц. Они были недовольны появлением людей, ругали нас хриплыми простуженными голосами. На снегу лежал расклёванный крупный олень. Видимо, раненый зверь ушёл от охотников в тайгу и здесь закончил свой жизненный путь. Браконьеры не пошли добирать подранка. Им проще было на снегоходе добыть другого оленя.

Мы ехали на снегоходах вдоль болота и в бинокль осматривали местность. Впереди увидели табун северных оленей. Они мирно паслись, медленно

передвигаясь в нашу сторону. Загнали снегоходы в лес, товарищ отправился в загон, а я устроился в засаде. В белом халате среди занесённых снегом кочек, меня трудно было увидеть.

Табун оленей голов в пятьдесят медленно приближался ко мне. Впереди шли крупные самцы с ветвистыми рогами. За ними следовали оленухи и молодняк. Подпустив табун на близкое расстояние, мне не составило труда из карабина добыть четырёх оленей.

Табун, поднимая облако снежной пыли, умчался к центру болота и продолжил кормёжку. С подошедшим напарником разделали тёплые туши и пошли за снегоходами.

Погрузив добычу в нарты, я отцепил снегоход и поехал к табуну. Оленям был знаком шум мотора. Они умчались в тайгу, не подпустив меня близко.

Когда вернулся к нартам, товарищ спросил:

- Зачем ты напугал оленей?
- В лесу им легче выжить.
- Там проще подкрасться к ним волкам.
- Человек для них страшнее волков.

Рассказы охотников Югории

Мне приходилось встречаться с хантами, писать об их жизни и быте в угодьях промысла, но никогда не бывал в столице Югории – Ханты-Мансийске. Слово Югория всегда вызывало у меня чувство далёкой, загадочной и неведомой страны. И вот представился случай посетить этот северный край. Валентина Михайловна Самсонова пригласила меня навестить её сына, проживающего в Сургуте.

Самолёт «Боинг» взлетел из аэропорта Толмачево и взял курс на север. Через час лёта под нами простиралась лесотундра, залитая водой с небольшими островками леса. Озёра и болота занимали большую часть территории. Повсюду виднелись жёлтые площадки, отсыпанные песком, с нефтяными скважинами. К ним подходили узкие полоски дорог. Валентина Михайловна удивилась:

- Здесь нет земли, чтобы посадить самолёт.
- Наверное, нашлась, раз есть аэродром.

Когда самолёт приземлился, мы увидели современный аэропорт с десятками самолётов различных авиакомпаний на лётном поле.

В аэропорту нас встретил сын Валентины Михайловны Анатолий и повёз на свой дачный участок. Ехали по прекрасной бетонной дороге. Анатолий предугадал мой вопрос и стал рассказывать: «Город Сургут, аэропорт, все дороги построены на отсыпном песке».

- Где берутся огромные объёмы песка? – удивился я.

Мне вспомнились дноуглубительные работы на Оби вблизи Новосибирска и караваны барж с песком, отправляемые на север. Эти работы привели к понижению русла реки и ухудшению судоходства.

– Песок добывают со дна близлежащих озёр, – ответил Анатолий.

Заслуживают внимания дачные участки северян. Дома строятся двухэтажные, большие, с северным размахом. На болотистой местности уровень грунтовых вод находится на поверхности почвы. Владельцы участков вынуждены засыпать их песком, торфом и чёрным грунтом, а грядки поднимать ещё выше. После обильного дождя к грядкам можно подойти только в сапогах.

Сосед Анатолия приобрёл два участка. На одном участке экскаватором вырыл глубокий котлован. За счёт вынутого грунта поднял поверхность второго участка. В образовавшийся пруд запустил карасей. Я имел удовольствие посидеть с удочкой на берегу искусственного водоёма.

На следующий день мы отправились знакомиться с Сургутом. Это один из старейших сибирских городов, основанный в 1594 году князем Фёдором Барятинским по поручению царя Фёдора Иоанновича. В считанные недели на правом берегу Оби вырос деревянный рубленый город с двумя воротами и башнями. В нём разместились воеводский двор, пороховой погреб, тюрьма, государевы амбары и церковь. Население составляло сто пятьдесят пять служилых людей. Город был построен вблизи хантыйского поселения. Обширная местность этого племени называлась «сургут», что в переводе означало рыбное место. Слово состоит из двух древнеюгорских слов «сор» и «кут». Слово «сор» переводится как «заливная пойма реки», а слово «кут» означает «рыба».

С восемнадцатого века город был местом политической ссылки. Сюда ссылались участники восстания Степана Разина, декабристы.

В шестидесятые годы прошлого века Сургут стал центром добычи нефти и газа. Сегодня является одним из крупнейших культурных и промышленных центров Ханты-Мансийского автономного округа. Население составляет около трёхсот тысяч человек.

Через несколько дней мы на маршрутном малолитражном автобусе отправились в Ханты-Мансийск. Бетонная дорога проходила через массивы леса и большие участки болот с низкорослой тундровой растительностью. Постоянно встречались перекрёстки с указанием номеров нефтяных скважин. Вдали виднелись вышки с факелами сжигаемого попутного газа. Навстречу потоком двигались легковые автомашины и гружёные тяжёлые самосвалы. Окружающий пейзаж оставлял неизгладимое впечатление. Шесть часов езды пролетели незаметно.

Остановились в гостинице «Хотэм». Хозяйка гостиницы – Нина Сергеевна – общительная женщина невысокого роста с обликом хантэйки пояснила, что слово «хотэм» на её родном языке означает – наш дом. Она имеет высшее медицинское образование. Много лет работала в санэпидемнадзоре, вышла замуж за русского врача Ивана Ивановича. Выйдя на пенсию, вместе с мужем построили на её родовом участке земли трёхэтажную деревянную гостиницу. Условия проживания отвечают самым высоким современным требованиям.

Хантыйский народ когда-то проживал от Урала до Енисея. В настоящее время ханты проживают в Северо-Западной Сибири на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области, а также на севере Томской

области. Исторически они расселены в бассейне реки Оби, от Нарыма до Салехарда, и многочисленным её притокам. Численность населения составляет около двадцати двух тысяч человек.

Ханты-Мансийск произвёл большое впечатление. Это красивый современный город с площадями, парками, музеями и множеством малых архитектурных форм. Архитектура высоких зданий поражает красотой и разнообразием.

Большой интерес вызвал этнографический музей под открытым небом «Турум-Маа», расположенный в живописной сибирской тайге на окраине города. В переводе «Турум-Маа» означает святая земля. Музей воспроизводит среду обитания коренного населения, исконные постройки жителей: лабазы, глинобитная печь для выпечки хлеба, летнее и зимнее жилища, в которых разместились предметы быта, орудия труда, одежда и украшения.

Меня, как охотника, привлекла «Охотничья тропа» – путик, проложенная по пересечённой местности. На ней выставлены различные виды капканов и ловушек для охоты на крупного и мелкого зверя.

В стороне находилось святилище с деревянными идолами.

После знакомства с достопримечательностями города, я посетовал Нине Сергеевне:

– За весь день хождения по городу не встретил ни одного ханта. Мне очень хотелось увидеть их в национальной одежде.

Она рассмеялась и, чтобы не обидеть меня, стала рассказывать:

– В городе проживает восемьдесят тысяч человек, из них ханты составляют около четырёх процентов. С развитием нефтегазовых промыслов к нам приехали специалисты сотни национальностей. Никто не носит свою национальную одежду. Я её даже не имею. Если желаете встретиться и поговорить с моим народом, поезжайте в посёлок Кышик. Мы считаем его своей столицей.

– Как попасть в Кышик?

– Расстояние всего восемьдесят километров, но попасть туда можно только по воде. Каждое утро из речного порта уходит катер.

Предложение оказалось очень заманчивым, хотя и рискованным. У нас оставалось трое суток до отлёта самолёта из Сургута в Новосибирск. Можно было сутки провести в хантыйском посёлке, за следующие сутки добраться до Сургута и на третий день утром улететь домой.

Дорога в речной порт шла вдоль Иртыша. Неожиданно у подножия горы и на склоне увидел табуны доисторических животных. Я попросил водителя такси остановить машину. Перед нами в лучах яркого северного солнца стояли скульптурные группы мамонтов, волчья стая, первобытные бизоны, шерстистые носороги, пещерные медведи и львы, большерогие олени и другие животные. Немного в стороне разместилась стоянка первобытного человека. Со слов водителя, в Археологическом парке стоят скульптуры животных, останки которых находили на территории Югории. Кости мамонтов нашли недалеко от этого места.

Катер на воздушной подушке отошёл от причала в Ханты-Мансийске и помчался вниз по Иртышу. Два мотора, расположенные над кормой, как у аэросаней, гудели с такой силой, что приходилось наклоняться к собеседнику, чтобы слышать его речь. При

впадении Иртыша в Обь на воде стояла плавучая часовня с куполом и крестом. Здесь отчётливо виделось слияние голубой воды Иртыша с мутной водой Оби.

Северный ветер гнал волны по Оби против течения. Катер затрясло, как на стиральной доске. Капитан повернул судно к берегу, и оно помчалось по залитым весенним паводком лугам и островам. Из воды росла густая зелень. На большей скорости трудно было определить, камыш это или осока. Складывалось впечатление, что мы не плывём, а едем по зелёному лугу. Через сорок километров Обь делает петлю, волнение стихло, катер пересёк русло к правому берегу и вошёл в устье реки Назым. Её левый берег низкий, болотистый, с типичной тундровой растительностью. Правый – высокий, холмистый, покрытый хвойным лесом.

В кубрике против меня за столом сидела женщина пенсионного возраста с девочкой. Я обратился к ней:

- Скажите, пожалуйста, далеко ещё до Кышика?
- Сорок километров. Вы к кому едете?
- Ни к кому. Хочу посмотреть посёлок, поговорить с людьми.
- Обратно вы можете уехать только завтра, если придёт катер.
- У меня на него взят билет. Почему он может не прийти?
- В штормовую погоду рейс отменяется.

В мою душу вкралось беспокойство. Перспектива остаться здесь на несколько дней и пропустить рейс самолёта, на который куплен билет, меня не устраивала.

– Где вы думаете ночевать? – спросила меня незнакомка.

– Стоят белые ночи, на улице теплынь, разведу в лесу костёр и прокоротаю до утра, – пошутил я.

– Этого делать не следует, – серьёзно или в шутку произнесла она, – можете поджечь лес, а следом сгорит посёлок. Я устрою вас в дом Ветеранов на ночлег.

– Спасибо. Скажите, как вас звать?

– Зинаида Николаевна.

– Очень приятно, теперь у меня есть знакомый человек в посёлке, – произнёс я и представился.

– Чем вы занимаетесь? – спросил Зинаиду Николаевну.

– Я пенсионерка. Работы хватает по домашнему хозяйству. Ездила к сыну в Ханты-Мансийск за внучкой.

– Чем занимается муж?

– Он профессиональный охотник, имел свой промысловый участок. С ликвидацией госпромхоза и снижением спроса на пушнину, занялся рыбалкой, создал частное предприятие, рыбу сдаёт на рыбозавод.

Катер подходил к посёлку. В глаза бросился бесконечный ряд дюралевых лодок с подвесными моторами, стоявших на воде вдоль берега. Капитан осторожно выехал воздушной подушкой на отмель, матрос спустил трап, и пассажиры вышли на невысокий берег. Вдоль реки тянулась насыпь, отсыпанная из песка и щебня, защищающая посёлок от подтопления при паводках.

Зинаиду Николаевну встретил муж на пикапе. Она представила ему меня. Мы поздоровались. Он назвался Николаем Петровичем.

Пикап медленно катил по улице посёлка мимо добротных деревянных домов. Почти у каждого дома или во дворе стояли машины. Жители предпочитали вездеходы. Можно

было видеть старенькие ГАЗики, УАЗы и полноприводные машины иностранных марок. Я спросил у Николая Петровича:

– Почему с лодок не убирают моторы?

– У нас нет воровства.

– Куда можно уехать из посёлка на машине? – задал я очередной вопрос, надеясь побывать в стойбище хантов.

– На машине дальше посёлка не уедешь. На промысловые участки и в стойбища можно проехать только на лодке.

– Зачем же тогда у каждого дома стоят машины?

– С наступлением зимы начинается езда на машинах по зимнику к местам рыбалки и охоты.

Машина остановилась около небольшого деревянного домика на окраине посёлка. Зинаида Николаевна нашла ключ, спрятанный в известном ей месте, и, открыв дверь, пригласила внутрь. В обширном зале стояли кресла и стулья, на полу раскинулся ковёр. В соседней комнате меня привлёк баян. Перехватив мой взгляд, Зинаида Николаевна пояснила:

– Здесь проходят репетиции нашего хора.

Затем добавила:

– Располагайтесь на диване, я принесу постельное бельё. Вечером приглашаю в гости, муж сможет много рассказать вам об охоте и рыбалке в наших краях. Знакомство с поселком советую начать с поселкового Совета. Там посоветуют, с кем из охотников можно пообщаться.

Рога лося

Промысловый участок Владимира Степановича Фищук раскинулся вдоль речки Вандыях, впадающей в Назым. Промышлял он куницу, соболя, белку. Госпромхоз ежегодно выдавал лицензии на заготовку мяса лося. В его памяти сохранилось много интересных встреч с медведями и лосями, которые достойны описания.

Шёл Владимир Степанович по тайге. Радовался первому снегу и тёплой погоде. Переваливал один бугор за другим. Высокие сосны и ели плотной стеной часто преграждали дорогу, их приходилось обходить стороной. Собаки Тузик и Белка убежали вперёд. С очередного бугра услышал лай собак и поспешил им на помощь.

Собаки держали крупного лося. Рога-лопаты с многими отростками и горб на лопатках выдавали его возраст. Не смог охотник подойти к зверю на выстрел. Лось сделал прыжок на собаку и на махах скрылся из виду. Собаки увязались за ним. Владимир Степанович пошёл по следу. Километров через шесть устал, сел на валёжину, развёл костёр и приготовил чай. Попивая ароматную влагу из деревянной плошки, думал: «Если собаки поставят зверя, пойду на лай».

Лай раздался сбоку. Видимо, зверь сделал круг. Сдерживая волнение, охотник осторожно подошёл к лосю. Сражённая пулей, тяжёлая туша рухнула на землю. Собаки с остервенением набросились на неё. Подойдя к добыче, Владимир Степанович удивился – лось был без рогов. Присмотревшись, увидел на голове две кровавые раны на месте рогов.

Не теряя времени, разделал тушу, накормил собак требухой. Они с чувством выполненного долга с раздутыми животами улеглись в стороне. Над лесом уже кружил ворон, гортанным криком созывая родичей на пир. Владимир Степанович подумал: «Как ворон узнал, что здесь можно будет пожить? Почуял запах мяса или прилетел на звук выстрела?» Не найдя ответы на свои вопросы, привязал Белку к стволу дерева и приказал: «Охранять». Сам отправился за «Бураном».

На следующий день любопытство заставило охотника пройти по следу зверя в пята и найти рога. Лось на большой скорости пробежал между двух пихт, задел стволы деревьев рогами и обломил их.

Пакостный медведь

Владимир Степанович построил вторую избушку на своём промысловом участке. Не думал охотник, что его соседство не понравится медведю, который многие годы считал себя единственным хозяином этой местности.

Поехал весной на рыбалку. Вода в реке высокая, из воды торчали только верхушки кустов тальника. С плёс постоянно поднимались стаи уток, они ещё не выбрали место для гнездования. Владимир Степанович весной никогда уток не стреляет, чтобы не загубить самочку. Против зимовья заглушил мотор, подвёл лодку к берегу и привязал к дереву, росшему около воды. Поднялся по косоугору к избушке и видит: замок сломан, дверь выломана. Внутри все вещи разбросаны, стол и печь повалены, продукты съедены. Обругал медведя последними словами, навёл порядок, а уезжая, забил дверь длинными гвоздями, оставив шляпки так, чтобы можно было выдергой легко вытащить.

Летом, посетив избушку, обнаружил разбитое окно, на земле валялись стёкла и поломанные рамы. В избушке разгром, маслянистые следы зверя. Он изгрыз бутылку подсолнечного масла.

«Ну, зверюга, ты у меня получишь по заслугам при встрече», – вслух выругался охотник.

Осенью Владимир Степанович приехал в зимовье заготовить дрова на зиму. Собак с собой не взял, чтобы не ушли за зверем. Пилил дрова до позднего вечера, поужинал и улёгся спать.

В это время хозяин тайги обходил свои владения по берегу реки. Обнаружив лодку, обнюхал её и по следу человека подошёл к избушке.

Владимир Степанович услышал шум шагов, соскочил с постели и выглянул в окно. Крупный медведь с огромной головой ходил около избушки. Зажёг керосиновую лампу, схватил ружьё и встал в угол, приготовившись стрелять, если зверь появится в двери. Миша не ломал дверь, он обходил избушку, шурша сухой листвой. Владимир Степанович приоткрыл дверь и выстрелил вверх. Его охватило неприятное чувство боязни зверя. Он до утра не спал и не гасил огонь.

Медведь три года ломал дверь в избушке, давая понять охотнику, чтобы уходил из его владений. Зверя поймали в петлю охотники на соседнем промысловом участке, проказы прекратились, и Владимир Степанович спокойно продолжал охотиться.

Встреча на черничнике

Хорошее место для посёлка Кышик выбрали ханты. В окрестностях растёт всевозможная ягода. Первой собирают морошку, затем чернику и голубику, позже бруснику и клюкву.

Зинаида Николаевна уговорила мужа Николая сходить за черникой. К ним присоединилась её подруга Тася.

Николай с детства знал все ягодные места и привёл женщин на поляну, покрытую расписным ковром из ягод. Дело спорилось быстро, вскоре вёдра были почти полными, и компания решила позавтракать. Развели маленький костёр, приготовили чай и разогрели мясные консервы. После завтрака Николай закурил, а женщины пошли за кусты по надобности. Бывалый охотник каким-то чувством по интуиции определил, что за спиной кто-то стоит. Оглянулся и видит метрах в пятидесяти идёт к нему чёрный небольшой медведь. Он закричал во всё горло. Медведь продолжал идти. Крикнул второй раз. Медведь остановился.

– Зачем кричишь? – раздался из кустов голос Зины.

– Медведь!

– Не ври!

– Быстро идите сюда!

Женщины вернулись, и видят недалеко стоит медведь и смотрит на людей немигающими глазами. Зина начала стучать в ведро, а подруга бегать вокруг деревьев, выбирая ствол, по которому можно забраться.

– Подбросьте веток в костёр, – произнёс Николай, а сам достал из кармана перочинный нож.

Он очень пожалел, что не взял с собой ружьё. Небольшой костёр не испугал зверя. Он продолжал стоять и смотреть на людей.

– Гасите костёр, – скомандовал Николай, – будем потихоньку уходить.

Когда ушли на приличное расстояние, Зина спросила мужа:

– Зачем медведь пришёл к нам, ему разве мало ягод вокруг?

– Его привлёк запах консервов. Видимо, он уже облизывал банки, брошенные в лесу.

На просторах Васюганья

Встреча с волками

В те годы Валентин работал вахтовым методом на нефтяном месторождении «Олень». Всё свободное время проводил на охоте. Даже редко улетал домой, когда прилетала смена. Его излюбленным местом охоты был лесной массив по берегу реки Моховой около впадения в неё речки Мохна. Здесь встречались участки смешанного леса, массивы соснового и пихтового. В девственном лесу водились разнообразные звери и птицы. Из-за отдалённости от посёлка сюда никто из охотников-любителей не забредал. Валентину – прирождённому охотнику, пройти десять километров труда не составляло.

Третий день валил снег. В безветренную погоду он беспрерывно сыпал как из рога изобилия. Валентин сокрушался: «Когда же он прекратится?» Его напарник по работе на земснаряде шутил:

– Наверное, Всевышний не пускает тебя на охоту. Хватит дичь изводить.

– Тебе шуточки, а у меня все капканы и петли завалит.

Только на пятый день снегопад утомился. Валентин закинул на плечо ремень ружья, надел широкие охотничьи лыжи, подбитые камусом, взял в левую руку палку, с которой никогда не расставался, и зашагал по глубокому снегу. Две лайки-полукровки выбрались из-под вагончика и бросились за ним. Им надоело дремать без дела, но побарахтавшись в снегу несколько метров, благоразумно вернулись на своё место. Валентин мысленно одобрил их решение. По глубокому снегу собака в лесу не помощница.

Не зря поговорка гласит: «Охота пуще неволи». Долго Валентин топтал рыхлый снег, добираясь до места охоты. Снег осыпался в глубокую лыжню, и ему приходилось поднимать его вместе с лыжами. Все капканы оказались пустыми. Пока их обходил и настораживал, наступили сумерки. Зимний день на севере очень короток. «Надо успеть до темноты проверить петли, поставленные на зайцев, – подумал Валентин, – может хоть в них будет добыча».

Петли, как и капканы, завалил снег. Только одна, поставленная на заячьей тропе, проходящей через небольшую поляну, уходила под снег натянутой. С предчувствием хорошей добычи Валентин поспешил к петле. Он уже мечтал вернуться домой с зайцем-беяком. Сняв рукавички, стал вытягивать проволоку из снега. К его удивлению в петле оказался косач. «Как ты угодил в петлю, поставленную не для тебя?» – спросил охотник тетерева. Косач ответить не мог. Видимо он облюбовал для ночлега эту поляну и, ныряя в снег, угодил в петлю.

Тайгу окутала холодная тёмная ночь. На небе не видно ни луны, ни звёзд. Валентин брёл по своей лыжне. Ему не впервые ходить ночью. В это время обостряются все чувства. Лес становится неузнаваемым и враждебным. Иногда пенёк или куст можно принять за дикого зверя. Его лыжи споткнулись о снежную траншею, проложенную поперёк лыжни. «Интересно, кто здесь прошёл прорыв глубокую борозду?» – подумал Валентин и достал из рюкзака фонарик-динамо. Жужжа им, долго рассматривал странный след, пока на дне не обнаружил отпечаток волчьей лапы. «Вот так встреча, – подумал он, – значит, здесь не один я охочусь».

Через несколько километров старую лыжню пересекли прыжками три волка в обратном направлении относительно первого следа. Всматриваясь в темноту по направлению уходящих следов, Валентин на мгновение заметил слева блеск двух зелёных огоньков. Не раздумывая выстрелил в темноту по направлению волка. Второй выстрел произвёл в противоположную сторону. Оставив воткнутую в снег палку, взял ружьё наизготовку и продолжил путь. Зелёные огоньки волчьих глаз мелькали то справа, то слева. Он навскидку стрелял по ним. Волки окружили его, но на верный выстрел не приближались. Расстреляв большую часть патронташа, подумал, что патроны надо беречь. После очередного выстрела картечью, услышал вой раненого волка, а затем рычание и клцанье зубов. Стая на время отстала от него. К посёлку подходил с последним патроном в стволе. Собаки, всегда

встречающие его при возвращении с охоты, на этот раз не вылезли из своего убежища.

Рассказав мне об этом приключении, он добавил: «С медведями мне приходилось встречаться десятки раз, их поведение всегда предсказуемо, они не преследуют человека, если тот не причинил им вреда, а волки настоящие бестии».

Росомаха

Спокойно несёт свои мутные воды река Кательга. Она берет свое начало в Васюганских болотах и через сто двадцать километров впадает в реку Васюган. По воде вниз по течению скользит одинокая маленькая лодка, называемая веткой. Валентин Петров не спеша поднимает весло и бесшумно опускает в воду. Он наслаждается возможностью побыть наедине с природой. Окружающий мир радует его, дарит ощущение свободы и праздника.

Стояли короткие дни северной осени. Кедровый лес дремал на берегах реки. Прохладный воздух замер над рекой. Такая тишь бывает только перед восходом солнца. Вот лучи солнца коснулись вершин могучих кедров, и они засияли золотыми блёстками.

Валентин пристал к левому берегу реки около безымянного ручья. На взгорье под высокими кедрами стояла маленькая избушка. Её он обнаружил в прошлом году. По брошенным старым вещам легко определил, что она принадлежала ханту охотнику.

В семидесятых годах прошлого века при освоении месторождений нефти вдоль Кательги проложили дорогу между вахтовыми посёлками Кательга, Пионерный и Первомайский. Постоянный шум техники вынудил хантов покинуть традиционные места охоты.

За год успешной охоты в этом месте Валентин убедился, что звери не покинули родные места. Он приплыл, чтобы наловить рыбы для привады.

Возвращаться в посёлок гидронамыва решил пешком. Положил на крышу избушки два мешка сорной рыбы, чтобы протухла к началу промысла пушных зверей, надел на плечи рюкзак и зашагал по профилю, проложенному через кедровую тайгу. Лес встретил его печальным шёпотом. Деревья лениво шевелили ветвями на вершинах. Воздух казался насыщенным терпким запахом смолы. Валентин заметил тетеревов, сбившихся в большую стаю – верный признак приближающейся зимы. Тропа тянулась вдоль левой стороны профиля. Рядом стояли деревья трудно проходимой стеной. Между вековыми кедрами поднималось несколько поколений подлеска. Тонкие щуплые деревья поднимались на несколько метров и засыхали под кронами своих родителей, заслонивших солнечный свет. Им на смену появлялась новая поросль, которая, достигнув определённого возраста, тоже засыхала.

Тропа проходила около небольшого болота, заполненного водой. Его окружили сказочные кедры. От толстых стволов по земле, как щупальцы осьминогов, во все стороны расползались толстые корни.

Через час Валентин вышел на бетонную дорогу. Мчавшийся по трассе самосвал резко затормозил и остановился около него. Валентин даже не успел поднять руку. На севере не принято проезжать мимо одинокого человека.

Из высокой кабины КраЗа Валентин залюбовался окружающей местностью. Дорога тянулась по кромке труднопроходимого лесного массива, в котором преобладали кедры. Справа тянулось клюквенное кочковатое болото с низкой растительностью, среди которой преобладали багульник, карликовые берёзки и ивы. Изредка торчали сухие деревья, не достигшие высоты трёх метров.

Первый снег не заставил себя долго ждать. Снежный покров всегда приносил Валентину хорошее настроение и радостное возбуждение. Он с двумя молодыми лайками подходил к избушке ханта. Здесь его повергли в отчаяние разорванные мешки из-под рыбы. Зверь, уничтожив приваду, лишил его успеха в предстоящей охоте. На снегу были видны следы росوماхи. Ночью она подходила к избушке и выкапывала из-под тонкого покрова снега остатки, разбросанной рыбы.

У Валентина закипела злость на грабителя. Ему захотелось немедленно разыскать хищника и уничтожить. Собаки, почуяв след незнакомого зверя, взъерошили шерсть, но идти по следу не хотели. Хозяин впервые обругал их словами, которые раньше никогда не произносил, нашёл угонный след и устремился по нему. Собаки следовали рядом. Когда след пошёл вверх по крутому склону, лайки неожиданно осмелели, обогнали его и помчались вперёд. Не прошло минуты, как на вершине холма раздался лай. «Держат зверя», – подумал Валентин и изо всех сил побежал в гору. Немного не добравшись до вершины, услышал визг собак, и окровавленные лайки скатились ему под ноги. За деревьями черным пятном мелькнула росوماха. Охотник не успел вскинуть ружьё, как она исчезла из вида. Оскорблённые собаки нанесёнными им ранами, видя, что хозяин преследует их обидчицу, унеслись вперёд. Валентин весь день бродил по тайге, преследуя зверя. Он надеялся, что собаки загонят её на дерево, и он сможет подойти на выстрел, но этого не случилось. Лайки несколько раз облаивали хищницу, но она легко уходила от них.

Зима в тот год оказалась многоснежной, копытные животные откочевали, а вслед за ними и их пастухи – волки. Росوماхе стало труднее находить пищу. Её считают бродягой, способной в поисках пищи преодолевать десятки километров. Вместе с тем она, как многие хищники, предпочитает знакомый участок, по периметру которого оставляет мочевые метки. Валентин неоднократно встречал её следы.

На обычном маршруте зверя появились люди. Она слышала шум техники, разные запахи и обходила посёлок стороной. Голод заставил приблизиться к посёлку, запах помойки недалеко от столовой посёлка гидронамыва тянул её к себе как магнитом. Для падальщицы там было чем поживиться. Её учуяли собаки и с лаем бросились на непрошеную гостью. Росوماха не хотела покидать место своей добычи и забралась на высокий кедр.

Неистовый лай собак разбудил Валентина. Он оделся, взял ружьё и вышел на улицу. Осторожно подойдя к дереву, увидел в кроне кедра на толстой ветке у ствола силуэт зверя. После выстрела росوماха свалилась в снег. Собаки бросились на неё, в яростной схватке в снегу крутился клубок тел. Неожиданно собаки оставили жертву

и отбежали в сторону. Одна с разорванным носом, вторая с раной на боку. Раненая россомаха лежала на спине и оборонялась лапами с длинными когтями. От неё исходил едкий запах. Воспользовавшись перерывом в схватке, Валентин выстрелил из второго ствола. Зверь обмяк, закончив жизненный путь. Собаки с остервенением набросились на поверженного врага, вцепившись в загривок и горло.

У Валентина не было на душе радости, ему даже было жаль зверя, который жил в тайге по своим законам, а человек вторгся в его владения, и между ними стали возникать конфликты. Он отозвал собак и рассмотрел добычу. Перед ним на снегу лежал зверь с небольшой головой, на которой в густой длинной шерсти торчали закруглённые уши. Тёмно-коричневый окрас имел светлые полосы по бокам. «Вот какой мех используют для оторочки головных уборов полярников, – думал Валентин. – Он обладает уникальным свойством: никогда не покрывается изморозью».

Кедр

Утро вступало в свои права. Северное солнце, выкатившись на небосвод, озарило лучами лес и реку. Туман, клубившийся над водой, начал быстро рассеиваться. Валентин плыл на обласке по Катальге проверять жерлицы, поставленные накануне. За изгибом реки его внимание привлекло необычное зрелище. Он даже перестал грести, предоставив обласок течению. На левом берегу стоял могучий кедр. Его развесистая густая крона в лучах солнца казалась окрашенной золотом. Валентину неоднократно приходилось видеть цветущие кедры, но такую яркую окраску видел впервые. Проплывая мимо кедра, увидел поверхность воды, усыпанную пылью. Он знал, что после опыления урожай на дереве появится только через восемнадцать месяцев. Валентин подумал: «Толщина ствола будет обхвата два, а высота больше двадцати метров. Наверное, кедру несколько сот лет».

На следующий год осенью Валентин, проверив сеть, поставленную на ельцов, навел на понравившееся ему дерево. Оно было усыпано крупными шишками. Их цвет уже из фиолетового перешёл в коричневый, но они ещё крепко держались на ветках. На земле не было видно ни одной шишки. Валентин стал размышлять, как забраться на дерево и сбить урожай. До нижних веток было около трёх метров. Залезть по толстому стволу возможности не было. Рядом с кедром росла стройная пихта. Ему пришла мысль: залезть на пихту, раскачать вершину, ухватиться за ветку кедра, подтянуться как можно ближе к стволу кедра и перебраться на него. Задуманное выполнить удалось. Он лез по кедру всё выше и выше, резко ударя ногой по каждой ветке. Шишки градом сыпались на землю. Больше всего шишек было на вершине, но туда добраться не смог. Немного отдохнув, начал спускаться вниз. Когда оказался на нижней ветке, то ужаснулся. До веток пихты не дотянуться. «Как же я не догадался привязать пихту к ветке кедра», – подумал Валентин. «Придётся прыгать», – решил он и посмотрел вниз. От ствола кедра во все стороны по земле, как щупальцы спрута, отходили толстые корни. «Можно сломать ногу», – решил Валентин и передумал прыгать.

В экстремальных условиях всегда находятся решения. Он достал из ножны охотничий нож, срубил ветку, очистил её так, чтобы получился крючок. Затем снял рубашку, привязал одним рукавом крючок. После нескольких попыток ему удалось зацепить ствол пихты. Теперь стоя на ветке, он медленно подтягивал пихту. Неожиданно ветка под ногами треснула и стала наклоняться. Ему пришлось выпустить из рук рубашку и обеими руками уцепиться за ветку над головой. Перебравшись к стволу на толстую ветку, присел и задумался. Его рубашка флагом висела на соседнем дереве. Новое решение пришло быстро. Он решил по нижней толстой ветке отойти как можно дальше от ствола, повиснуть на ней и прыгнуть на землю.

Держась рукой за ветку над головой, Валентин как артист-канатоходец медленно продвигался всё дальше и дальше от ствола кедра, стараясь не смотреть под ноги. Когда ветка под ногами начала медленно прогибаться, присел и ухватился за неё руками. В это время ветка в руке резко согнулась, он потерял равновесие и полетел вниз. Упав на землю, почувствовал жжение тела. Его окружала высокая крапива, заросли которой тянулись вдоль реки. Раздвигая голыми руками стебли, покрытые жгучими волосками, пробирался к лесу. Листья крапивы хлестали его тело. Оказавшись на чистом месте, понял, что увечья при падении не получил. Обожжённое тело горело, как ошпаренное кипятком. Он подумал: «Не зря соседнее месторождение нефти называется: «Крапивинское».

Волчица

Валентин возвращался с рыбалки через пихтово-еловый лес, опираясь на палку из ствола засохшей ели. Плечи оттягивал рюкзак со щуками и окунями, пойманными на жерлицы.

Тропа вывела к неглубокому оврагу, по которому весной стекали талые воды в речку Чертала. Здесь были заросли калины, смородины и черёмухи. Осенью постоянно встречались стайки рябчиков. Он внимательно всматривался через ветки, ещё не успевшие покрыться листьями, на противоположную сторону оврага, но птиц не увидел. Вдоль тропы, особенно вокруг сгнивших пней, росла ягода княженика. Это самая вкусная и ароматная северная ягода. Её листья похожи на листья земляники, а плод напоминает малину с приятным ароматом и привкусом ананаса. Княженику часто называют царской ягодой. Поняв, что до урожая ягод ещё далеко, вновь посмотрел через овраг. Там стояла собака и наблюдала за ним. «Далеко от посёлка забежал пёс», – подумал Валентин. Сделав несколько шагов, заметил, что у зверя живот оттянут сосками. «Волчица», – током обожгла мысль. Он остановился и достал из ножен охотничий нож. Про себя решил: «Где-то недалеко логово, если волчица набросится, суну в пасть палку и ударю ножом». Стоило ему остановиться – она скрылась за кустами. Валентин себя успокоил: «Волчица вела себя мирно, не скалила зубы и не вздёргивала носом. Он и раньше видел её следы на тропе, но думал, что их оставили собаки. Видимо, она привыкла к его прохождению по тропе. После этих размышлений вновь появилась тревога: «Если поблизости логово, то где-то должен быть кормилец семейства».

Осматривая все стороны, с ножом в руке, готовый встретить нападение в любой момент, Валентин покинул опасное место.

Случайная встреча

Стояли последние тёплые дни сентября. Валентину не хотелось сидеть в душном вагончике. На смену ему заступать вечером. Он взял ружьё, положил в карман ветровки десяток патронов, заряженных дробью, и вышел на улицу. «Пройду по профилю до болота, посмотрю готовность клюквы для сбора, а по дороге, может быть, стрельну рябчиков», – решил он и зашагал по дороге, покрытой бетонными плитами. Когда дорога пересекла профиль, тянувшийся с севера на юг, он свернул в южном направлении.

Вдоль просеки стояли вековые кедры. Их стволы невозможно обхватить руками одному человеку, а густые развесистые кроны смыкались высоко над землёй и создавали вечную тень и мрак в бору. Под кедрами не росла трава и подлесок. На хвойной подстилке кое-где зеленела невысокая травка. В этом лесу находилось токовище глухарей, но Валентин не любил заходить вглубь кедрача. Он чувствовал себя неуютно в мрачном и хмуром бору. Поглядывая на кедры, он надеялся увидеть глухаря. Так он дошёл до поперечного профиля и повернул по нему на восток. С левой стороны громоздился завал высотой несколько метров из выкорчеванных деревьев. За завалом раскинулось болото, на котором росла клюква. Он шёл и поглядывал на завал, ища разрыв для прохода к болоту.

Неожиданно его собака бросилась сзади ему под ноги. Он развернулся, намериваясь её пнуть, но нога повисла в воздухе. За ним шёл чёрный медведь с белым пятном на груди. Валентин увидел у остановившегося зверя свирепую морду и злые глаза. Встречаясь неоднократно с бурыми медведями, ему казались их морды добродушными, а глаза удивлёнными и любопытными.

Потихоньку отступая от медведя, Валентин спустился в ложок, из которого зверя не было видно. Когда поднялся из ложка, медведь уже был в низине. Пройдя метров тридцать, встал за толстое дерево и достал из-за пояса топорик. Зверь поднялся из ложка и продолжал двигаться по профилю. Валентин закричал неистовым голосом и поднял топорик. Медведь в несколько прыжков перескочил завал и скрылся за ним. Валентин чувствовал себя как после тяжёлой работы: руки дрожали, сердце учащённо билось. Он не мог понять, почему медведь преследовал его. Год был урожайный, бескормица ему не грозила. Скорее всего, он хотел выгнать человека из своих угодий.

Валя вспомнил недавнюю встречу на этом профиле, возможно, с этим медведем. Он шёл по профилю, заросшему малиной, в западном направлении. Взлетевшие рябчики уселись на дереве. После выстрела из малинника в десяти метрах от охотника выскочил спавший там медведь и помчался в лес.

За клюквой

Небольшая речушка Лайка вытекает из болот. В её верховье Васюганские болота славятся урожаем клюквы. До недавних пор её плодами пользовались дикие звери и птицы. С приходом в этот край нефтяников, они не упускали возможности набрать даров природы.

В устье Лайки, впадающей в Катайгу, разместился вахтовый посёлок нефтяников. Саша Мезенцев с приятелем Виктором после окончания вахты остались в посёлке. Уложили в рюкзаки продукты, взяли палатку, мешки, ведра и всё необходимое для сбора клюквы. Подъехав до буровой скважины на автомашине, отправились пешком по заболоченному лесу.

Стояли тёплые сентябрьские дни. Воздух был насыщен запахами леса и болот. Под ногами хлюпала вода, они часто спотыкались о корни деревьев. Приходилось опираться на посохи, предусмотрительно взятые с собой. Им встретилась тропа, натопанная неизвестно кем. По ней идти стало легче. Она вывела их к болоту, которое тянулось до горизонта. Здесь было царство комаров, мошек и оводов. Они с писком и жужжанием набросились на людей. Под ногами лежали кочки, усыпанные красными ягодами. Виктор, отмахиваясь одной рукой от гнуса, наклонился, раздвинул пальцы второй руки, провёл по мху, сжал их и выпрямился. В горсти оказались крупные красные ягоды. Он положил несколько штук в рот, остальные бросил в ведро. Барабанная дробь донеслась со дна ведра.

– Не торопись брать ягоды, – произнёс Александр, – у нас впереди много времени. Надо сначала обустроиться.

Друзья вернулись по тропе, нашли в стороне сухое место и установили палатку.

Брать клюкву было одно удовольствие. Она лежала ковром на моховом покрове кочек. Саша резкими движениями кружкой сгребал клюкву с кочки в прижатое к ней наклонно ведро. До конца дня они набрали по три ведра, тяжёлые рюкзаки взвалили на плечи и отправились в лагерь.

Солнце склонилось к закату. В лесу стояла полутьма. Друзья сидели у костра и наслаждались кисло-сладким чаем с раздавленными ягодами клюквы. Первый день сбора ягод сулил хороший результат на последующие дни.

Наступала безмолвная ночь, их окутывала густая темнота. На небе медленно одна за другой зажигались звёзды. Ярче всех засветились огни Большой медведицы.

– Пора спать, – предложил Виктор и направился к палатке.

Устроившись удобно в спальном мешке, Саша прикинул в уме, сколько вёдер ягод ему надо, чтобы подарить по ведру каждому родственнику и произнёс:

– Урожай клюквы прекрасный, можно вёдер по пять в день набирать.

– Дня три поберём, и можно будет выносить ягоду к дороге, – ответил Виктор.

Под утро они услышали шум хлюпающих шагов. Кто-то шёл по тропе, залитой водой, нарушая покой ночи.

Когда шум затих в стороне болота, наступила тревожная тишина. Саша спросил:

– Кто это мог быть?

– Тот, кто натоптал тропу – лось или медведь.

Виктор почувствовал себя маленькой частицей в большом мире природы, в котором кроме них есть ещё звери, которые ходят в ночи, ничего не опасаясь. У него не было ни страха, ни опасения, ни тревоги. Появилось только неприятное ощущение, определить значение которого не мог. Сон как рукой сняло. Он вылез из палатки и начал разводить костёр.

Когда гречневая каша с говяжьей тушёнкой была готова, лучи солнца коснулись вершин деревьев. В их кронах проснулись кедровки и начали перебранку. В стороне застучал дятел, проголодавшийся за ночь. Из палатки высунулась голова Саши. Он втянул в себя воздух и сообщил:

– Вкусно пахнет.

– Хватит валяться, еда готова, пора на работу.

– Успеем набрать клюквы. В нашем распоряжении десять дней.

– Уже осталось девять, – парировал Виктор.

Саша отошёл на несколько шагов от палатки, умылся водой, стоячей между кочек, присел к костру и, накладывая кашу из котелка в миску, произнёс:

– Денёк обещает быть хорошим.

– Погода может испортиться. Ветер начинает качать вершины деревьев.

Хорошо подкрепившись, надев на плечи пустые рюкзаки, приятели направились по тропе к болоту. Их взгляды были направлены под ноги на тропу, которая виляла между кочек. Выйдя на кромку болота, не узнали места, на котором собирали клюкву. На истоптанных моховых кочках виднелись свежие экскременты медведя. Виктор посмотрел вдаль и увидел огромного медведя. Хозяин здешних мест увлечённо поедал клюкву, покачивая головой. Виктор не испугался, но чувство

самосохранения подсказало, что надо уходить от неожиданного соседа. «Хорошо, что ветер дует с болота», – подумал он и дотронулся до плеча Александра. Затем показал рукой в сторону медведя.

Друзья вернулись в лес и стали совещаться.

– Что будем делать? – спросил Саша.

– Было бы у нас ружьё, можно было бы его прогнать, а без оружия лучше подождать, когда он насытится и удалится.

– В прошлом году я пытался привезти ружьё, но во время посадки в вертолёт при досмотре заставили сдать в камеру хранения.

– Будем считать, что у нас сегодня выходной день.

Хорошо сидеть у костра в погожий вечер и смотреть на костёр. Языки пламени обтекают котелок, затем отскакивают, словно испугавшись холодного металла. Через некоторое время начинают лизать его со всех сторон.

Виктор поднялся с колодины и отошёл от костра. Воздух с запахом хвои и смолы, стоячей воды и прели окутал его.

Не успели приятели уснуть, как послышался шум на тропе. Медведь возвращался с кормёжки. Он остановился, учуяв запах лагеря.

Виктор затаил дыхание. Что предпримет зверь? Огромной туше не составит труда придавить их в палатке как мышей в мышеловке.

Немного постояв, медведь начал обходить палатку с подветренной стороны.

Александр расстегнул вход в палатку, на коленях выполз наружу и стал стучать в ведро. Виктор тем временем разжёл костёр. До утра они просидели у костра, вслушиваясь в звуки леса. Их слух обострился до предела. Любой шорох заставлял насторожиться, хотя оба понимали, что к костру зверь не подойдёт. Кроме ножей, для защиты у них не было оружия.

На сбор ягод отправились в полдень. От прошлого места сбора пришлось отойти в сторону. Медведя на болоте не было, но их не покидало чувство, что зверь где-то поблизости и наблюдает за ними из-за кустов. В лагерь вернулись рано с полными рюкзаками и вёдрами клюквы.

– У меня такое чувство, что мишка где-то рядом наблюдает за нами, – произнёс Александр.

– Осень в этом году богатая. Уродилось достаточно ягод и орехов. Он всюду может найти корм.

– Может, ему не нравится, что мы вторглись в его владения. Во всяком случае надо всю ночь по очереди дежурить у костра.

Ночь прошла беспокойной. В лесу слышались тревожные звуки и хруст веток под тяжестью зверя. Он сытый, набрал уже жира перед долгим сном. Должен быть добрым, не агрессивным, но ему не нравится соседство людей. Возможно, где-то поблизости подготовил берлогу на зимнюю спячку.

После завтрака приятели решили собирать ягоды до обеда, а к вечеру вынести урожай к качалкам и там заночевать.

На родине

Прошло семьдесят лет с тех пор, как Валентина Петрова подростком вывезли родители с берегов Енисея. Пожар, бушевавший на левом берегу реки, уничтожил большие площади Туруханской тайги и заставил людей покинуть родные места. Лес их кормил. Мужчины работали в леспромхозе, занимались охотой. Женщины собирали ягоды, грибы, кедровые орехи. В одночасье все промыслы уничтожил огонь.

Валентин многие годы мечтал посетить край, в котором родился и вырос, научился охотиться и рыбачить. Ему хотелось навестить маленький деревенский скверик в посёлке Ворогово, в котором стоит памятник с именами односельчан, погибших в годы Великой Отечественной войны, разыскать фамилию своего отца.

По ночам ему часто снился енисейский берег с лодками на песчаной косе, кедровый лес с тяжёлым урожаем на ветвях. Во сне он бродил по берегам рек Чубчес, Вороговки, Тугулана.

И вот ему представился случай поехать на родину. Поездом доехал до Енисейска, затем на «Метеоре» пустился в плавание вниз по Енисею. Ему не хотелось спускаться в салон. С палубы виднелись оба берега и простор могучей реки шириной около пяти километров. Валентин наслаждался скоростью судна, которое с каждой минутой приближало его к родине. Его мысли уже были в посёлке Зотино. Там сменились три поколения его родственников. Ему удалось разыскать внуку двоюродного брата Ирину, которой сообщил о своём приезде.

Август приближался к концу. Солнце сияло на небосводе, но грело уже слабо. В сентябре в Туруханском районе уже могут появиться белые «мухи». По небу плыли хмурые тучи, над Енисеем летели стаи уток, спешившие покинуть родные места до наступления холодов. Дул северный ветер, поднимая на поверхности воды встречные волны. Когда ветер усилился, «Метеор» затрясло. «Трясёт, как машину на лесовозной дороге», – подумал Валентин.

Около Зотино «Метеор» сделал полукруг и против течения ткнул носом в песчаный берег. Матросы спустили трап, и мужчина с рюкзаком на спине первым сошёл на песчаную косу. Ему хотелось скорее оказаться на родном берегу. «Раньше колесные пароходы останавливались на рейде и пассажиров свозили на берег лодками», – подумал Валентин.

Небольшая группа местных жителей встречала приехавших в посёлок. «Которая из женщин моя внучатая племянница?», – подумал Валентин и остановился в десяти шагах от них. Он был единственным не местным жителем из приехавших пассажиров. Мужчина средних лет отделился от толпы и направился к нему.

– Вы Петров? – спросил Валентина.

– Я.

– Меня попросила соседка Ирина вас встретить, пойдёте к машине.

Они ехали по знакомым Валентину улицам. Зотино типичный таёжный посёлок с пятью улицами. Их названия: Школьная, Таёжная, Советская – говорят сами за себя.

Точная дата основания села Зотино неизвестна, но есть сведения, что с 1626 года вблизи устья реки Дубчес стояло мангазейское зимовьё, поставленное для сбора ясака с местных племён. Следующее упоминание относится к 1637 году. Переселенец Голубев на месте нынешнего села Зотино построил землянку и получил грамоту от царя Михаила Фёдоровича Романова сроком на десять лет: «Пашню распахать и вольных людей призывать, слободу строить». С тех пор слобода превратилась в посёлок Зотино.

На следующий день после приезда Валентин рано утром собрался в тайгу. Ему не терпелось увидеть знакомые места, узнать, какие произошли изменения. Муж Ирины предложил поехать на вахтовой машине с лесорубами, но он отказался.

Ему хотелось пройти пешком и увидеть, какие изменения произошли в знакомых с детства местах. Его путь лежал по лесовозной дороге вдоль правого берега реки Дубчес. На бывших гарях вырос густой сосновый лес. Высокие деревья тянулись к солнцу, слабо развиваясь в толщину. «Из таких стройных деревьев можно делать мачты для парусных судов», – думал Валентин.

Лесовозная дорога уходила в верховья Дубчеса, там, на гривах, среди болот, сохранился старый лес, заготовку которого вёл лесопромышленный участок, расположенный в Зотино.

Валентин радовался способностью природы восстанавливаться после пожара. Вырос не только лес, его заселили звери и птицы. Ему встречались несколько раз рябчики и тетерева. Приятные чувства вызвала рыжая лиса, перебежавшая впереди дорогу.

Пройдя по лесовозной дороге около пяти километров, повернул на юг и подошёл к Мёртвому озеру. Обошёл его стороной и поднялся на невысокую гриву. Перед его взором открылась местность, покрытая белым мхом – ягелем, над которым рос брусничник с тёмно-красными кистями ягод. Он снял рюкзак, присел, затем стал коленями на мягкую моховую подстилку и занялся сбором брусники.

Из туч, плывущих по небу нескончаемой чередой, начал моросить дождь. «Пора возвращаться домой», – подумал Валентин, поднялся на ноги, определил направление на Зотино и двинулся напрямую. Через какое-то время ему встретилась просека с давно неезженной дорогой. «Любая дорога в тайге ведёт к населённому пункту, эта скорей всего идёт к старому верхнему лесному складу на берегу Енисея», – подумал Валентин и бодро зашагал по ней.

Просека тянулась по кедровому лесу. Молодые полувековые деревья стояли вдоль дороги. Наступили сумерки, он споткнулся о толстую ветку на дороге. Под

кедрами всюду валялись сломанные ветки. Валентин присмотрелся и увидел следы медведя. Продолжая шагать вперёд, услышал треск сломанной ветки на дереве, остановился и поднял голову вверх. На дереве маячил силуэт медведя.

В лесу раздался душераздирающий крик человека. Валентин кричал не от страха, он хотел напугать хозяина тайги. Это ему удалось. Медведь, падая с вершины дерева, ломал ветки. Упав, соскочил, присел и бросился бежать через дорогу вглубь тайги. Валентин проводил его взглядом, поднял с дороги палку и вынул нож, на случай если зверь захочет вернуться. Другого оружия у него не было. Проходя мимо места падения медведя, заметил жидкие следы медвежьей болезни.

Уже давно стемнело, а он продолжал идти. Когда в просвете между тучами увидел Малую медведицу и Полярную звезду, понял допущенную ошибку. Просека вела строго на юг. Не раздумывая, повернул на восток, чтобы выйти к берегу Енисея. Идти приходилось крадучись, чтобы не удариться о дерево или не споткнуться о валежину. Периодически морозящий дождь, перешёл в ливень. Его одежда быстро промокла, в сапогах хлюпала вода. Присесть и вылить воду из сапог не имело смысла.

К берегу Енисея вышел против Проклятых островов, которые расположены от Зотино выше по течению Енисея. Эти острова пользовались у местных жителей дурной славой. По преданию в давние времена на них свозили провинившихся людей, привязывали к деревьям и оставляли на съедение гнусу. В тридцатые годы на них свозили осуждённых, расстреливали и закапывали.

Валентину пришлось преодолеть в прибрежных кустах нагромождение деревьев и мусора, принесённых весенним паводком, чтобы выйти на прибрежную косу. По каменистому берегу идти стало легче, но он делал дугообразный поворот по излучине реки. Валентину пришлось свернуть в лес и идти напрямую в сторону посёлка. Он попал в труднопроходимый рям. Изрядно намучившись, решил выйти на просеку, чтобы по ней идти в сторону поселка. По дороге шагать стало легче. Проходя через заросли низкорослого ельника, заметил, что параллельно ему движется медведь. «Неужели преследует меня?», – подумал Валентин и вернулся на берег Енисея. Его силы были на исходе, он с трудом передвигал ноги. «На открытом пространстве, – думал он, – медведь вряд ли будет нападать на человека. Если же решится, брошусь в воду. Лучше утонуть, чем быть растерзанным зверем».

Перед посёлком присел на бревно, снял сапоги и вылил из них воду. Ему с трудом удалось подняться на ноги. Пришёл домой утром, Ирина помогла снять сапоги. Не переодеваясь, свалился на диван и проспал почти сутки. . .

Через неделю после возвращения в Новосибирск в квартире Валентина раздался телефонный звонок. Звонила Ира. После непродолжительного разговора сообщила:

– Возле посёлка появился медведь. Это не вы его привели за собой?

Валентин не был уверен, что это тот медведь, который преследовал его, но решил пошутить:

– Пожалуйста, не рассказывай никому, что я привёл медведя, а то хозяева коров могут меня побить при следующем приезде.

РАССКАЗЫ БЫВАЛОГО АЛТАЙЦА

Дух гор

Во время путешествия по Горному Алтаю нас сопровождал очень интересный человек Анатолий Ануков. Средних лет, крепкого телосложения, с коротко подстриженными чёрными волосами и умными карими глазами, в глубине которых светилась хитринка. В его осанке чувствовалась уверенность и сила. Он не только знал все тропы в горах, но был прекрасным собеседником, влюблённым в свой край, знающий досконально всё о своей малой родине, от географических деталей до исторических сведений об алтайских этносах и замечательных легендах его народа. Анатолий оказался охотником и рыбаком. Я быстро нашёл с ним общие темы для разговора. Вот некоторые из его рассказов:

«В горах к маралу подойти на выстрел практически невозможно. Прекрасный слух и отличное обоняние позволяют ему вовремя почувствовать опасность и скрыться в труднодоступных местах. Мы решили охотиться загоном. Приятель, обойдя стороной ущелье, притаился в его верховье и стал ждать зверя. Я же не торопясь поднимался вверх с намерением нагнать на него зверя. Неожиданно с лёжки поднялся крупный марал-рогач. Привычным движением я вскинул ружьё и выстрелил. Крупное животное свалилось как подкошенное. «Какая редкая удача», – подумал я и поспешил к добыче. Подойдя к туше, осмотрел её. Пуля попала в основание рога. Повесил шапку на один рог, ружьё на второй и стал готовиться к разделке. В это время марал оправился от шока, поднялся на ноги и стал медленно удаляться. Я бросился за ним, намереваясь снять с рога ружьё. Зверь перешел на бег, унося мою шапку и ружьё. Расстроенный и растерянный наблюдал я эту картину. В душе теплилась надежда, что марал набежит на приятеля, и он спасёт моё ружьё и шапку. Вместо выстрела вскоре слышались громкие крики бегущего вниз по ущелью товарища. Камни, осыпаясь под его ногами, создавали шум, который вместе с криком наводил на меня ужас. «Произошло что-то страшное», – подумал я. Он подбежал ко мне с испуганными глазами и, заикаясь, произнёс:

- Бежим скорее, я видел Духа гор. Он чуть не затоптал меня.
- Какого Духа?
- В образе марала. У него на голове шапка и ружьё».

Встреча с волками

Анатолий немного помолчал, вспоминая очередную историю, и продолжил рассказывать о своих приключениях. Родился я в посёлке Боочи Онгудайского района, расположенном в долине реки Каракол. С детства пристрастился к охоте. Вблизи нет озёр для охоты на уток, зайцы встречаются редко. Молодым охотникам приходится осваивать охоту на косуль. В памятный день бродил по горам, видел табуны коз вдали на скалах, слышал тревожные крики козлов в зарослях, подающих

сигнал тревоги, но подойти на выстрел не удавалось. Солнце клонилось к закату за дальний хребет, меня охватило беспокойство, что домой возвращаться придётся в темноте. Спешно спустился в ущелье, по которому до долины реки идти несколько километров. Наступили сумерки. В горах темнеет быстро. Вскоре меня окутала сплошная темнота. Пришлось идти осторожно, чтобы не споткнуться о камень. Передо мной темнота стояла стеной, приходилось протягивать вперёд руку, опасаясь встретить дерево на пути. Сколько времени я шел не помню, в какой-то момент услышал справа высоко на склоне вой волка. Моё сердце сжалось. В светлое время суток я был бы рад такой встрече. Ружьё заряжено картечью. В темноте же волк может подкрасться незаметно.

Через какое-то время первому волку отозвался на противоположном склоне второй. «Окружают», – подумал я. Крепче сжал в руках ружьё, направил ствол вперёд и медленно продолжал двигаться. На моё счастье тучи рассеялись и луна осветила ущелье. Перекличка волков продолжалась не только на склонах, но и впереди. На моём пути стоял одинокий куст, из которого периодически раздавался вой волчицы. Не спуская взгляда с куста, стал осторожно к нему подкрадываться, готовый выстрелить, как только покажется зверь. Неожиданно из куста раздался человеческий голос:

– Не подкрадывайся!

Я остолбенел. Не мог двигаться дальше. «Неужели волк говорит человеческим голосом, может, это Дух гор?»

Из-за куста вышел мой односельчанин – известный охотник Каюм.

– Ты испортил мне охоту, зачем ночью по горам шляешься?

Трагедия в горах

Пасли мы с приятелем коней в долине реки Курота. Холода ещё не наступили. Снежный покров небольшой. Кони легко добывали корм. Жили мы в зимовье, построенном охотником Одором. Он давно состарился и перестал охотиться. В один из дней, объезжая табун по кругу, заметили, что десять коней ушли в горы.

– Пошли искать лучший корм, – произнёс Алан.

– В горах больше снега, корм труднее добывать, – ответил я ему.

– Что будем делать?

– Ты оставайся с табуном, а я поеду по следу и заверну коней.

Кони, не останавливаясь, поднимались в гору. «Неужели их кто-то украл и угоняет за перевал, – подумал я и сразу же отбросил эту мысль. В горном Алтае воровства не бывало». Следы привели меня на вершину перевала и уходили вниз в долину реки Ороктой, расположенной в соседнем Чемальском районе. У меня мелькнула мысль: неужели их гонит Дух гор, хотя в духов не верю. Я остановил коня и стал осматривать местность. Надежды увидеть коней не было. Здесь лежал глубокий снег, и они не остановятся на кормёжку. На высоте почти две тысячи метров пронизывал холод. Моё внимание привлекли детские следы у ног коня. Не веря своим глазам, спешил и осмотрел следы. Кто-то прошёл в резиновых сапогах

очень маленького размера. Вскочил в седло и направил коня по следу, который привёл к избушке. Рядом стояла юрта, покрытая корьём – летнее жилище алтайцев. Одна сторона юрты была разобрана. У меня мелькнула мысль: нехорошо разбирать юрту на топливо, Духи могут наказать.

В избушке застал женщину средних лет не похожую на алтайку. Она сидела на лежанке с поджатыми покрасневшими и опухшими ногами.

– Здравствуйте! – произнёс я.

Вместо ответа она спросила:

– Вы из тех, кто меня ищет?

– Нет. Я случайно зашёл сюда.

– Вы меня им отдадите?

– Нет. Я охотник.

Во время диалога я рассмотрел собеседницу. Небольшого роста, худую, её можно было принять за ребёнка. Только измождённое лицо с синяками вокруг впалых глаз выдавали в ней женщину.

– Вы сильно обморозили ноги, – сказал я.

– Да.

– В мороз нельзя ходить в резиновых сапогах.

– Да.

Что бы я ей не говорил, она отвечала односложно, стараясь скорее избавиться от меня.

– Спускайтесь в долину. В пяти километрах селение. Там помогут вам спасти ноги.

– Да.

– На стене висит старый полушубок. Отрежьте рукава и сделайте чуни.

– Хорошо.

Я уехал с надеждой, что она послушается моих советов. Коней нашёл в долине и пригнал в табун.

Весной хозяева избушки не смогли открыть дверь. Она была заперта изнутри. Заглянув в оконце, увидели мёртвую женщину, опирающуюся лбом в стекло.

Охотничьи тропы геодезиста

С Владимиром Николаевичем Наконечным я познакомился через журнал «Охота и охотничье хозяйство». В нём было опубликовано сообщение об издании моей книги «В угодьях хантов». Через несколько дней после выхода журнала в свет у меня в квартире раздался телефонный звонок. Звонил из Сургута почитатель охотничьей литературы с просьбой выслать ему книгу. Состоялось телефонное знакомство.

Собираясь поехать в Сургут, я позвонил Владимиру Николаевичу. Он пригласил меня встретиться с ним.

Моему удивлению не было предела, когда я попал в его квартиру. Она скорее напоминала музей. На стенах висели шкуры добытых им медведей, рога копытных

животных. У него превосходная библиотека охотничьей литературы. Журнал «Охота и охотничье хозяйство» выписывает с 1955 года, бережно переплетая каждую годовую подписку. Папки за 1991-1993 годы отличаются от других. В непростые для редакции годы журнал печатался на самой дешёвой бумаге и даже без плотной обложки. Выходил спаренными номерами.

Владимир Николаевич по профессии геодезист, в экспедициях объездил полстраны.

Я просидел у него до глубокой ночи, слушая его охотничьи истории. Некоторые из них привожу ниже.

1

Охотск встретил Владимира Наконечного пасмурной, сырой и прохладной погодой. По небу плыли темные грозовые тучи, которые периодически сыпали на землю излишки влаги. Он поёжился от непривычного холода и посмотрел на фронтон здания аэропорта. Термометр показывал двенадцать градусов тепла. Ему пришлось развязать рюкзак и достать тёплую куртку. Жителю юга, попавшему на Дальний Восток, такое лето было непривычным. «Какая холодина весной», – подумал Володя. Ему вспомнился Киев, Крещатик, по которому он недавно гулял в рубашке с короткими рукавами. В небе пылало солнце, тёплый ветерок приятно обдувал лицо и руки. По тротуару гуляли девушки в разноцветных модных платьях восьмиклинках. Ветер шалил, пытаясь поднять подола, девчата со смехом наклонялись и прижимали подола к коленям. Их весёлые лица и яркие краски цветов на клумбах вселяли в душу весеннее настроение, приятное волнение и ожидание предстоящей поездки. От воспоминаний его отвлек подъехавший автобус.

Владимир окончил Киевский топографический техникум и по направлению прибыл работать в 242-ую экспедицию киевского аэрогеодезического предприятия №13. Экспедиция работала на Дальнем Востоке уже лет пять. Добирался самолётами с двумя пересадками: в Москве и Хабаровске. Из Хабаровска летел на стареньким издававшим виды самолёте АН-24, который приземлился на грунтовую взлётно-посадочную полосу с покрытием металлических листов, поставленных во время войны американцами по ленд-лизу.

Дорога от аэропорта протяжённостью тридцать километров проходила через участок хвойного леса, затем тянулась по лесотундре, объезжая лагуну Кухтуй, пересекая множество небольших рек и ручьёв. Перед въездом в посёлок увидел аншлаг: «Охотск 1647» – год освоения Охотска. В город автобус въехал по улице Коммунистической. По обе стороны стояли одноэтажные деревянные дома с покосившимися сараями. Володе показалось, что он попал в прошлое столетие. Затем автобус свернул на улицу Морскую, которая шла вдоль побережья Охотского моря. Он не отрывался от окна, зачарованно смотрел на морской простор, по которому катились невысокие волны с барашками на гребнях. Казалось, что они хотят догнать друг друга, но им этого не удавалось.

На базе экспедиции Владимира Николаевича встретили доброжелательно.

Там формировался отряд для работ на полуострове Лисянском, названном в честь русского мореплавателя Ю.Ф. Лисянского. Он расположен на северном побережье Охотского моря. Выступает далеко в море, разделяя Ейринейскую губу и залив Ушки. Его площадь составляет 625 квадратных километров.

Отряду в составе четырёх человек, налегке, с двумя лошадьми, предстояло добраться морем до метеостанции полярной авиации, расположенной на мысу побережья Ейринейской губы Охотского моря, а затем пешком к месту работ. В пути к ним должны присоединиться ещё два человека. Продукты и инструменты были завезены зимой и оставлены во временных складах по пути следования отряда.

Ранним утром началась погрузка на баржу лошадей. Первым с причала по трапу стали сводить Заслона. Он упёрся и стоял как вкопанный. Никакие усилия успеха не имели. Тогда на баржу завели Турбина. К удивлению всех присутствующих, Заслон сам последовал за напарником. Позже выяснилось, что он в постоянных экспедиционных походах привык ходить следом за Турбином.

Рыболовецкий сейнер натянул буксирный трос, баржа дрогнула и последовала за ним. Море встретило путешественников лёгкой зыбью. По небу нескончаемым потоком ползли тучи. Солнце изредка проглядывало между ними, вселяя надежду на хорошую погоду. Баржа покачивалась на пологих волнах. С воды постоянно слетали утки. Они долго бежали по воде, хлопая крыльями, прежде чем взлететь. Володя провожал их охотничьим взглядом и думал: «Наверное, очень жирные, долго не могут оторваться от воды». Среди них были кайры с белыми животами, тупики с большими красными клювами. Крупные чёрные бакланы тяжело отрывались от воды и, не поднимаясь высоко, отлетали в сторону. Мористее сейнера навстречу шли касатки. Их чёрные спины горбами мелькали над водой.

Во второй половине дня погода начала портиться: ветер усилился, на гребнях волн появились барашки. Баржа стала вилять на буксире. Только через одиннадцать часов сейнер достиг места назначения. На высоком мысу стоял одинокий домик. Света в окнах не было видно. Время давно перевалило за полночь. Стояли белые ночи, береговая черта хорошо просматривалась. Ветер и волны не давали сейнеру подойти близко к берегу. Капитан, маневрируя двигателем, удерживал судно против волны, старался подвести баржу как можно ближе к берегу. Её стало качать в разные стороны. Кони порвали постромки, которыми были привязаны, и переместились к одному борту.

С мостика в рупор раздалась команда: «Столкните коней в воду».

Лошадей столкнули. Они погрузились с головой. «Неужели утонут», – подумал Владимир. Когда их головы показались над водой, с облегчением вздохнул. Турбин затряс головой, увидел берег и поплыл к нему. Следом за ним поплыл Заслон.

Капитану удалось подвести баржу довольно близко к берегу. Её корма поднималась и проваливалась вниз. В рупор раздался голос капитана: «Всем прыгать в воду».

Володя выждал момент, когда корма опустится вниз, и прыгнул первым. Холодная вода оказалась по пояс. Набежавшая волна подтолкнула к берегу. Выбравшись на галечную отмель, обернулся. Корма баржи была уже недалеко от берега. С неё раздался голос начальника отряда Никиты Петровича: «Держи». В него

полетел рюкзак. Он поймал его и отбросил дальше от уреза воды. Следом за рюкзаком летели другие вещи.

Никита Петрович прыгнул в воду последним, как подобает старшему отряда. Выйдя на сухой берег, помахал капитану рукой. Тот подал прощальный сигнал сиреной, и сейнер потянул баржу в море.

Этот звук, видимо, разбудил обитателей дома, и они вышли на берег. Членов экспедиции радостно встретили начальник метеостанции Константин и его жена Анна. Они жили как Робинзоны вдали от цивилизации, поэтому рады любой встрече, когда к ним попадают люди. Константин предложил истопить баню, на предложение все с радостью согласились.

Вместе с хозяевами гостей встречала их лайка Веста. Владимир привёз с собой своего постоянного спутника: западносибирскую лайку Норда. Он моментально бросился на Весту, но обнюхав её, завилял хвостом и собаки вместе побежали вверх по косогору. Видимо, Веста решила познакомить Норда со своими владениями.

Пока баня топилась, топографы поставили палатку и перенесли в неё вещи. К ним подошли двое парней, поздоровались и представились: «Виктор Лебедев, Виктор Клименков». Им хотелось пообщаться, узнать: нет ли среди приезжих земляков. На Дальнем Севере, если встретишь земляка, то он становится почти родственником. Первым заговорил Лебедев:

– Мы окончили Новосибирский метеорологический техникум, работаем здесь операторами. Из Новосибирска кто-нибудь есть?

Земляков не оказалось.

– Жаль, – тяжело вздохнул Виктор, – хотел с вами письмо передать. Вы осенью домой вернётесь, а мне до отпуска ещё год ждать.

– Можно же радиogramму отправить.

– В радиogramме всего не напишешь.

– Письмо, видимо, девушке? – поинтересовался Володя.

– Конечно.

– Не скучно здесь жить?

– Скучать нет времени. Отстоял вахту и иди куда душе угодно. Хоть на рыбалку, хоть на охоту.

Душа Владимира затрепетала. Он после окончания техникума не случайно выбрал место работы на Северо-востоке. Ему хотелось познакомиться с загадочными просторами Востока, о котором много читал, а главное, иметь возможность охотиться в богатом дичью крае.

– На кого здесь можно охотиться?

– Можно пройти вдоль берега моря и пострелять уток. В тайге любая дичь водится. Только учти: медведи здесь очень агрессивные, – предостерёг Виктор.

– Медведей добывать приходилось?

– Недавно такой случай был: слышим Веста лает. Она зря голос подавать не станет. Взяли ружья, и пошли. Медведь в кедровом стланике запутался, не может из его объятий вырваться. Да и силы, видимо, на исходе. Собаку в густых зарослях не видно, ползает под сплетёнными ветками. Зверя добыли. Он оказался до крайности истощённым. На нём была петля с потаском. Позже узнали, что он повадился ходить

в стан эвенгов и пакостить. Они поставили петлю, с которой грабитель ушёл очень далеко и поплатился жизнью.

После бани топографы поужинали и уселись слушать музыку. Из приёмника лились знакомые мелодии семидесятых годов прошлого века.

На следующий день рано утром Владимир закинул на плечо ружьё и пошёл вдоль побережья, надеясь добыть уток. Он впервые увидел отлив. Море отступило от скалистых берегов на несколько десятков метров. Его прибрежное дно осушилось. На нём лежали кучи морских водорослей, прибитых вчерашним штормом. От них исходил запах йода. Листья морской капусты – ламинарии, удивляли своей длиной в несколько метров. Повсюду виднелись разнообразные ракушки и морские звёзды. Во впадинах дна сохранилась вода, в ней остались мелкие рыбёшки и крабы.

Далеко впереди по берегу ходил медведь и поедая дары оставленные отливом. Володя посчитал, что разумно будет вернуться в лагерь. Встреча со зверем, когда в руках ружьё, заряженное дробью, грозит плохим исходом. В нём разгорелось страсть поохотиться на достойного зверя.

В лагере обратился к Лебедеву:

– Витя, я видел недалеко бродит медведь. Пойдём на охоту, мне хочется познакомиться с местностью.

– Их здесь бродят много.. У тебя какое оружие?

– Карабин Мосина.

– С таким оружием можно ходить на любого зверя, – одобительно произнёс Виктор.

Охотники направились вверх вдоль небольшой речушки Ушки, впадающей в море недалеко от метеостанции. Весной река была многоводной, бурлила среди обточенных валунов, выступающих из воды. По берегам росли берёзы и ели, склоны покрывал стланик. Вдали виднелся чёрный лес. Их встретил молчаливый сумрак старого леса. Володю охватило чувство волнения и тревожного ожидания. Он держал карабин в руках наизготовке и внимательно осматривал местность. Продвижению вперёд мешал бурелом и валежник. Почти из-под ног взлетела капалуха и уселась на берёзе. У охотников не появились даже мысли добыть птицу и нарушить утреннюю тишину тайги. Они прошли около четырёх километров, не встретив другой дичи, и повернули назад.

На следующий день Владимир отправился в поход один, решив пройти вдоль реки намного дальше, чем вчера. В его рюкзаке лежали топорик, котелок, патроны, тушёнка и сухари. Он прошёл вчерашний участок пути и наткнулся на бурелом. Перед ним широкой полосой лежали поваленные деревья. Он повернул от реки и вышел на склон, заросший стлаником. Пробираясь через него стоило больших усилий. Обойдя бурелом, повернул к реке и оказался среди высокого кедрового леса. Пройдя лесной массив, вышел на открытый участок местности. Впереди река вытекала из-за поворота, ударяясь на излучине в высокую скалу правого берега. На берегу перед скалой лежала огромная глыба, сорвавшаяся когда-то со скалы. Владимир направился к скале, чтобы обойти её. Карабин держал рукой за ствол, иногда опираясь прикладом о землю, когда нога попадала на скользкий булыжник. Ветер дул с моря в спину охотника.

Неожиданно из-за глыбы появился медведь, встал на задние лапы и издал страшный рык. Володя испугался и инстинктивно присел. Зверь опустил на передние лапы и побежал к реке, намереваясь перебраться на другой берег. Около воды передумал и побежал вниз по течению, возможно, в поисках лучшего брода. С каждой секундой медведь приближался к охотнику. Володя держал его на мушке карабина. Он даже не помнит, в какой момент нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел: зверь продолжал бежать. Владимира обожгла мысль: надо сделать упреждение. После второго выстрела медведь повалился на землю.

Придя в себя после испуга и волнения, охотник пошёл к добыче, считая шаги. Расстояние составило двадцать один шаг. Перед ним лежал молодой зверь. Одна пуля попала в ключицу, вторая в шею, перебив вену. На звук выстрела прибежал Норд и стал облаивать зверя.

– Нельзя брехать, – прикрикнул Володя, – не надо было далеко убежать.

Норд посмотрел на хозяина виноватыми глазами и завилял хвостом, сознавая свою вину.

Любознательность заставила Володю пойти к скале и осмотреть место, откуда выскочил медведь. Там обнаружил его лёжку. Видимо, ветер принёс запах человека. Он не собирался нападать, хотел убежать, но побег закончился для него трагедией. Это был первый медведь добытый Владимиром Наконечным. Он вернулся в лагерь с приятным известием. Все свободные мужчины направились к медведю. Разделали тушу, забрали мясо и жир. Желчь высушили в тени.

Топографы уходили от гостеприимных сотрудников метеостанции двумя маршрутами. Никита Петрович не первый год работал на Лисянском. Он с лошадьми и грузом пошёл вдоль побережья моря, чтобы по пути проверить наличие продуктов в закладах на побережье моря. Зимой для отряда должны были завезти сухари, сахар, тушёнку, макароны и другие продукты. Владимир с местным жителем Мишей направился вдоль ручья, в верховье которого на водоразделе в прошлом сезоне строители соорудили триангуляционный знак. Ему предстояло проверить координаты пункта и, продвигаясь по профилю, проложенному вглубь полуострова, вести топографическую съёмку.

К концу дня лес поредел, и топографы вышли в широкий распадок, покрытый высокой травой. «Наверное, заливные луга, – подумал Володя, – ещё весна, а трава вымахала по пояс». День выдался тихий, не предвещающий дождя. Идти было тяжело, ноги постоянно путались в траве. Местонахождение Норда можно было определить только по колебанию травы. Неожиданно он с лаем бросился через ручей. Вскоре оттуда на махах показался северный олень. Владимир сделал три выстрела. Олень свалился в траву.

– Кого стрелял? – спросил Миша.

– Оленя.

– Пойдём смотреть.

Прибежавший Норд помог отыскать добычу. Миша посмотрел на тушу и произнёс:

– Это домашний олень.

– Как ты узнал?

– На ушах пробоины и клипсы.

– Что будем делать?

– Надо свежевать. Эвены узнают, могут убить.

Они разделали тушу, добычу перенесли к ручью. Поставили палатку, развели костёр и стали варить мясо. В ожидании ужина, Володя присел и прислушался. В прибрежном лесу происходила активная жизнь. Раздавались голоса мелких перелётных птиц. Они прилетели сюда с далёкого юга. За короткое северное лето им надо успеть построить гнёзда и вывести потомство.

Владимир плохо спал, всю ночь ворочался в палатке с боку на бок. В голову приходили разные мысли. Наконец, решил, что если придёт хозяин оленя, надо извиниться и заплатить за него.

Утром Миша спросил:

– Почему плохо спал?

Володя поделился своими переживаниями.

– Не расстраивайся. Искать оленя не будут.

– Почему?

– Стада оленей нет поблизости. Этот давно один бродит. Такие блудливые олени часто пропадают. Медведь задирает, геологи стреляют.

2

Лагерь отряда расположился в устье реки Кулку. Весной она многоводна. В её мутной воде плыл мусор, смытые кустарники и деревья. Река собирает воду многочисленных притоков и уносит в море.

Шла привычная для топографов жизнь. На съёмку местности выезжали верхом на лошадях. К концу лета они потеряли подковы, разбили копыта. Ноги опухли от постоянной ходьбы по стланику.

Полуостров Лисянский представляет гористую местность, изрезанную множеством рек и ручьёв. Вдоль рек растёт хвойно-берёзовый лес, большая часть склонов сопок покрывает кедровый стланец, а на плоскогорьях простираются горные тундры.

К осени уровень воды в реке упал, начался ход красной рыбы. Это было невообразимое зрелище. Через чистую воду реки было видно, как косяки рыбы стремительно неслись в её верховье. В мелких речушках вода кипела от нашествия лосося, в ручьях на перекатах горбуша скользила по дну с выступающей из воды спиной. Рыба спешила отметать икру, чтобы оставить потомство и закончить свою жизнь в местах рождения. Нерестились кета и горбуша, кижуч и чавыча. Отметав икру, рыба погибала. Течение уносило её вниз, выбрасывая на берега. Она служила пищей для множества зверей и птиц.

Людам давно надоела тушёнка, начались сплошные рыбные дни. Рыбу варили, жарили и тушили. Икру солили в большой миске и ели ложками.

Незаметно подкрались холодные дни осени. О ней стали напоминать ночные заморозки и пожелтевшие листья берёз. Солнце, не баловавшее людей своим теплом всё лето, стало ярко светить с небосвода, мало доставляя на землю тепла. В ночном небе, усыпанном звёздами, стали слышны голоса гусей и лебедей, улетающих с далёкого севера.

Владимир ехал верхом на Заслоне, гордо восседая в седле. Ему надо найти недавно поставленную триангуляционную вышку, и провести с неё съёмку местности. С ним, как всегда, следовал Норд. Собака периодически убегала в сторону и возвращалась к хозяину, чтобы убедиться, что он следует в прежнем направлении. Глаза Норда излучали вопросительный блеск. Володе казалось, что пёс хочет что-то спросить. В таких случаях он мягким голосом произносил: «Молодец, хорошая собачка». Норд вилял хвостом и снова убегал в сторону.

В очередной раз Норд долго не возвращался. Володя начал волноваться. Вскоре услышал лай в неглубоком логоу, повернул коня на голос собаки и поехал вниз, держа карабин на коленях. Конь осторожно шёл по траве, достигающей его роста.

Неожиданно в стороне показались медведь и Норд. Собака держала зверя, всё внимание которого было обращено на неё. Он не видел лошадь с наездником. Владимир начал целиться. Лошадь учуяла зверя и стала вертеться. В таком положении, да ещё в траве, трудно поймать медведя на мушку. Охотник попытался спуститься на землю, но ему это не удалось. В голову пришла мысль: «Если медведь учует лошадь и бросится на неё, медлительного мерина догонит в несколько прыжков». В это время Заслон сделал прыжок, седок вывалился из седла, а конь умчался с появившейся прытью.

Володя упал на бок и больно ударился. Не успел подняться на ноги, как увидел бегущего медведя, а за ним Норда. Второпях наобум выстрелил четыре раза и промахнулся. Зверь и собака скрылись в ложбине.

Немного полежав, Владимир с трудом поднялся на ноги. В груди трепетало, руки тряслись. Он услышал выстрелы со стороны лагеря, вскоре прибежали люди:

- Что случилось?
- Стрелял в медведя.
- Почему конь прибежал один?
- Так получилось.

Норд пришёл в лагерь только утром.

3

Владимир отправился вдоль воды небольшого залива подыскать место для приёма баржи с грузом. Стоял полный штиль, на воде не видно даже ряби. Лучи солнца, отражаясь от поверхности воды, слепили глаза. Галечная отмель делала полукруг и уходила на север. Плоские гальки, отшлифованные морем, заставляли ноги скользить по ним.

Высоко в небе парил коршун, высматривая добычу, над водой с криком кружили чайки. Они периодически выхватывали из воды мелкую рыбёшку.

Воспользовавшись минутами отдыха, включил радиоприёмник. Над заливом понеслись мелодии Моцарта. Музыка заставила его вспомнить родителей, которые были любителями классической музыки и часто брали с собой сына на концерты в Киевскую филармонию.

Вдали Володя заметил нерпу, которая с каждым нырком приближалась к берегу. Любопытство заставило его остановиться и наблюдать за животным. Нерпа подплыла довольно близко к берегу, высунула голову из воды и застыла в такой

позе, не обращая внимания на человека, стоящего на берегу. «Неужели она слушает музыку?», – подумал он.

Несколько минут человек и животное наслаждались мелодией, несущейся из радиоприёмника. Им бы разойтись каждому по своим делам, но человека обуяла страсть охотника. Он поднял карабин, прицелился в голову и выстрелил. Нерпа ушла под воду, на поверхности осталось красное пятно.

Володя продолжил свой путь, сожалея, что зря погубил любопытное животное и не добыл достойный трофей.

К вечеру с моря подул ветер, небо затянуло тучами, начал моросить дождь. Владимир подумал, что это небо оплакивает погибшую нерпу.

Рано утром Норд поднял хозяина лаем. Он нашёл на берегу залива нерпу, выброшенную морем на отмель.

4

У Норда, как у любой собаки, есть своя история и длинный послужной список историй на охоте. На Дальний Восток он прибыл грузом в клетке с Украины.

В родном посёлке жил в высоком вольере из досок и доставлял много хлопот хозяину. Когда ему надоедало одиночество, он разгонялся по вольеру, прыгал на конуру, а с неё перелетал через двухметровый забор. Домой возвращался к вечеру, виновато виляя хвостом и заискивающе глядя в глаза хозяевам.

Однажды он не пришёл домой до утра. Володя отправился на поиски по посёлку. Кричал, свистел, но собака не отзывалась. Потеря Норда стала трагедией для всей семьи. Строились разные предположения: украли, попал под машину, загрызли волки.

О потере Норда знал весь посёлок. Однажды участковый милиционер встретил отца Володи и сообщил, что видел на автомобильной трассе убитую собаку.

Владимир помчался к дороге с замирающим сердцем. На обочине увидел крупную серую дворняжку с висячими ушами. Он не обрадовался, зная, что кто-то, как и он, переживает потерю собаки. В его душе тлела надежда, что Норд найдётся.

Прошло два с половиной месяца. Володя с родителями вернулись на электричке из театра. Стояла хмурая осень, шли домой в полнейшей темноте. Освещения на их улице не было. Когда вошли во двор, отец попросил сына включить лампочку над крыльцом. Володя споткнулся обо что-то мягкое.

При тусклом свете увидели лежащего Норда. Он был истощён. Задние лапы, прострелянные картечью на вылет, гноились. Вероятно, он пытался в лесулизать раны. Когда понял, что самому не справиться, приполз к людям.

Утром отец положил его в рюкзак и понёс в ветеринарную клинику. Там обработали раны, сделали укол и дали таблетки стрептоцида. Только через месяц он начал поправляться, нос стал холодным, вес увеличиваться.

С наступлением зимы Володя начал приучать питомца к нагрузкам. Сделал для него постромки и пригласил мальчика-соседа с лыжами покататься на собаке. Ребёнку понравилось катание, и он ежедневно приходил выгулять Норда.

После ранения Норда Владимир с большим вниманием стал относиться к питомцу. Сам кормил, нежно гладил и разговаривал. Приучил брать еду только с

разрешения хозяина. Никогда не бил. Норд отвечал взаимностью и стал надёжным партнёром на охоте.

5

На полуострове Лисянском в это же время работала бригада геодезистов-строителей. Возглавлял её известный топограф Николай Дегтярь. Его жена Ольга выполняла функции записывателя и по совместительству – поварихи.

Владимира удивлял тяжёлый труд соседей. Они искали и валили строевой лес, поднимали его на вершины сопки. Затем сооружали триангуляционные вышки. Для крепления брёвен использовали кованые гвозди длиной до 60 сантиметров.

Каждое утро Ольга варила еду в лагере, наливала в армейский термос, надевала его на плечи и отправлялась на сопку, где строилась очередная вышка. Женщина была крупная, сильная, не один сезон провела в экспедициях. С собой всегда возила любимую маленькую лохматую собачонку из породы терьеров. Если собачка уставала, она брала её на руки и несла вверх на сопку. Длинная шерсть со лба собаки закрывала ей глаза. Николай, руководствуясь добрыми чувствами, подстригал ей шерсть, вызывая всегда бурную реакцию супруги.

В тот день Ольга не принесла вовремя обед. Николай забеспокоился, выстрелил из ракетницы. Ответа не было. Через некоторое время послал двоих рабочих в лагерь. Они вернулись с плохими вестями: Ольги в лагере нет, вещи и сейф не тронуты.

Утром всей бригадой отправились на поиски. В ложку слышали жалобный вой собачки. Она сидела на куче мусора и разгребала его. Рабочие разбросали ветки и разгребли мусор. Ольга лежала без волос на голове с пистолетом в руке. Удар медведя, видимо, произошёл неожиданно сзади.

О происшествии сообщили на центральную базу. Прилетел вертолёт со следователем. Тело Ольги увезли в Охотск.

Провожая вертолёт, Владимир думал: «Профессия геодезиста связана со многими опасностями, но она мне нравится, и я её не брошу». Сезон работ у геодезистов обычно начинался в марте, и продолжался до снега. На основную базу возвращались к 7 ноября.

Он провёл на полуострове два с половиной сезона, пока его не перевели в Коми.

6

В посёлок Объячево, расположенный на реке Лузе, Владимир прилетел на самолёте АН-2, который обычно называли ласково «Аннушкой». Здесь располагалась база экспедиции. К месту проведения работ его забросили на артиллерийском тягаче. В этих краях только мощная гусеничная техника могла свободно передвигаться.

Лагерь отряда разместился на берегу ручья, окружённый со всех сторон густым корабельным лесом. Высокие стройные сосны тянулись к солнцу, сохраняя ветки только на вершинах. При лесозаготовках в таком лесу не требуются сучкорубы.

Отряд состоял из двенадцати человек. Временных рабочих нанимали из людей без определённого места жительства, речниками работали школьники. Рабочие рубили просеки, инженер вёл записи в журнале, техники вели съёмку. Палаточный работник готовил еду. При тяжёлом физическом труде требовалось хорошее питание. Владимир обратил внимание, что в еде всегда было обилие тушёнки. «Неужели здесь не водится дичь?», – думал он.

Подходил к концу сентябрь. Ночи стали холодными, исчезла мошка и комары. Работать стало легче. В вечерней тайге слышались хриплые вздохи. Норд вскочил с места и умчался в лес. Вскоре слышался его злобный лай. Володя схватил карабин и побежал к нему. Пробежав несколько десятков метров, остановился и прислушался. Лай продолжался: Норд держал зверя. Чтобы не подшуметь сохатого, стал осторожно ставить ноги, стараясь не наступить на ветку. Сапоги мягко проваливались в моховую подстилку.

Чем ближе подходил к лосю, тем сильнее колотилось сердце. Его охватил не только азарт, но и ответственность. В лагере люди ждали результата его охоты.

На поляне топтался бык с тяжёлыми рогами. Он нагнул голову к земле и направлял рога в сторону собаки. Норд делал ложные выпады то влево, то вправо, эмитируя нападение с боку, заставляя лося постоянно двигаться и поворачиваться к нему.

Владимир остановился за сосной, успокоил дыхание и, прижав карабин к дереву, прицелился в лопатку. После выстрела исполин сибирской тайги рухнул на землю. Когда подошёл к туше, Норд трепал зверя за загривок. Собака не могла успокоиться: шерсть на загривке стояла дыбом. Володя достал из ножен охотничий нож и перерезал добыче горло, чтобы спустить кровь, похвалил Норда и пригласил отведать тёплой крови, а сам уселся на заднюю часть лося ожидать помощи, но из лагеря никто не торопился. Тогда поднялся с тёплого сидения и направился в лагерь.

Рабочие сидели вокруг костра и после сытного ужина курили.

– Кого стрелял? – встретили его вопросом.

– Лося.

– Промазал?

– Берите ножи, поможете разделать тушу и вынести мясо.

За Владимиром последовала почти вся бригада. Каждому хотелось посмотреть, кого он добыл. Многие в тайге были впервые.

Над лесом уже кружил чёрный ворон, издавая гортанные звуки, созывая сородичей на предстоящий пир. Володя думал: «Как птица узнала, что здесь убит лось? По звуку выстрела или по запаху крови?» Не найдя ответа, переключил свои мысли на разделку туши.

Вскоре выяснилось, что никому из членов бригады не приходилось снимать шкуру и разделывать крупных животных. Взятые с собой кухонные ножи засаливались и оказались непригодными. Вся помощь состояла в том, что рабочие держали лося за ноги, когда Владимир уверенными быстрыми движениями охотничьего ножа снимал шкуру.

Добытого мяса хватило бригаде до конца сезона.

Жители посёлка Локосово, расположенного в ста шестидесяти километрах от Сургута, позвонили в Общество охотников и сообщили, что медведи бродят вокруг села, люди опасаются выходить за его пределы.

Егерь общества Алексей Александрович пригласил Владимира Николаевича, и они поехали ознакомиться с обстановкой на месте.

На окраине села – кладбище, рядом в лесу устроена свалка. Среди бытовых отходов валялись сломанная мебель, матрас. Недалеко сгнившая картошка, протухшие язи.

Охотники обошли свалку по периметру, увидели следы медведей, старые и свежие.

– Звери регулярно посещают свалку, – произнёс Владимир Николаевич, – жители устроили для них кормушку.

– Вонюща, дышать нечем, – посетовал егерь.

– А я не чувствую запаха.

– Тогда ты и садись среди свалки, а я отъеду на машине.

Владимир Николаевич уселся на дырявый матрас, положил рядом фотоаппарат и взял в руки карабин «Лось».

– Гроб заказывать? – пошутил Алексей Александрович, удаляясь со свалки.

Потянулось тревожное время ожидания. Стояла тихая безветренная погода. Место открытое, редкий березняк не помеха для обзора. Сзади застрекотала сорока. Повернул голову и увидел медведя, идущего по проезжей дороге. Он косолапил и принюхивался. Первым желанием захотелось его сфотографировать, но руки сами направили карабин в сторону зверя. Выцелил и щёлкнул языком. Медведь остановился и стал прислушиваться. Раздался выстрел – и зверь рухнул на землю.

Вскоре раздался шум машины егеря. Ему дорогу перегородил достойный трофей.

Содержание

Об авторе

От автора

На притоках Кети

На берегах реки Лисица

Медведь у машины

Встреча с эвенком

Рыбалка на озере Подкова

Хозяин тайги

Луна плохой маяк

За лосем

Косач

На медведя

Рыбалка

Росомаха

В год больших пожаров

В Верхнекетской тайге

Рассказы охотников Югории

Рога лося

Пакостный медведь

Встреча на черничнике

На просторах Васюганья

Встреча с волками

Росомаха

Кедр

Волчица

Случайная встреча

За клюквой

На родине

Рассказы бывалого алтайца

Дух гор

Встреча с волкам

Трагедия в горах

Охотничьи тропы геодезиста

Кайков Альберт Сергеевич

На притоках Кети

Повести и рассказы

Дизайн обложки – Мыслин О.Г.

Корректор – Ильина В. А.